
А. И. РОДИМЦЕВ
ГВАРДЕЙЦЫ
СТОЯЛИ
НАСМЕРТЬ

А. И. РОДИМЦЕВ

ГВАРДЕЙЦЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ • МОСКВА — 1969

Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев

Вряд ли найдется хоть один из жителей Волгограда, кто не знает в лицо Александра Ильича Родимцева. Как с хорошим знакомым, с ним на улицах раскланиваются, когда он приезжает в город, взрослые, восторженно салютуют ему пионеры, с восхищением смотрит вслед молодежь.

На волжской набережной, на месте знаменитого причала, Александр Ильич медленно проходит вдоль серой бетонной стены, где имеется надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, мы победили смерть».

Глухой сентябрьской ночью 1942 года, когда судьбу Сталинграда решали уже не часы, а минуты, на этом месте с бронекатеров бойцы и командиры 13-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал А. И. Родимцев, бросались в воду и врукопашную шли на врага. Сто сорок дней не на жизнь, а на смерть бились в беспримерной жестокой схватке с гитлеровцами гвардейцы Родимцева, первыми погнали их с берега великой Волги, первыми соединились с частями Донского фронта, разрезавшими надвое окруженные войска фельдмаршала фон Паулюса.

Весть о подвиге бойцов и командиров 13-й гвардейской дивизии и ее командира тогда облетела весь мир.

Жизненный путь А. И. Родимцева и своеобразен, и в то же время присущ многим советским людям старшего поколения.

Родившийся в бедняцкой семье в степном селе Шарлык Оренбургской области, мальчик рано лишился отца, загубленного колчаковцами, и с раннего возраста в качестве ученика-подмастерья сапожника начал зарабатывать себе на хлеб, помогать матери и сестрам.

Двадцатилетним юношей он был призван на действительную военную службу, и с тех пор его жизнь, вот уже более сорока лет, неразрывно связана с Советской Армией. Сначала красноармейцем, потом курсантом и, наконец, красным командиром, как тогда называли офицеров, Александр Ильич осваивал сложное и благородное дело защиты Родины и борьбы с черными силами международной реакции.

Спустя несколько лет в далекой сражающейся Испании среди республиканцев, боровшихся с фалангистами Франко и итало-германскими фашистами, распространялись легенды о бесстрашном капитане Павлито, залегшем за пулемет и преградившем путь фашистам на Университетский городок под Мадридом, сделавшем непроходимыми для врага и потому ставшими знаменитыми реки Харама, Мансанарес, прославившемся в боях под Брунетой, Теруэлем, Гвадалахарой...

А потом в Москве, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, М. И. Калинин вручил два ордена Красного Знамени, орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза А. И. Родимцеву — бывшему волонтеру испанской республиканской армии капитану Павлито.

К началу Великой Отечественной войны Александр Ильич уже имел богатый боевой опыт и, кроме того, высшую военно-теоретическую подготовку: он окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Стрелковая дивизия, созданная на базе бывшего воздушнодесантного соединения, меньше чем за год войны под его командованием завоевала высокое звание гвардейской и была награждена орденом Ленина.

После Сталинградской битвы Александр Ильич принял участие в разгроме гитлеровцев на Курской дуге, в изгнании их из Украины, Молдавии, в освобождении от фашистов Польши, Германии и Чехословакии.

Александр Ильич — не только воин-антифашист и талантливый полководец, он известен и как автор интересных книг о войне и армии: «Твои, Родина, сыновья», «Люди легендарного подвига», «От Мансанареса до Волги», «Машенька из Мышеловки», «Под небом Испании».

В своей новой книге, предлагаемой юному читателю, дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник А. И. Родимцев рассказывает о подвигах воинов славной 13-й гвардейской стрелковой дивизии, проявленных ими в Сталинградской битве.

СКИТАЛЕЦ МОРЕЙ

— С вами говорит Соркин,— слышу я в телефонной трубке чей-то голос.— Вы не помните меня, Александр Ильич?

Видимо, почувствовав, что мне с налёту трудно его вспомнить, Соркин торопливо и взволнованно рассказывает о Сталинграде, о волжской переправе, называет моих прежних сослуживцев — З. П. Червякова, В. Ф. Бакая, Г. А. Гулько, затем просит разрешения зайти.

Конечно, можно зайти, я всегда рад встрече с однополчанами.

Но кто же все-таки этот Соркин? Пока он добирается ко мне городским транспортом, я перебираю в ящике письменного стола десятки записных книжек и, наконец, нахожу ту, что искал. Под верхним обрезом обложки полустертая и выцветшая надпись: «Сентябрь 1942 — февраль 1943».

Нет, это не дневник. К сожалению, я не вел тогда дневника. Не хватало времени, и вообще было не до него. И все же они похожи на дневник, мои старые записные книжки.

По укоренившейся армейской привычке я всегда ставил дату записи, свое тогдашнее местопребывание, перечислял дела и лиц, с которыми общался. Разве это не дневник?

Листаю. Мелькают названия населенных пунктов: «Камышин»?.. Нет, не то. «Средняя Ахтуба»? Тоже не то. «Красная слобода»? Кажется, то. Вот она, эта запись:

«13.9.42. Пос. Красная слобода. Голиков приказал переправить Червякова в 2.00 15.2.42. Для этого связаться с Соркиным».

Так вот кто мне сейчас позвонил! «Командир отряда бронекатеров гвардии старший лейтенант Михаил Ефимович Соркин»,— значится в моей записной книжке. «Бывший скиталец морей, временно пришвартованный к Нижневолжскому речному бассейну»,— так в шутку он говаривал о себе.

В Сталинграде мы с ним часто встречались, и каждый раз он будил в душе прежние представления об океанских просторах, о жизни моряка, полной романтики, приключений и странствий. Кто из нас в мальчишеском возрасте не мечтал о море?

Звонок у входа. Иду открывать. В дверях встречаю гостя с золотыми шевронами на рукавах черного кителя, в «мичманке», щеголевато сдвинутой набекрень, с потускневшим, как у настоящего морского волка, крабом.

Полумрак прихожей, видимо, скрыл следы, которые пролегли на лице Соркина за прошедшие послевоенные годы, и он, прежний Соркин, молодой и отважный, взглянул мне в глаза «из сорок второго рокового». Не хватало только разве с левой стороны планшетки, а с правой — где-то внизу на длинных ремнях,— пистолета.

Это мое впечатление было так сильно, что оно не рассеялось и тогда, когда мы вошли в комнату, и я заметил поседевшие виски, глубокие складки у рта и морщины у глаз. Но голос Соркина звучал по-прежнему, со знакомой хрипотцой, и мне показалось, что совсем не двадцать с лишком лет тому назад, а только вчера мы расстались.

И хотя поговорить нам было о чем, наша беседа не сразу вошла в колею, а часто прерывалась то паузами, когда мы пробивались к прошлому сквозь дымовую завесу времени, то обычными в таких случаях возгласами: «А помните?»

— А помните, как переправлялся Червяков? — спрашивал меня Соркин.— Тогда мы катер потеряли. Его накрыла артиллерия противника...

— Вы головной как будто вели? — отвечал я на вопрос вопросом.

— Я любил его... Он руля хорошо слушался. Как ни охотился за ним немец, уцелел-таки. Один из всего

отряда. Я ходил на нем в последний рейс. Помните? Не машина — хронометр,— восхищался Михаил Ефимович.— А экипаж! Такая лихая братва подобралась!..

И я, знавший, что такое волжская переправа в те времена, восхищался вместе с гостем и людьми, и бронекатерами его отряда.

В ту суровую осень Волжской военной флотилии отовсюду грозила беда. По крохотным беззащитным суденышкам прямой наводкой била вражеская артиллерия, строчили пулеметы, сотни минометов изрыгали фугасные и осколочные мины, бросали бомбы самолеты. Смертельную опасность несли плавучие мины, спускаемые в районе Латошинка — Рынок, где гитлеровцы еще в августе вышли к реке. Даже обыкновенные коряги или топляк могли привести к аварии.

И все же, круто меняя курс, то замедляя ход, то рывком выносясь вперед, от берега к берегу сновали бронекатера, таская за собой на буксирных тросах баржи, паромы, плоты, перебрасывая на правый берег подкрепления, боеприпасы, продукты питания, медикаменты, а на левый — переправляя раненых.

При встречах с бывшими однополчанами у меня постоянно возникал вопрос: что заставляло их всегда пытаться сделать больше, чем это входило в круг обязанностей? Как-то случайно всплыл этот вопрос и сейчас.

— А почему так часто вы сами водили катера? — спросил я Михаила Ефимовича.— Не хватало квалифицированных моряков?

— Хватало! — улыбнулся Соркин.— Даже с избытком. Особенно после того, как оставили Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск. Сейчас даже перечислить страшно, что тогда оставили врагу...

— Так что же заставляло?

Соркин смущенно молчал. Потом, будто подыскивая более весомые доводы, медленно проговорил:

— Право, не знаю... Тянуло. Казалось, будто за штурвалом я нужнее. Вроде как без меня не обойдутся. Впрочем, без меня, конечно, обошлись бы, только вот я без этих катеров не мог обойтись, как-то не получалось...

Для Михаила Ефимовича легче что-либо сделать, чем рассказать, и все-таки я не помню более волнующей беседы, чем эта. Наверное, потому, что Сталинград для

меня и Соркина был самой яркой страницей в жизни. Нигде мы не видели столько огня, начиная от пожарищ и кончая огнем оружия — от пистолетов до «катюш» включительно,— как в Сталинграде.

В разговоре перед нами зримо предстали переправа, вокзал, «дом Павлова», Мамаев курган, завод «Красный Октябрь» и снова Мамаев курган, обугленный, изрытый воронками.

Мы расстались, пообещав не забывать друг друга.

И вот я снова один. Продолжаю перелистывать пожелтевшие листки записной книжки. Останавливаюсь на первой сталинградской записи: «9.9.42. Камышин — Средняя Ахтуба». Вызываю в памяти былое.

...Наша «эмка» с трудом пробирается по ночной фронтовой дороге на юг. Темнота — это еще ничего, можно присмотреться, но вот пыль... Пыль, поднятая солдатскими сапогами, автомобильными и орудийными колесами, гусеницами танков, плотным слоем оседает на ветровое стекло, машина слепнет и того гляди сорвется в кювет. Более того, все время приходится кого-либо обгонять: сначала полки Долгова и Панихина, а теперь вот Елина.

Мы спешим. Мне кажется, в последние полтора-два месяца спешка стала нашим естественным состоянием, даже «на отдыхе», как в шутку называли мы наше пребывание в здешних краях.

В середине июля нашу дивизию впервые за год непрерывных боев разместили за двести километров от фронта, по оврагам и балкам приволжской степи.

«Дивизию!» По нашим фронтовым мерам в ней едва осталась лишь четверть активных штыков, а остальные или томились по госпиталям, или полегли на оборонительных рубежах от Харькова до излучины Дона. Даже из командиров полков ни одного не осталось в строю: трое были ранены, а один — убит.

Помнится, перед тем как нам отправиться сюда, в штабе фронта в Сталинграде молодой генерал, представитель Ставки, очертил красным карандашом на карте овал, охвативший Камышин и Николаевское, и сказал:

— Вот здесь, Родимцев, и отдыхай со своим войском.

Я посмотрел на красный овал, прорезанный голубой полоской Волги, и спросил:

— А долго отдыхать-то?

— Когда надо будет, позовем.

Так я и отдыхал до 9 сентября. С уцелевшими офицерами принимал пополнение. Распределял так, чтобы каждому досталось поровну: и воинов-фронтовиков, и не обстрелянных еще юнцов со школьной скамьи, и пожилых, только что оставивших колхозное поле или заводской цех.

Днем выезжал на учебные поля, стрельбища, полигоны, проводил занятия или совещания, а по вечерам возился со штабной документацией (долго не назначали начальника штаба дивизии), выступал на комсомольских и партийных собраниях (комиссара дивизии прислали только под конец).

Организации боевой подготовки много внимания уделяли командиры наших стрелковых полков — 34-го, 42-го, 39-го,— Д. И. Панихин, И. П. Елин, С. С. Долгов и артиллерийского — А. В. Клебановский. Все они, а также начальники штабов — Тур, Цвигун, А. В. Колесник — в эти дни буквально не уходили с учебных плацов и полигонов. Вместе с ними трудились мой заместитель В. А. Борисов, дивизионные политработники Г. Я. Марченко, А. К. Щур, комиссары полков П. В. Данилов, О. И. Кокушкин, А. Ф. Тимошенко, Куницын, командующий артиллерией дивизии П. Я. Барбин, дивизионный инженер И. И. Тувский и другие.

А вскоре в нашу дружную семью вошли два новых товарища: начальник штаба Т. В. Бельский и комиссар М. М. Вавилов.

Однажды в штабе, где я возился с бумагами, неожиданно раздался звонкий голос:

— Товарищ генерал-майор, майор Бельский прибыл в ваше распоряжение...

Я поднял глаза: передо мной стоял молодой человек. Несмотря на то, что ему исполнилось тридцать лет, он выглядел юношей. У него было приятное открытое лицо, искрившееся веселой улыбкой.

«Не слишком ли молод для должности начальника штаба дивизии? — с опаской подумал я.— Справится ли?»

Но эти сомнения рассеялись уже в ближайшие два-три дня.

Тихон Владимирович быстро и как-то сразу вошел в жизнь дивизии, взял в свои руки, как начальник штаба,

решение ряда важных вопросов. А руки у него оказались цепкими и сильными.

С Вавиловым мы встретились несколько иначе. Когда дивизия была выведена в резерв, наш комиссар Зубков получил назначение на должность члена Военного совета армии (он вскоре погиб в бою). Мы хорошо сработались с Зубковым, привыкли к нему, поэтому расставаться было жаль. И вот в один из этих дней в штабе дивизии в Николаевском появился молчаливый, спокойный человек со звездой политработника на рукаве и тремя шпалами старшего батальонного комиссара на петлицах. Он коротко доложил, что назначен комиссаром дивизии. Мне что-то в нем не понравилось, теперь уже не помню, что именно. Может, просто в памяти еще жил Зубков. Я сухо ответил новому комиссару. Впрочем, пригласил его (мы в это время собирались обедать) к столу. Вавилов, почувствовав, видимо, в моих словах холодок, угрюмо буркнул: «Спасибо», но обедать не стал. Несколько минут продолжалось неловкое молчание, затем комиссар поднялся и, не говоря ни слова, ушел.

— Вот еще, прислали фигуру,— раздраженно сказал я кому-то из присутствовавших.

А комиссара, как выяснилось, меньше всего интересовало, что мы о нем думаем. Сунув куда-то вещевой мешок с нехитрыми пожитками, он спокойно отправился в подразделения. Через несколько дней его уже знали все бойцы и командиры. Да и он к тому времени, если не по фамилиям, то в лицо знал всех. Его выцветшую, пропитанную солдатским потом гимнастерку можно было постоянно видеть в окружении бойцов и командиров. Исподволь, без какого-либо внешнего шума Михаил Михайлович взялся за развертывание широкой политической работы среди прибывшего пополнения, в короткий срок сплотил вокруг себя коммунистов и комсомольцев дивизии и стал совершенно незаменимым человеком. Вскоре крепкая дружба связала меня с ним.

Перед сном, как и обычно, я отдергивал на стене защитную шторку и просматривал оперативную карту фронта, на которой начальник разведотдела дивизии майор Бакай ежедневно наносил обстановку.

Синие полукружия и ромбики, обозначавшие немецкую пехоту и танки с нацеленными на Сталинград стрел-

ками, неудержимо прорывались через красные линии наших оборонительных обводов.

Глядя на карту, нетрудно было представить, что творилось там, в междуречье Дона и Волги. Сквозь боевые порядки войск противника, из его тыла на нашу сторону пробивались разрозненные группы красноармейцев и командиров, выходивших из окружения.

Редкие наши стрелковые цепи в наспех отрытых окопах с трудом на какое-то время удерживали мотопехоту и танки врага, а потом рывком отходили на случайно подвернувшийся оборонительный рубеж.

Степные дороги были забиты машинами и повозками, гуртами угоняемого на восток скота.

И надо всем этим, над безводной, выжженной злым августовским солнцем степью, ставшей нежданно-негаданно полем грандиозного по своим масштабам сражения, свободно и безнаказанно проносились фашистские самолеты.

Нетрудно, пожалуй, было предугадать, куда нас направят. Скорей бы только! Но прежде всего нам следовало подготовиться к этому: пополнить, обмундировать, вооружить и подучить людей.

В середине августа мне приказали выехать в район возможной дислокации дивизии севернее Сталинграда. Кстати, в пути у меня состоялась одна из таких знаменательных встреч, какие на всю жизнь оставляют след в памяти.

Поздно ночью я отправился в дорогу, чтобы с рассветом начать рекогносцировку. Перед Сталинградом наша машина на повороте соскользнула в кювет: шофер не заметил небольшого оползня.

Как мы ни катали машину взад-вперед, она только глубже оседала в песок.

Я вышел на дорогу и обратился за помощью к сержанту из проходившего мимо какого-то подразделения. Несколько бойцов дружно начали выкатывать нашу машину на шоссе.

— Что случилось? — услышал я в темноте очень знакомый голос.

«Рубен? Не может быть!» — мелькнуло у меня предположение.

Когда к сержанту подошел командир, я крикнул:

— Рубен!

— Салуд, камарадос Павлито,— бросился ко мне испанец.— Товарищ генерал, это же невозможно! Такая встреча!

Мы крепко обнялись.

Передо мной стоял он, юный друг лейтенант Рубен Руис Ибаррури, сын председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури.

— Ты не забыл, Рубен, где мы встретились в первый раз?

— Нет, Павлито, не забыл. Это было под Мадридом у майора Энрике Листера. Вы долго не могли понять, почему мое лицо вам знакомо...

— Пока Листер не расхохотался и не сказал, что ты и мать схожи, как две капли воды. Ты ведь был тогда совсем мальчик!

— Нет, Павлито, тогда мне было уже семнадцать. А сейчас — увы! — двадцать два.

С Рубеном мы познакомились в Испании в день моего возвращения на Родину, когда срок моего пребывания в рядах испанской республиканской армии, где я служил под именем Павлито, истек и я зашел к Энрике Листеру проститься. Во время нашего разговора в кабинет быстро вошел высокий, стройный паренек. И хозяин, и гость бросились навстречу друг другу. Мне тогда показалось, что встретились после долгой разлуки отец и сын.

— Это капрал Рубен Ибаррури, сын нашей Пассионарии,— представил мне Листер черноволосого паренька.

— Такой молодой и уже капрал! — вырвалось у меня.

— Не удивляйтесь, Павлито. С детских лет Рубен участвовал в демонстрациях, подвергавшихся вооруженному нападению полиции,— стал пояснять мне Листер.— На могилах павших борцов он вместе с нами клялся мстить душителям свободы. В тринадцать лет он стал активным распространителем подпольной печати в Мадриде. А сейчас — это сознательный и стойкий борец за республику. Вот уже год, как он в непрерывных боях с фалангистами.

— Энрико, не надо! — пытался перебить майора Рубен.

Было видно, что он смущен таким отзывом.

— Не стесняйся, мой мальчик, выше голову! — под-

бодрил его Листер.— Побольше бы таких, как ты, и мы изгнали бы фалангистов из Испании.

И Рубен стал вспоминать о последних боях. Несмотря на молодой задор, было видно, что борьба для Рубена — не романтическое приключение, как у некоторых юношей, а глубоко осознанная необходимость спасения родины от фашизма.

— Я рад, что вместе с нами русские друзья. Я полюбил вашу советскую страну,— признался Рубен.

— А ты разве был у нас? — удивился я.

— Да. Когда маму бросили в тюрьму и полиция разыскивала меня и сестру Амалию, наши друзья переправили нас в Москву. Так я стал москвичом...— не без гордости подчеркнул Рубен и продолжал: — Я работал на автозаводе и учился в средней школе. У меня было много русских друзей. Мы часто пели про «Катюшу» и про «Трех танкистов»...

— А потом этот мальчуган от вас сбежал,— вмешался Листер.— Да, да, Павлито, сбежал. Когда у нас здесь случился фашистский мятеж, он, скрыв свое имя и возраст, направился в испанское посольство в Москве и таким образом вернулся на родину, где добровольно вступил в республиканскую армию — был зачислен в горнострелковую роту. За храбрость в боях его произвели в капралы...

Я тогда очень спешил, и мы расстались. Прежде чем скрыться за поворотом, я обернулся: Рубен и Листер продолжали стоять на дороге, подняв кулаки в антифашистском салюте. Я также поднял правую руку с крепко сжатым кулаком на уровне виска. И с тех пор меня с Рубеном связывало нечто большее, нежели воинское братство: мы были антифашистами.

Наши пути от залитой солнцем Гвадалахары до этой встречи в сталинградской степи еще раз пересеклись в Москве. Вспомнив об этом, я здесь, прямо на дороге, спросил Рубена:

— Ты не забыл про наше соревнование, Рубен?

— Нет, Павлито! Я долго тренировался и стал укладываться в ваше время...

Это было за год до войны. Однажды я по делам зашел в Московское пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР, которое я когда-то окончил. Мой товарищ, ведший курс огневой подготовки, пригласил меня

к себе на занятие. Тогда курсанты изучали материальную часть станкового пулемета системы «максим». Я очень любил это оружие, и мне захотелось тряхнуть стариной — с завязанными глазами разобрать и собрать замок пулемета. Я успешно справился с задачей. После мой друг обратился к курсантам:

— Ну, кто еще повторит то же самое?

Курсанты сначала не решались — дело-то не такое уж простое. Но потом один из них вызвался. Он только на пять секунд отстал от меня.

Когда курсант снял повязку, я увидел знакомые, слегка прищуренные в довольной улыбке глаза:

— Рубен!

— Павлито! Я думал забыли!

— Разве таких, как ты, забывают, Рубен?

К изумлению стоявших курсантов, мы обнялись, по-испански хлопая ладонями друг друга по спине.

Потом Рубен с горечью рассказывал о низложении кучкой интриганов-заговорщиков законного испанского правительства, о последних боях республиканских войск с мятежниками Франко, поддерживаемых фашистскими правительствами Италии и Германии, правящими кругами Англии, Франции и США.

И вот сейчас, при новой встрече, Рубен мне заметил:

— Как у нас много общего, Павлито. Вместе мы воевали в Испании, учились в одном и том же военном училище, а теперь встретились на одном и том же фронте.

— И еще одна общая деталь сближает нас друг с другом,— добавил я.

На груди Рубена я заметил орден Красного Знамени.

— Давно?

— С год назад... За Березину,— ответил Рубен.

— Поздравляю! — я крепко пожал ему руку.

Я был поражен таким совпадением. И Рубен, и я получили свои первые ордена Красного Знамени за бои с фашистами на водных рубежах, только он, испанский юноша, на исконно русской реке Березине, а я — на испанской реке Мансанарес.

— Вот это здорово! — с горячностью южанина воскликнул Рубен.— А говорят, что на свете нет чудес. Есть чудеса!

Затем Рубен коротко рассказал мне, как он вместе со своим пулеметным взводом прикрывал переправу через

Березину, был тяжело ранен и потерял сознание. Из его взвода никого не осталось в живых, а самого Рубена вывезли с поля боя на нашу сторону на последнем отходившем танке.

Рота Рубена сворачивала с шоссе на дорогу, что вела на Самофаловку. Настала пора расставаться. На прощание Рубен сказал:

— Павлито, я слышал, что сюда, под Сталинград, брошены главные силы фашистов. Я верю, что мы разобьем их. И тогда для меня начнется дорога в Испанию. В нашу с вами Испанию, за которую мы вместе дрались когда-то, за которую погиб генерал Лукач.

— Верно, Рубен. Здесь-то фашисты не пройдут!

— Но пасаран, Павлито!

— Но пасаран, Рубен!

Отъезжая, я спохватился: мы не обменялись адресами. Но ничего — мы еще встретимся, Рубен! Какая это была по счету встреча? Третья? Мы встретимся и в четвертый, и в пятый раз! Только вот когда? При каких обстоятельствах?

Как ни удачна была рекогносцировка, дивизия попрежнему оставалась в районе Камышин-Николаевское: уж слишком резко изменилась обстановка.

Однажды не только на шоссе, но и на всех проселках и полевых дорогах в нашем расположении появились толпы беженцев. Они сообщили, что Сталинград подвергся чудовищной по жестокости бомбардировке. На огромный цветущий город с 600-тысячным населением налетело свыше шестисот фашистских самолетов. Многие госпитали, больницы, школы, культурно-бытовые учреждения, жилые кварталы были превращены в руины от бомбовых ударов и пожарищ. В огне плавились стекло и металл.

Город представлял собою огромный костер, пламя которого охватило и Волгу: на воде бурно пылала нефть, разлившаяся из разбитых нефтехранилищ. С доисторических времен ни один город на земле не подвергался такому разрушению. В огне пожаров и от осколков бомб погибло более 40 тысяч мирных жителей — преимущественно стариков, женщин и детей.

Вечером того же дня майор Бакай взял карту и синим карандашом провел стрелу, толстое острие которой напоминало голову гадюки, в район Рынок и Латошинки, что на северной окраине Сталинграда. Это означало, что гитлеровцы вышли к Волге.

Я понял, что нам находиться здесь осталось считанные дни. Да и пора! Месяц боевой подготовки не прошел даром. Нам удалось основательно подучить новое пополнение, добиться тесной спайки ветеранов и молодых бойцов, пришедших в дивизию. Мы с еще большим нетерпением стали ждать приказа Ставки о выступлении дивизии. Это нетерпение подогревалось тем, что если первое время наше пребывание в тылу оправдывалось необходимостью укомплектования частей, то теперь этот довод утратил силу.

Представьте себе на мгновение, что дом, в котором вы живете, объят пламенем, что жизни ваших близких угрожает смертельная опасность, а вы в это время находитесь где-то вдали и не принимаете участия в борьбе с разыгравшейся стихией. В этом случае очень слабым утешением будет то, что вдалеке от дома вы заняты изучением правил борьбы с пожарами. Примерно такое же чувство в то время испытывали бойцы и командиры нашей дивизии.

Жаркое лето было на исходе. Утром роса, как иней, покрывала белым ковром траву, вечером с Волги тянуло прохладой.

И вот в один из первых дней сентября к нам в штаб заехал генерал, и я в первые услышал, хотя и не официальное, но обнадеживающее сообщение.

— Что, товарищ Родимцев, скоро за Волгу драться будешь? — сказал он.

— А разве есть приказ?

— Поговаривают...— отозвался генерал и распрощался.

Генерал оказался прав. 9 сентября был получен приказ Ставки о включении дивизии в состав 62-й армии, которая уже вела ожесточенные бои на подступах к Сталинграду.

Боевой приказ вызвал необыкновенный подъем в частях. Однако было одно обстоятельство, которое в выс-

шей степени смущало: у нас еще не хватало винтовок, автоматов, пулемётов, боеприпасов. Своими сомнениями я поделился с представителем Ставки. Разговор происходил на улице, так как перед этим я проводил занятия и не успел возвратиться в штаб. На мои доводы собеседник ответил:

— В мою задачу входит перебросить вашу дивизию к Сталинграду, а что касается вооружения, то, я думаю, это дело командования фронтом.

Я не мог согласиться с ним, поскольку направляться без оружия туда, где идут ожесточенные бои, и рискованно, и бесцельно. Поэтому тотчас же связался с командованием. Мои требования были удовлетворены. Дивизия вскоре получила значительное количество оружия и боеприпасов...

И вот мы снова в пути. Надолго останется в памяти эта ночь. В темноте, обгоняя пешие подразделения, шли автоколонны. Чтобы не быть замеченными авиацией противника, они передвигались без света. Водители добросовестно выполняли приказ о спешной переброске, гнали машины. И все же казалось, что движемся мы медленно.

— Остановись и посигналь,— обратился я к шоферу, когда мы поравнялись с головной машиной полка.

Через минуту ко мне подошел полковник Елин.

— Хоть нам, Иван Павлович, приказано явиться в Среднюю Ахтубу,— начал я,— но, мне думается, нас сразу же направят в Сталинград.

— Я тоже так считаю,— спокойно и неторопливо, как и всегда, подтвердил мои предположения Елин.

— Тогда нам надо подумать о боевом обеспечении переправы дивизии. Кого послать в передовой отряд?

— Все мои командиры батальонов — ребята хорошие, но первый есть первый,— проговорил Елин.— Пусть идет Захар Червяков.

— Он еще раз повторит прошлые занятия,— пошутил я.

Елин улыбнулся:

— Да. Только не с условным противником.

— Передайте об этом Червякову сейчас же, да подумайте, чем его усилить,— распорядился я.

И мы разошлись по машинам.

Выбор Елина, пожалуй, был наиболее удачным. На последних тактических учениях под Камышином, проверявшихся очень ответственной комиссией, прибывшей из Москвы, при отработке темы «Наступление усиленного стрелкового батальона с преодолением водной преграды» гвардии старший лейтенант Червяков вместе со всеми своими бойцами и командирами получил благодарность от одного старшего начальника.

Дивизионные остряки утверждали, что в ответ на поздравление своих сослуживцев об удаче Червяков якобы сказал:

— Причем тут удача? Немцы научили: восемь рек заставили форсировать. От Буга аж до самой Волги...

Захар Петрович Червяков меня всегда удивлял редким сочетанием широкой русской натуры, полной молодечества и удали, со сдержанностью и дисциплинированностью воина.

В нашей дивизии он появился в дни самых тяжелых оборонительных боев, которые мы вели под Харьковом после неудачного наступления.

Потери у нас были большие, особенно среди комсостава, и я обрадовался, когда мне доложили о пополнении.

— Сначала с командирами познакомь,— сказал я дивизионному кадровику.

На скате овражка за кустами, неподалеку от штаба дивизии, я увидел группу незнакомых командиров. Они лежали на траве и увлеченно слушали молодого парня с тремя кубиками. Парень был без пилотки, с расстегнутым воротом и, сидя, перебирал струны, видимо, принесенной с собой гитары.

«Мальчишка, обозник,— подумал я.— Пороху, наверное, не нюхал, потому и шатается с гитарой по фронтовым дорогам».

Негромко и как-то особенно задушевно под щемящие переборы инструмента парень пел:

Много нас на полях Украины
Полегло, дорогая моя,
Разорвали немецкие мины
Молодых и здоровых, как я...

Приподняв голову и заметив меня, парень вмиг откинул гитару в сторону, под лопух, быстро застегнул во-

ротник гимнастерки, на голову надел пилотку. Глядя на него, все вскочили. Четким строевым шагом, словно это было не травянистое дно оврага, а утрамбованный плац, парень подошел ко мне и строго по-уставному отрапортовал, что группа командиров прибыла из отдела кадров армии в мое распоряжение для прохождения дальнейшей службы и что докладывает старший группы гвардии старший лейтенант Червяков.

В походке Червякова, во взмахе руки, в манере держаться с достоинством, собранно и в то же время свободно и естественно было столько воинского изящества, даже щегольства, что этот молодой командир не мог не вызвать восхищения у окружавших.

Признаюсь, такое мгновенное перевоплощение на первый взгляд расхлябанного, разболтанного парня в отличнейшего строевика все еще не рассеивало у меня внезапно возникшего к нему неприязненного отношения.

«А не держали ли тебя, молодой человек, за лихость доклада, за умение поднимать при строевом шаге «ножку до аппендикса» где-нибудь в тыловом гарнизоне, расформированном сейчас за ненадобностью? Там таких любят...» — все еще думалось мне.

— Коль вы старший, с вас и начнем,— сказал я в ответ на рапорт и поздоровался с Червяковым, затем с остальными.— Откуда прибыли?

— Из Воронежского госпиталя,— ответил Червяков и, выдержав небольшую паузу, добавил: — Был ранен под Щиграми.

— Знакомые места! Я хорошо помню Щигры! Станция Мармыжи, Тим, Щигры...— перебирал я в памяти отбитые в зимнюю кампанию крупные населенные пункты.

— Мы слышали, как дрались ваши десантники,— безо всякого подобострастия проговорил Червяков.— Гитлеровцы надолго запомнят эти тургеневские места.

— А вы в какой там были части? — продолжал интересоваться я.

— В первой гвардейской стрелковой дивизии генерала Руссиянова Ивана Никитича. У полковника Войцеховского командовал батальоном.

— Знаю их обоих,— заметил я.— Хорошими соседями были! А на войне хорошее соседство — половина успеха. Сожалеете, что не к ним вернулись?

— Признаться, да,— с грустью в голосе проговорил Червяков.— Столько дорог мы прошли вместе! Да еще каких!

Неосторожно я затронул у Червякова, как и у каждого, кто после госпиталя возвращался не в свою часть, самое больное. Чтобы прервать не совсем приятные для всех нас воспоминания, я спросил его об образовании.

— До войны окончил техникум, в армии — пехотное училище. Харьковское, между прочим.

— Почему между прочим? — словно не поняв, переспросил я.

— Досадно, что снова отступать приходится, да еще по тем местам, где воевать учили,— высказал горькую правду Червяков.

Что я мог ответить ему и вот таким, как он, внимательно слушавшим наш разговор, после катастрофы под Харьковом? Я только что вернулся от командующего армией, где — в который уже раз! — снова получил приказ драться до последнего, чтобы прикрыть отход наших войск. Капкан, в который мы попали, вот-вот грозил захлопнуться, и единственное, что оставалось делать в сложившейся ситуации,— это отходить, чтобы сохранить уцелевшие войска от уничтожения.

— А откуда вы родом? — продолжал я.

— Из Сумской области, товарищ генерал.

— Семья там?

— Там. У меня к фашистам особые счеты...

Казалось бы, простые анкетные сведения, а между тем... Нет, не развязным обозником, не гарнизонным строевичком, умеющим только «печатать с носка», а совсем другим показался теперь Червяков. Мне даже стало неудобно перед самим собой за зародившиеся было сомнения о нем, как о боевом командире.

— Куда вас назначить, старший лейтенант?

— На любую должность, только бы в строй!

Иного ответа я и не ожидал. Я крепко пожал ему руку, как бы извиняясь за некоторое недоверие и настороженность, возникшие при первой встрече с ним.

Вскоре мне еще раз довелось встретиться с Червяковым.

Когда остатки дивизии собрались, чтобы переправиться через Дон, я заехал взглянуть, как организовал оборону батальон, оставленный для прикрытия переправы.

И вот в это самое время я случайно наткнулся на Червякова. Он сидел на бруствере обыкновенного подковообразного пулеметного окопа, на площадке которого стоял «максим», и, сам себе аккомпанируя на гитаре, пел:

Стонала степь, изрытая снарядами,
Мы молча отступали на восток.
Не лист багряный,
А кровь из раны
Струилась на речной песок.

Эта песня, рожденная где-то тут же на суровых дорогах отступлений, меня тогда очень тронула.

Когда Червяков услышал, как я соскочил с коня, он поднялся и доложил, что его батальон готов к встрече с противником.

Захватив с собой командиров рот, мы отправились осматривать оборону.

Отрытые в полный профиль стрелковые ячейки, надежно оборудованные огневые позиции пулеметов, минометов, противотанковых ружей и пушек-«сорокапяток», ловко «оседланная» батальоном дорога от противника к переправе — все это не только говорило о знании тактики и о большом боевом опыте комбата, но и вызывало у меня уверенность в успешном выполнении задачи.

— Ну, а как люди? — спросил я, имея в виду настроения в батальоне, когда мы вернулись к «гнезду» Червякова.

— Отойдут, когда прикажут, а не прикажут — здесь останутся,— заявил Червяков тоном, не вызывающим никаких сомнений.— Так, что ли, Колеганов? — обратился он к одному из командиров рот.

Пожилой младший лейтенант, очевидно, из запаса, как о само собой разумеющемся, ответил:

— Так точно, товарищ комбат, ни один не отойдет без приказа. У нас народ дисциплинированный.

— А как ты думаешь, Кравцов? — поинтересовался Червяков.

Он знал, конечно, что и этот командир роты, молодой лейтенант, наверное, не больше, как год-два из училища, ответит утвердительно, но комбату, видимо, хотелось, чтобы ротный высказался при мне. Червяков словно представлял мне своих подчиненных: мол, смотрите, они

у меня не вызывают сомнений, а следовательно, и никто другой не имеет права в них сомневаться.

— Будут драться до последнего, товарищ комбат,— заявил Кравцов.— Так мне сами бойцы заявили.

— А зачем у вас пулемет на НП?

— Нравится мне это оружие, товарищ генерал,— почему-то смутился Червяков.— А потом фрицы, что сейчас полезут, может быть, по моей сумской земле проходили. Вот я и хочу угостить их своим «хлебом-солью».

...Целые сутки дрался батальон Червякова на этом рубеже и отошел, когда я прислал к нему штабного офицера.

— Еще полчаса и приказывать было бы некому,— докладывал мне вернувшийся штабной.— Людей еле-еле на взвод осталось. А перед фронтом батальона гитлеровцев положено — сотни! Да танков десятка два дымятся. Сам же комбат последней лентой прикрывал отход к переправе остатков батальона...

«Да, Елин был прав. Лучшего командира для передового отряда дивизии, чем Захар Червяков, было бы трудно подобрать»,— подумал я.

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ

Но вот и Средняя Ахтуба — очень маленький степной городок.

Батальоны, дивизионы и полки, не доезжая трех-пяти километров, спешивались и направлялись в свои районы сосредоточения.

Переброску дивизии удалось провести незаметно для противника. Через несколько лет после окончания войны я познакомился с книгой немецкого генерала Дерра «Поход на Сталинград». Автор ее, основываясь на германских источниках, до сих пор считает, что 13-я гвардейская дивизия пришла не из резерва, а была переброшена по Волге в центр города с его северной окраины, из района Рынка.

Из Средней Ахтубы я поехал в штаб фронта, находившийся на левом берегу Волги, в восьми километрах юго-

восточнее города. Оперативный дежурный провел меня в блиндаж командующего фронтом генерал-лейтенанта А. И. Еременко, ныне Маршала Советского Союза.

Я доложил Андрею Ивановичу, что 13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия прибыла в его распоряжение и сосредоточилась в районе Средней Ахтубы.

Командующий, слегка прихрамывая и опираясь на палку, подошел ко мне. Волевой и храбрый человек, он уже дважды был тяжело ранен в боях.

— Ну, как настроение, товарищ Родимцев?

Я ответил, что бойцы и командиры готовы выполнить задачи, поставленные командованием. Еременко подробно расспросил о боевом и численном составе дивизии, обрисовал положение 62-й армии. Ее бывший командующий, считавший, что не удержит город, снят с должности и только что заменен энергичным и смелым генерал-лейтенантом В. И. Чуйковым (ныне Маршал Советского Союза). Слова Андрея Ивановича, когда он говорил о трудностях обстановки, были полны твердой уверенности, что гитлеровцы потерпят здесь решающее поражение. С ощущением этой уверенности я покинул штаб фронта.

Не теряя ни минуты, мы стали готовиться к переброске частей через Волгу. Условия, в которых дивизии предстояло выполнить эту задачу, были весьма тяжелыми. Многие бойцы и командиры не спали уже третьи сутки. А ведь им предстояло еще совершить двадцатикилометровый марш из района Средней Ахтубы к переправе. Затем должна была начаться переправа, осуществить которую под огнем противника было очень трудно.

К вечеру я приехал к месту переправы. Потемневшая и вспененная, билась у ног волжская вода. Стоя на берегу, я в бинокль рассматривал тяжело израненный, разрушенный и пылающий город. Слабый ветер медленно поднимал в небо багровые языки пламени и черные клубы дыма, которые, уносились ввысь, тянулись далеко над Волгой. Трудно было рассмотреть, что творится на том берегу. Лишь вырисовывались разбитые коробки зданий, заваленные обломками кирпича, бревнами и железом улицы да срезанные и закопченные верхушки деревьев.

В первый год войны гитлеровцы продвигались по нашей земле от Баренцева до Черного моря. Фронт со-

ставлял три тысячи километров. Однако в следующем году они такой возможности уже не имели, хотя на отдельных направлениях все же развивали успех.

После нашего поражения весной 1942 года под Харьковом таким наиболее уязвимым участком на южном театре военных действий оказался Сталинград.

И не случайно на нем тем же летом гитлеровское командование сосредоточило самое пристальное внимание. Захват Сталинграда в летнюю кампанию 1942 года они считали первым шагом к своим далеко идущим политическим и стратегическим целям.

«На долю группы армий «Б»... выпадает задача... нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там также движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер» («Серая цапля»)». Так гласила новая директива Гитлера от 23 июля 1942 года.

Следующим этапом должен быть захват Кавказа.

«Если я не получу нефти Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной», * — говорил Гитлер на совещании высшего командования в Полтаве 1 июня 1942 года.

За Кавказским хребтом гитлеровцам мерещились пути в страны Ближнего и Среднего Востока, в Индию.

Но порогом, не перешагнув который, нельзя было идти на Кавказ и дальше, оставался Сталинград. Кроме того, овладение Сталинградом должно было послужить сигналом для нападения Турции на наши южные границы, а Японии — на дальневосточные.

Война на двух, а может, и на трех фронтах была бы смертельной опасностью для нашей Родины. На это особенно рассчитывало гитлеровское командование, и недаром оно на штурм Сталинграда бросило свои лучшие отборные части. Ядро их составляла 6-я армия, оставившая в Чехословакии, Польше, Бельгии, Франции, Греции и Югославии свой зловещий кровавый след.

А. И. Еременко. Сталинград. Воениздат. 1961., стр. 43.

После харьковской операции этой армией командовал опытный генерал-полковник Фридрих фон Паулюс. В помощь ему были брошены 4-я танковая армия генерал-полковника Гота и 4-й воздушный флот, считавшийся лучшим в германской авиации, под командованием генерал-полковника Рихтогоффена, уже стяжавшего себе позорную славу воздушного бандита.

Позднее на поддержку этой группировки были направлены две армии сателлитов Германии — итальянская и румынская, а также несколько немецких дивизий из группы армий «А», снятых с Кавказского направления.

Чтобы зримее представить эту мощь, достаточно сказать, что на каждый обороняемый нами метр сталинградской земли по фронту приходилось шесть вражеских пехотинцев, два танка и один самолет. На каждый метр!

А на направлениях главного удара противник сводил наступавшие части в мощный боевой кулак, достигая иногда десятикратного превосходства над нашими силами в людях и в технике. Только этим и объяснялись их временные успехи.

Ведь при такой концентрации войск сила их удара была равносильна удару ножа в тело, защищенное только легкой одеждой.

В городе, растянувшемся по правому берегу Волги на шестьдесят пять километров, гитлеровцы выбрали наиболее жизненно важное место — его центральную часть с группой самых высоких каменных зданий, господствующей по соседству с ними высотой 102,0, или Мамаевым курганом, и главной переправой через Волгу.

Эта часть города была его сердцем, израненным августовской бомбардировкой, слабо защищенным теперь обескровленными в боях остатками частей 62-й армии.

Войска Паулюса, выйдя севернее и южнее города к Волге, отрезали 62-ю армию от остальных войск Сталинградского фронта и, как стальной подковой, приковали ее к реке. Из-за этого армия была лишена возможности маневрировать, не имела поддержки со стороны соседей и по сути дела была окружена, так как связь с тылом поддерживалась только через широкую водную преграду.

Удар ножом в сердце города враг нанес 14 сентября.

В тот день гитлеровское командование бросило против защитников города семь лучших дивизий, 500 танков,

несколько сотен самолетов, 1400 орудий. Особенно сильные бои развернулись за Мамаев курган и в районе реки Царицы. Передовые отряды противника прорвались в центр города, напряженные схватки шли у вокзала. Создав опорные пункты в здании Госбанка, в Доме специалистов и ряде других, гитлеровцы взяли под обстрел центральную переправу через Волгу.

Форсирование реки в дневных условиях стало невозможным. Нелегко было осуществить переправу и ночью. Великая русская река в этом районе достигает ширины более километра. И днем, и ночью над Волгой висели фашистские самолеты. И днем, и ночью противник вел артиллерийский и минометный обстрел. Казалось, каждый сантиметр волжской воды вспенивался от разрывов.

Врагу удалось почти вплотную подойти к району предполагаемой высадки нашей дивизии. Однако 62-я армия продолжала жить и бороться. Только что назначенный новый командующий генерал Чуйков, вспоминая этот день, шутя говорил, что будь у Паулюса в резерве хоть один батальон, он действительно вышел бы к Волге, захватив при этом центральную переправу.

Но у Паулюса не нашлось резервного батальона.

Это был критический момент, когда решалась судьба сражения, когда одна лишняя дробинка могла бы перетянуть чашу весов противника. Но этой дробинки у него не оказалось, а у Чуйкова она была.

Чуйков приказал перебросить с левого фланга один батальон тяжелых танков, а начальник штаба генерал-майор Н. И. Крылов из офицеров штаба армии и роты охраны сколотил две десантные группы и бросил их в бой, чтобы помешать врагу овладеть и командным пунктом армии, и центральной переправой.

Нам предстояло переправиться в центр города, в район речки Царицы (левая граница дивизии), пересекавшей город перпендикулярно по отношению к Волге. Здесь же, в центре, был расположен вокзал и несколько севернее — господствующая над городом высота — Мамаев курган (наша правая граница).

Один за другим прибывали полки из Средней Ахтубы в Красную слободу. Они проделывали двадцатикилометровый марш-бросок в таком же темпе, как и от Камышина до Средней Ахтубы. Я чувствовал, что ослаблять

этот темп нельзя. Он мобилизовывал силы, развивал ту психологическую инерцию, которая превращала сложную по своей структуре дивизию в единый организм, в нечто целое, где любой боец и командир чувствовал себя необходимейшей частью этого целого. А коли так, то каждый обязан делать то, что ему положено, иначе был бы утрачен смысл существования дивизии, а следовательно, и существования каждого в отдельности бойца и командира.

Эта ответственность всех за одного и одного за всех, которая начала прививаться еще на «отдыхе» в Камышине, проявилась с особой силой и на марше, и во время переправы, и в сталинградских боях.

К нам подъехал заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Голиков. Ему было поручено переправить дивизию в Сталинград.

И вот мы стоим с ним на берегу Волги, у самого уреза воды, где плещется волна, поднятая винтами катеров, разрывами мин и снарядов.

— Дайте еще один день на подготовку,— прошу я Филиппа Ивановича.

Он отвечает:

— Не могу, Родимцев!

Голиков всматривается в противоположный берег и, видимо, по всполохам новых пожаров, грохоту разрывов и направлению ружейно-пулеметных трасс представляет, что там творится.

— Еще не все вооружены у меня, не хватает боеприпасов и даже нет разведданных,— пытаюсь я убедить заместителя командующего.

Но он в ответ спокойно спрашивает:

— Видишь тот берег, Родимцев?

— Вижу. Мне кажется, противник подошел к реке.

— Не кажется, а оно так и есть. Вот и принимай решение — и за себя, и за меня.

Голиков был прав. Не только через день, а даже через два часа могло быть поздно, а переправляться все равно бы пришлось, даже сквозь огонь.

— Не медли, начинай переправу, Родимцев,— торопит меня Голиков, не отрывая глаз от огненной кипящей реки.

Взглянув на струи трасс, стелившихся по скатам правого берега к реке, на всплеск воды от падающих снарядов и мин, я говорю Голикову:

— Это не просто переправа, Филипп Иванович. Это настоящее форсирование широкой водной преграды под воздействием противника, причем без авиационного и артиллерийского прикрытия.

Мне от этого, конечно, не стало легче, но должны же мы были называть вещи своими именами.

— Не серчай, Александр Ильич,— в голосе Голикова послышались виноватые нотки,— привычка! Все время мы говорили переправа да переправа, а сейчас ты прав — форсирование, притом в сложных условиях. Людей и в огонь, и в воду посылаем... Вон, видишь, все-таки угадал подлец!

В баржу, что стояла ниже нас шагов на сто по течению, попала вражеская мина. Послышались крики, что-то тяжелое плюхнулось в воду, и огромным факелом вспыхнула корма. Наверное, в бочки с горючим угодило.

— А чем я обеспечу переправу? — с горечью говорит Голиков.— Артиллерии понавезли всякой, вплоть до главного калибра. Но в кого стрелять? Где немец? Где передний край? В городе одна обескровленная дивизия полковника Сараева (10-я дивизия НКВД) да поредевшие отряды народного ополчения. Вот и вся шестьдесят вторая армия. Там только очаги сопротивления. Там стыки, да какие там к черту стыки — дыры между подразделениями по несколько сот метров. И Чуйкову их нечем латать.

Я молчал. Для меня только сейчас начала проясняться обстановка.

— Кто командир передового отряда? — спросил Голиков.

— Червяков.

— Скажи ему, чтобы, как переправится, обозначил ракетами передний край. Тогда дадим огонь. А сейчас немедля найди здесь на берегу командира второго дивизиона бронекатеров... У тебя есть на чем записать?

— Есть,— ответил я, доставая из полевой сумки записную книжку.

— Запиши, чтоб не забыть: старшему лейтенанту Соркину поручено перебросить твою дивизию на тот берег. Скажи ему, что начало переправы — два ноль-ноль. Об этом я сейчас передам Чуйкову. А теперь — действуй!

Голиков пожал мне руку и направился к блиндажу, где находились связисты.

...Наконец, наступила минута, от которой мы начали отсчитывать сталинградское время.

— Передовой отряд готов к выступлению! — доложил мне Червяков.

Он в каске, плаще, на груди автомат. Рядом с ним — Соркин. Вслед за Червяковым он также доложил:

— Отряд бронекатеров готов к переправе!

За их спинами застыл батальон.

Проходим перед строем молча. В тишине не слышно даже дыхания людей. А может, его заглушает шорох наших шагов по песку.

Все, что нужно было сказать, давно сказано политработниками и командирами всех степеней. Каждый боец знает, что с этой вот самой минуты для него только один путь — вперед, до полной победы или до тех пор, пока бьется в его груди сердце.

При трепетном отблеске пожарищ на том берегу я всматриваюсь в лица бойцов. Одних я помню по боям в Голосеевском лесу под Киевом, другие запомнились в дни окружения под Конотопом, по разгрому щигровско-тимской группировки врага, третьи встречались во время отхода из-под Харькова. Новичков, что пришли в дивизию под Камышином, намного больше.

Все бойцы и командиры в плащ-палатках и касках кажутся похожими друг на друга, потому в полумраке я еле различаю старшего лейтенанта Ф. Г. Федосеева, заместителя Червякова, командиров стрелковых рот Дрогана, Колеганова, Кравцова и других.

После бронебойщиков Бурлакова со своими длинными, как музейные пищали, ружьями ПТР стояли батарейцы 45-миллиметровых противотанковых орудий. И ружья «пэтээр», и «сорокапятки» — это единственные боевые средства Червякова для борьбы с танками. Да разве еще противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Немного!

Я вспоминаю приказ Голикова обозначить передний край и говорю об этом Червякову.

— Посигналим красными ракетами,— отвечает он.

Все. Пора. Я жму Червякову и Соркину руки и желаю удачи. Откозыряв, они расходятся: один — к голове колонны, другой — куда-то вниз, в темноту, к своим бронекатерам.

Вскоре послышалась команда:

— На посадку — марш!

Я взглянул на светящийся циферблат часов. Было два часа ночи.

Горящая баржа мешала посадке. На том берегу что-то заметили, от разрывов мин и снарядов вокруг катеров закипела вода. Катера отошли немного ниже, в тень. Туда потянулись и колонны отряда.

Первый катер, который, как мне сказали, повел сам Соркин, отчалил все-таки, окольцованный водяными столбами, а на стрежне к нему, как к намагниченному, потянулись с берега трассы ружейно-пулеметного огня. По спине невольно пробежал холодок.

— Тяжело ребятам,— проговорил Елин.

— Очень,— согласился я.— Хуже нет, когда по тебе бьют, а ты бездействуешь.

— Эх, огнем подбодрить бы их отсюда,— вздохнул комполка Елин.

Я вспомнил слова Голикова и сказал:

— Там все перемешалось сейчас: где свои, где чужие — не разберешь. Как слоеный пирог.

При свете вражеских ракет было видно, что катера вот-вот подойдут к берегу. Вдруг в небе взвилась красная ракета и сразу же послышался, как громкий скрежет, треск наших автоматов.

— Огневая завеса,— произнес я почему-то шепотом.

Елин все же расслышал, сказал:

— Наверно, люди выбрасываются на берег, не дожидаясь причала катеров, обеспечивают высадку...

По звукам боя мы стараемся определить, что происходит на том берегу. Вот в сплошной треск автоматов ворвались залпы из винтовок, отдельные хлопки гранат. А вот на флангах, кажется, заговорили пулеметы.

Бой разгорается. В него включается все больше и больше огневых средств. Под кромкой берега замелькали длинные огненные языки. Это открыла огонь минометная рота лейтенанта Деркача.

Наконец, мы услышали то, чего боялись: редкие хлесткие выстрелы противотанковых ружей. Неужто танки? А орудия или еще на катерах, или бездействуют, завязнув в прибрежном песке. Но вот прозвучал первый резкий выстрел из противотанкового орудия, за ним — второй. Молодцы! Вероятно, пушки вынесли на руках.

По вспышкам выстрелов и разрывов уже обрисовы-

ваются контуры плацдарма, захваченного бойцами Червякова. Красными ракетами он обозначил свои фланги и передний край, дав возможность левобережной артиллерии поддерживать действия передового отряда и дальнейшую переправу.

Но почему-то вместо того, чтобы расширять плацдарм и дожидаться переправы второго батальона, передовой отряд начал углубляться в оборону противника.

— Куда он зарывается? Как он обеспечит фланги? — вырвалось у меня.

Я знал Червякова храбрым командиром, но не думал, что он так опрометчиво полезет вперед.

Вслед за передовым отрядом Червякова на баржи, плоты, катера и лодки стали садиться остальные батальоны елинского полка. К переправе готовился полк Панихина.

А к берегу Волги всю ночь беспрерывно прибывали подводы и автомашины с различным грузом. Бойцы тут же разбирали хлеб, сухари, консервные банки, пачки концентратов, ящики с патронами, гранаты, бутылки с горючей жидкостью, махорку и сахар и по прогибающимся трапам с берега переходили на переправочные средства.

По стремительности и ярости советских бойцов гитлеровцы, очевидно, поняли, что на берег высаживаются новые подразделения, поэтому усилили бомбежку и артиллерийский обстрел зеркала Волги. От трассирующих пуль крупнокалиберных пулеметов, разноцветных ракет, горящей на воде нефти становилось светло. Это был зловещий, адский свет войны, уничтожения, смерти.

— Ах, черт! — вдруг выругался стоявший рядом со мной Елин.

— Ты что? — взглянул я на него.

— Катер!..

То ли бомба, то ли тяжелый снаряд разворотил нос катера, и он по инерции, как шел, так и стал быстро погружаться в воду. Шедший по соседству буксирный катер стал разворачиваться, чтобы принять барахтавшихся в воде бойцов. Но много ли их могло продержаться хоть несколько секунд на воде? Оружие, боеприпасы, тяжелое снаряжение тянули на дно.

— Там была целая рота автоматчиков! Сколько ребят погибло! — слышались голоса.

А с берега не только мы, тысячи людей смотрели на эту леденившую душу картину, и никто ничем не мог помочь.

Но переправа продолжалась. Бойцы, высадившиеся на том берегу, с ходу бросались в рукопашную схватку, а переправочные средства возвращались обратно, чтобы перебросить другие подразделения.

Дивизия, не теряя темпа, взятого на марше от Камышина до Красной слободы, побатальонно вступала в бой, выполняя свою задачу.

На рассвете 15 сентября переправились последние хозяйственные подразделения полков Елина и Панихина. Становилось уже совсем светло, когда начал переправу штаб дивизии. При розоватом свете зари (раньше не успели) мы, начальники и политработники различных отделов и управлений дивизии, поднялись на борт утлого катера, типа «кавасаки», как его называла почему-то по-японски команда.

Это был речной буксир-работяга, таскавший в мирные дни плоты, паромы и баржи и превратившийся в дни войны в боевой корабль: на его корме был установлен на какой-то вертушке спаренный зенитный пулемет. Многочисленные деревянные и железные заплаты и пробоины от пуль и осколков на его обшарпанных бортах более чем красноречиво говорили, чего стоили ему и его команде такие рейсы.

Мы окинули прощальным взглядом левый берег. Там еще оставались наши гвардейцы. Готовился к переправе полк Долгова, хлопотал мой заместитель по тылу майор Ю. К. Андриец, налаживая работу хозяйства дивизии. Где-то за береговой кромкой развертывал свой артиллерийский полк подполковник А. В. Клебановский — в город была переправлена только полковая артиллерия и противотанковые пушки, остальные орудия должны были поддерживать нас с левого берега.

Но вот задрожала палуба, наш «кавасаки» слегка покачнулся и стал разворачиваться в сторону правого берега. Мы разошлись по катеру и заняли места. Впрочем, последнее выражение не следует понимать в буквальном

смысле. Все, в том числе и я, постарались устроиться так, чтобы укрыться от осколков. Поэтому только улыбку вызвала у меня впоследствии картина одного художника, на которой я изображен гордо стоящим — в позе корсара-покорителя морей. Нет, все было гораздо прозаичнее.

В носовой части катера устроился Бельский. Когда начался обстрел, Тихон Владимирович, как ни в чем не бывало, шутил:

— Подождите, еще не известно, кто останется с носом: я, сидящий на носу, или те, которые расположились на корме.

Он был прав — шансы у всех были равными. Противник быстро заметил наш катер. И не удивительно: солнце уже поднялось над горизонтом и залило ослепительным светом широкую гладь реки. Впереди шла баржа с буксиром, груженная продовольствием и боеприпасами. Фашисты стали обстреливать ее, а потом перенесли огонь на нас. Мины рвались то с левого, то с правого борта, но прямых попаданий не было. Таким образом, Бельский был лишен, к счастью, возможности выяснить, кто останется «с носом».

При приближении к берегу обстрел усилился. Осколками разорвавшегося снаряда ранило несколько человек, в том числе дивизионного инженера И. И. Тувского.

Вскоре катер подошел к причалу. В эту минуту кто-то из офицеров крикнул:

— Здравствуй, земля героев!

Мы сошли на берег. Здесь все кругом полыхало в огне. Узкая прибрежная полоса, на которой высадились наши полки, непрерывно подвергалась налетам фашистской авиации, обстрелу массированным огнем артиллерии и минометов. Гитлеровцы, вероятно, считали, что еще одно усилие — и защитники города будут смяты и уничтожены.

Но противник не учел главного — свободолюбия, воли советских людей. В тот памятный день, когда мы высадились на правом берегу Волги, армейская газета писала: «Назад для нас дороги больше нет. Она закрыта приказом Родины, приказом народа. Отечество требует от всех защитников города биться до последнего, но удержать город». Эти слова точно определили долг и мысли каждого из нас — от рядового бойца до любого командира.

Вступив на опаленную огнем землю Сталинграда, наши бойцы и командиры вошли в боевые ряды легендарной 62-й армии. Эта армия начала свой боевой путь в середине июля 1942 года. В непрекращавшихся упорных боях она провела вторую половину июля, август, начало сентября.

Бойцы этой армии, сражаясь в междуречье Дона и Волги, проявляли мужество и героизм. Например, тридцать три воина, сражавшиеся под командованием заместителя политрука — комсомольца Ковалева юго-западнее Сталинграда, два дня вели неравный бой против 70 фашистских танков, пытавшихся выбить героев с занимаемой позиции. Они вывели из строя 27 танков, уничтожили более 150 гитлеровцев.

Как уже отмечалось выше, в решающий момент командующим 62-й армией был назначен генерал В. И. Чуйков. В южной части города вела бои героическая 64-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова. Обе эти армии входили в состав Юго-Восточного фронта, вскоре переименованного в Сталинградский.

Ветераны битвы на Волге ныне с любовью и уважением вспоминают тех военачальников, вместе с которыми они тогда стояли у стен Сталинграда насмерть.

Вместе с нашей дивизией в составе 62-й армии сражались соединения Ф. Н. Смехотворова, С. С. Гурьева, В. Г. Желудева, В. А. Горишного, Л. Н. Гуртьева, И. И. Людникова, В. П. Соколова, Н. Ф. Батюка и другие.

Впрочем, большинство перечисленных соединений прибыло в город позже — во второй половине сентября и в октябре. К моменту переброски 13-й гвардейской дивизии через Волгу 62-я армия была обескровлена. Только 10-я дивизия полковника Сараева да две-три стрелковые бригады были укомплектованы более или менее нормально. Остальные части в упорных кровопролитных боях понесли большие потери.

Как только мы сошли с катера на берег, нас встретили участники обороны Сталинграда. Среди них были командиры частей, а также партийные и советские работники, оставшиеся здесь, чтобы оказывать войскам помощь. Они подробно обрисовали обстановку в городе.

Примерно в километре от центральной переправы в большой штольне был наскоро размещен командный пункт дивизии. Через бревенчатую пристройку, наспех покрытую горбылями и листами железа, мы прошли внутрь. Стены штольни были укреплены деревянными щитками, в дощатом потолке виднелись широкие щели, из которых время от времени сыпалась земля. При входе справа и слева — трехъярусные нары, разделенные узким проходом, по которым было трудно разойтись двоим.

До размещения командного пункта здесь некоторое время жили работники местной милиции, оставшиеся оборонять город. Многих из них мы еще застали в штольне. Они деловито представились и доложили о содержании своей работы. Эти товарищи, знавшие каждый переулок, каждый дом, оказали нам немалую помощь. Они стали хорошими разведчиками и проводниками при выполнении боевых операций. В памяти остались фамилии Петрухина, Поля, Ашифманова и некоторых других, принявших участие вместе с нами в обороне города и не раз проявлявших мужество и отвагу.

Штольне далеко было до выдающегося произведения строительного искусства. Самым большим ее недостатком было отсутствие вентиляции. Пробыв здесь некоторое время, люди стали задыхаться. Но искать новое место было некогда.

Началась напряженная повседневная работа в боевой обстановке. Дел навалилась куча. Но прежде всего необходимо было точно установить положение на боевом участке, занимаемом полками дивизии, наладить с ними регулярную связь и обеспечить бесперебойное руководство частями.

Наши связисты во главе с начальником связи майором Костюриным и его заместителем Василенко буквально сбивались с ног. Им пришлось работать в тяжелых условиях: проводная связь горела, радиостанций не хватало. Уже в первый день пребывания в Сталинграде выяснилось, что боевыми действиями придется руководить в основном через связных или при личных встречах с командирами.

Связистам на протяжении всей обороны города пришлось крепко потрудиться не только над организацией связи с действовавшими частями. Особенно трудно было держать связь с левым берегом: она осуществля-

лась по радио и телефону. Наладить же телефонную связь с левым берегом было нелегко, так как мы не располагали кабелем, который можно было бы проложить под водой, а обычный кабель часто выходил из строя. За время боев в Сталинграде связисты израсходовали такого кабеля около пятисот километров.

Едва мы разместились в штольне, как ко мне подскочил запыхавшийся связной из штаба армии:

— Вас вызывает командующий!

Связной был бледен, в грязной шинели: видно, нелегок километровый путь от штаба армии до нас.

— Гнались за тобой, что ли? — неуклюже сострил кто-то из наших штабников.

— Немец стреляет,— объяснил молодой боец.

Кое-кто засмеялся:

— Так на то он и немец, чтоб по тебе стрелять.

— Прекратите! — оборвал я эти неуместные шутки.— Майор Бельский, организуйте работу штаба, узнайте обстановку в полках Елина и Панихина, установите связь с Червяковым.

— Червяков ранен,— сообщил командир отдельной разведывательной роты дивизии лейтенант Войцеховский.— И тяжело. Его переправили на тот берег. Передовым отрядом командует теперь его заместитель старший лейтенант Ф. Г. Федосеев.

— Эх, Захар, Захар,— вырвалось у меня.— Не дошел ты до родной Сумской земли.

— Но оглобли назад он фрицам все-таки завернул,— проговорил Вавилов.— С его легкой руки мы дойдем и до Сумщины и дальше пойдем...

Я распорядился узнать о здоровье Червякова и представить его к награде — ведь он был первым, кто стронул фашистов с берегов Волги, с самого дальнего рубежа, куда они добрались.

Со связным от Чуйкова, своим адъютантом старшим лейтенантом Д. М. Шевченко, лейтенантом П. Т. Войцеховским и одним автоматчиком я отправился на командный пункт армии.

Мы перебегали от одного укрытия к другому, переползали места, простреливаемые вражескими автоматчиками и снайперами, скатывались от минометного огня в воронки, пытались вжаться в песчаную стенку обрывистого берега — и все-таки не обошлись без потерь.

При налете авиации был убит связной от Чуйкова и ранен наш автоматчик. Тяжело контуженного и совершенно оглохшего Войцеховского мы оставили в воронке от авиабомбы дожидаться нашего возвращения, и только с Шевченко мы добрались до цели.

Если бы я даже ничего не знал о положении дел в Сталинграде, то достаточно было мне пройти от нашей штольни до командного пункта армии, чтобы убедиться, что обстановка здесь сложилась весьма тяжелая. Подхлестываемые истерическими приказами из Берлина гитлеровцы бешено рвались к Волге. Пассивная оборона уже не могла спасти город. Надо было наступать, отвоевывать в уличных боях метр за метром территорию, занятую врагом.

Когда мы с Шевченко, наконец, достигли русла Царицы и отыскали вход на командный пункт, вид у нас был довольно помятый.

— Стой! Кто такие? — окликнул нас часовой.

Я назвал себя. Он недоверчиво оглядел нашу измазанную в грязи одежду и вызвал дежурного. Тот проверил документы, и мы вошли в так называемое «царицынское подземелье», в котором ранее находился штаб фронта, а теперь разместился командный пункт армии. Это подземелье представляло собой длинный блиндаж-туннель, разделенный на десятки отсеков. Я заметил, что здесь, как и в нашей штольне, с вентиляцией было плохо: стояла ужасная духота.

Едва удалось немного почиститься, как вызвали к командующему. До этого мне не приходилось встречаться с Василием Ивановичем Чуйковым, но я много о нем слышал, знал, что вся его жизнь связана с армией. Еще в годы гражданской войны он командовал полком и за храбрость был награжден оденом Красного Знамени. Командиры, с которыми я успел поговорить, передавали, что Чуйков показал себя уже в первые дни командования 62-й армией волевым и решительным человеком.

В отсеке командующего, кроме Чуйкова, были член Военного совета генерал-лейтенант Кузьма Акимович Гуров и начальник штаба генерал-майор Николай Иванович Крылов (ныне Маршал Советского Союза).

— Однако, товарищ Родимцев, вам немного досталось,— с улыбкой заметил Василий Иванович, оглядывая мои пострадавшие доспехи.

Затем все присутствовавшие внимательно выслушали мой доклад о состоянии дивизии. Я сообщил, что соединение бойцами и командирами укомплектовано хорошо, но частично недополучено вооружение и некоторые боеприпасы. Чуйков сразу же связался со своим заместителем по тылу, находившимся на левом берегу, и приказал:

— Мобилизуйте всех работников, чтобы собрали оружие в частях тыла армии и передали его в распоряжение 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

После доклада мне было задано несколько вопросов. Когда я ответил на них, Чуйков подробнейшим образом охарактеризовал боевую задачу, стоявшую перед дивизией. Он подчеркнул, что овладеть городом с ходу невозможно. Более половины его находится сейчас в руках противника: враг успел закрепиться и располагает большими силами. Однако значило ли все это, что нам нужно пассивно обороняться? Нет! Обороняться, наступая,— вот тактика ведения боев в городе.

Да и можно ли было действовать по-иному, если противник прижимал наши обескровленные части к реке, вводя в бой все новые и новые резервы? Нет, не на оборону надо было тогда ориентироваться, а на то, чтобы преодолевшие водную преграду части с ходу вводить в бой, стремиться очистить от врага как можно большую территорию города.

— Рассчитывать на пассивные или оборонительные действия противника мы не можем,— говорил Чуйков, разъясняя боевую задачу дивизии.— Враг решил любой ценой уничтожить нас и захватить город. Поэтому мы не можем только обороняться и отбивать атаки, мы должны использовать каждый удобный случай для контратак, навязывать ему свою волю и активными действиями срывать его планы.

Было решено предстоявшей ночью завершить переправу частей дивизии через Волгу. Полку Долгова, еще находившемуся на левом берегу, переправиться севернее центральной пристани, в районе завода «Красный Октябрь», и, поступив в оперативное подчинение штаба 62-й армии, начать бой за Мамаев курган. Полкам Елина и Панихина продолжать наступательные бои в центре города. Полоса действия дивизии устанавливалась от Мамаева кургана на севере до речки Царицы на юге. Все

отдельно действовавшие на этом участке подразделения и части командарм подчинил мне.

Командующий поднялся со стула, вслед за ним встали все остальные.

— Как, товарищ Родимцев, выполните задачу? — неожиданно спросил Чуйков.— Не пропустят гвардейцы врага к Волге?—

— Я коммунист и уходить отсюда не собираюсь и не уйду. Также думают все бойцы, командиры и политработники дивизии.

— Ну, тогда за дело!

Из отсека мы вышли вместе с генералом Крыловым. Он к тому времени уже имел большой опыт борьбы за крупные населенные пункты. Будучи начальником штаба Приморской армии, Николай Иванович участвовал в обороне Одессы и Севастополя. Естественно, что я с большим вниманием отнесся ко всем его указаниям. Крылов подробно рассказал о соседях нашей дивизии, хотя и предупредил меня, что иногда очень трудно определить, где, кто и как сражается. Потом он сообщил, на какую артиллерийскую и авиационную поддержку можно рассчитывать, какая помощь ожидается с левого берега.

Уже вечерело, когда мы с адъютантом возвратились к себе в штольню. Народу здесь было полно. Среди военных виднелись гражданские. Дверь все время хлопала — люди входили и тут же выбегали, получив то или иное боевое задание. Но во всей этой суматохе чувствовался порядок. Штаб не терял времени, его хорошо налаженные механизмы уже действовали: связь с частями была установлена, все службы приступили к работе.

Бельский обосновал свое рабочее место в дальнем углу штольни, пристроившись за маленьким столиком, на котором едва умещался телефон и свернутый план города. Пока я находился на командном пункте армии, начальник штаба многое успел сделать. Он уточнил, какие здания находятся в руках противника, как организована его система огня, какие дома превращены им в опорные пункты. Было определено, где проходит передний край. Впрочем, в условиях, когда обе стороны вели наступательные уличные бои, о стабильности переднего края и думать не приходилось. Отдельные дома по нескольку раз переходили из рук в руки. Даже внутри одного и того же здания положение могло непрерывно меняться.

Бельский доложил, где ведут бои наши части, в какой помощи, по его мнению, они нуждаются; какие меры приняты по боевому обеспечению, где, кем и как организована разведка. Несколько разведывательных групп уже действовало, причем в их состав в качестве проводников были включены местные жители, в том числе и работники милиции — Пронин, Стрельцов, Ремнев и другие. Приятной новостью была переправа на правый берег артиллерийских пунктов управления. Теперь наши артиллеристы, находившиеся на левом берегу, могли прицельно вести огонь по противнику.

Когда начштаба закончил доклад, я рассказал ему о посещении штаба армии. Потом мы разошлись по полкам и батальонам. Всем командирам частей были сообщены задачи, выдвинутые командующим, и приняты меры по уничтожению гитлеровцев, засевших в главных зданиях и опорных пунктах.

Тревожно прошла эта первая сталинградская ночь. Хотя небо было безоблачным, однако звезд не было видно: их закрывал густой дым, висевший над городом. Впрочем, рассматривать звезды было некогда. У нас хватало дел и на земле. Всю ночь в центре города, где наступали полки Елина и Панихина, не умолкал грохот боя. Взрывы мин и снарядов доносились севернее нас с Волги. Там переправлялся полк Долгова.

ФЛАГ НАД КУРГАНОМ

Кто был на фронте, тот знает, как бесконечно томительно тянется время в ожидании сигнала к наступлению. Медленно, точно цепляясь за циферблат, ползут стрелки часов, а впереди — неизвестность.

Но на этот раз мы были лишены таких переживаний. По той простой причине, что никаких специальных сигналов к началу наступления не было. Подразделения, выгрузившись на берегу, сразу же вступали в бой. Так вступали в бой и передовой отряд старшего лейтенанта Червякова, и полки Елина и Панихина.

Город был в огне. Пламя пожаров поднималось на несколько десятков метров. Сотни фашистских стервятников висели над головой. Казалось, не только земля, но

и небо дрожало от разрывов. Здания рушились. Дым и пыль резали глаза. Но бойцы упорно шли в бой.

Как только передовой отряд Червякова появился на правом берегу, один из офицеров штаба армии передал ему приказ Чуйкова: вместо первоначального замысла — захватить и расширить плацдарм для обеспечения высадки остальных частей дивизии — наступать на вокзал, только что занятый гитлеровцами.

Действия передового отряда с момента высадки и на всем протяжении первого дня боя дружно поддерживали три танка, которые оказали бойцам неоценимую услугу, особенно в моральном плане. Бойцы видели, что о них думают, им помогают бронетехникой, и с удвоенной энергией бросались на врага. Уже спустя много лет после войны я узнал, что это были танки подполковника М. Г. Вайнруба (ныне генерал-лейтенант, Герой Советского Союза), который сам находился в головной машине.

Остаток ночи и днем 15 сентября передовой отряд во взаимодействии с этими танками вел упорные бои по очищению от врага привокзальной части города. К исходу дня гвардейцы заняли вокзал, фашисты бежали, оставив на поле боя десятки трупов. Вокзал имел исключительно важное тактическое значение: отсюда можно было контролировать подходы к центральной части города. Так началась борьба за каждый метр сталинградской земли.

Этот день и остальные части дивизии провели в ожесточенных схватках с противником, безуспешно пытавшимся сдержать натиск гвардейцев.

16 сентября наступление вспыхнуло с новой силой. Наши воины медленно, но упорно продвигались вперед, захватывая дом за домом, квартал за кварталом, улицу за улицей. Враг несколько раз переходил в ожесточенные контратаки, однако гвардейцы отражали их и неуклонно шли вперед, несмотря на необычайно сложную обстановку боя.

Как-то получалось, что все наступательные бои дивизии, до сталинградских, походили на установившиеся нормы вооруженной борьбы: не только командиры рот, но и командиры батальонов видели боевые порядки своих подразделений, могли управлять ими, организовывать взаимодействие с приданными и поддерживающими средствами, строить по своему усмотрению систему огня и маневрировать на поле боя.

Но, пожалуй, даже намеренно нельзя было создать более трудную обстановку, чем та, что сложилась здесь, в Сталинграде. Она опрокидывала все имевшиеся представления о боевых действиях.

Можно как-то примениться к местности, наступая через городские захламленные дворики, сарайчики для хозяйственного скарба, по огородам мимо палисадников с розами и георгинами или, наконец, по асфальтированной площади, на которой вражеские автоматчики или пулеметчики срезали бы даже траву, если бы она росла. Но необычайно сложно это делать в лабиринте квартир, коридоров и лестниц, в кромешной тьме ночных подвалов, погребов и чердаков, не зная и не ведая, где противник, подчас путая в темноте своих и чужих.

Вот когда пригодилось то, что мы называем сплоченностью, слаженностью подразделений, чего мы настойчиво добивались в Камышине.

Направление главного удара как с нашей стороны, так и со стороны противника менялось иногда по нескольку раз в день. Также часто переходили из рук в руки улицы и отдельные дома. Вся глубина боевых порядков нашей дивизии простреливалась не только ружейным и пулеметным огнем, но и огнем из автоматов. Нередко передний край проходил через коридор, квартиру, лестничную клетку. Случалось, когда наших бойцов отделяли от врага лишь стена или потолок. Работники штабов временами затруднялись наносить на карту передний край: так часто он передвигался то в ту, то в другую сторону.

Гитлеровцы упорно пытались вернуть отбитый у них в первые два-три дня нашего наступления центр города. На полки Елина и Панихина они обрушили огонь десятков своих артиллерийских и минометных батарей, укрытых в садах, за высотами и в балках на западной окраине города. Группы автоматчиков, поддерживаемые танками, бросались в контратаки, прикрываясь плотной завесой огня. Улочки, сбегавшие вниз, простреливались от начала до конца. За перекрестки, каменные здания, а иногда и просто за выгодно лежавшие развалины завязывались яростные рукопашные схватки.

На левом фланге дивизии над двумя соседними стрелковыми бригадами уполовиненного состава нависла опасность: враг так их прижал к реке, что они держались каким-то чудом.

Эту возвышенность мы называли по-граждански: Мамаев курган, а горожане — высотой 102,0, хотя любой сталинградский школьник, дабы блеснуть историческими познаниями, мог сказать, что когда-то на этом холме стоял шатер татарского хана Мамая.

Высота была господствующей. В переводе с военного языка это означало, что все, лежащее в поле зрения, вплоть до самого горизонта, можно было не только разглядывать с этой высоты из-под ладони или в бинокль, но и расстреливать из любого вида оружия, в пределах досягаемости его огня.

Особенно удобно это было со стороны неприятеля. Слева, если считать от наблюдателя, в какой-нибудь полуверсте начинались заводы-гиганты с их поселками времен первой пятилетки, справа — центр города с высокими каменными зданиями учреждений, институтов, техникумов, школ среди яркой зелени садов и парков, перешагнувших за речку Царицу, прямо — зеркало Волги с пристанями, причалами, сновавшими по ней туда и обратно пароходами, паромами, лодками и судами Волжской военной флотилии. За рекой раскинулось Заволжье с поселками Красная слобода, Красный богатырь и Песочное, где расположились артиллерия, медсанбаты, госпитали и тылы дивизий, армий и фронта. И наконец, единственная дорога, даже не железная, а просто степной большак, но питавший продуктами и боеприпасами, оружием и людьми сражавшийся город и фронт.

С нескрываемым вожделением рвались к вершине кургана фашисты с первого же дня своего появления в городе. Они устилали западные и юго-западные склоны высоты тысячами трупов своих солдат и офицеров, сбрасывали на нее сотни тонн бомб, снарядов и мин.

Курган называли красным — за преобладавший в те дни цвет его скатов после рукопашных схваток; железным за то, что его поверхность на полуметровую глубину была начинена стальными и чугунными осколками снарядов и мин, сделанных из руды Урала и Рура; мертвым — потому, что в нем нашли себе могилу десятки тысяч человек, что его почва не сможет воспроизвести на свет даже чахлой травы-сорняка. Здесь Гитлер потерял солдат и офицеров больше, чем Наполеон на Бородинском поле.

В тот день, когда наша дивизия подходила к левому берегу Волги, гитлеровцы взяли Мамаев курган. Взяли потому, что на каждого нашего бойца наступало десять фашистов, на каждый наш танк шло десять вражеских, на каждый поднявшийся в воздух «Як» или «Ил» приходилось десять «мессершмиттов» или «юнкерсов».

Было бы непонятно, если бы этого не случилось. Как-никак, а воевать-то немцы умели, особенно при таком численном и техническом превосходстве.

А вот отбивать эту высоту — 102,0 нам пришлось несравнимо меньшими силами, чем силы гитлеровцев, занимавших высоту.

«...Одним полком занять и оборонять Мамаев курган»,— вспомнил я слова В. И. Чуйкова, ставя майору Долгову задачу на переправу и наступление.

«Одним полком!»

— Ты понял, что на тебя приходится? — спросил я Долгова в конце разговора с ним по телефону.

— Понял: овладеть высотой сто два и ноль,— повторил он,— и на ней закрепиться.

Это было сказано так, будто не о штурме почти неприступной в тех условиях твердыни, а о само собой разумеющемся обычном и будничном деле шел разговор. Спокойствию Долгова можно было только позавидовать.

Кроме того, я сообщил Долгову, что его полк будет поддержан танковой бригадой, и тут же дал задание Бельскому установить с нею связь.

Утром 16 сентября Мамаев курган словно проснулся. На его восточных и северных скатах послышалась ружейно-пулеметная стрельба, а правее и выше по течению Волги, над ее правым, теперь уже нашим берегом начала усердно работать вражеская авиация. Между самолетами вспыхивали дымные клубки разрывов наших зенитных снарядов.

«Вероятно, тридцать девятому сейчас достается,— подумал я.— Видно, не успел за ночь переправиться».

Но вот по рации меня вызвал Долгов.

— Полк закончил переправу! — доложил он.

— Потери?

— Незначительные. В основном от случайных снарядов и мин...

Наверное, у Долгова обошлось более благополучно, потому что от места высадки его полка и до противника

было не менее километра да и батальон Федосеева на вокзале и другие батальоны Елина и Панихина оттянули на себя основные силы врага: с резервами у него, видно, тоже было не густо.

— Исаков и Кирин сосредоточились у подножья высоты сто два и ноль для наступления,— продолжал Долгов.

— А Мощенко? — прервал я Долгова.— Это не его батальон сейчас бомбят?

— Его... В овраге Банный.

— Танкисты не нашлись?

— Нет.

Все складывается так, что наступать полком с неполным составом и без танков сейчас рискованно, а если повременить — может быть еще хуже: гитлеровцы обязательно подбросят подкрепления. Но я полагался на Долгова: ему там, на местности, виднее, мне же с наблюдательного пункта виден только голый курган с двумя водоотстойными баками на его вершине.

Бывают случаи, когда от командира, решающего идти в бой, требуется мужества и отваги больше, нежели от бойца, идущего в атаку. Чаще всего боец идет в атаку потому, что ему приказали и у него нет другого выбора.

А вот Долгову приходилось выбирать: наступать или не наступать? Только результат боя покажет, прав он был, поднимая батальоны на штурм кургана, или следовало подождать, пока отыщутся пропавшие танкисты, наладится связь с левобережной артиллерией, поможет подавить огневые точки противника авиация. Кто его осудит за то, что он ждал?

А что, если штурм захлебнется? Если для последнего броска в атаку не хватит людей? На чью другую совесть, если не на его, лягут десятки, а может быть, сотни жизней, погибших напрасно? С кого, как не с него, за них спросят?

Лично сам он рисковал жизнью больше, чем кто-либо другой. Уж гитлеровцы-то сверху, с кургана, разберутся, к кому тянутся пусть незримые, но все же ощутимые нити управления боем. И десятки снайперских прицелов, биноклей и стереотруб будут особенно тщательно разыскивать на поле боя его, командира полка, дерзнувшего наступать в таких сложных условиях.

— Как вы решили? — первым прерываю молчание я и чувствую, что волнуюсь: как бы ни решил Долгов, а на-

ступать ему придется; но для пользы дела лучше, если бы он наступал по своей доброй воле, а не по приказу.

— Думаю наступать.

Молодец! Вот она смелость командира! Наступать без авиационной и артиллерийской подготовки. Без танков. С полком неполного состава. А что делать? Часа через два фашисты подтянут новые силы, и потом их отсюда не только полком, но и дивизией не выбьешь. И если не возьмем сегодня курган — под угрозу поставим судьбу города.

— Правильно! — одобрил я решение Долгова.— Действуй!

Я представил себе, как он передал трубку телефонисту, как надел каску и взял у связного ракетницу.

С нашего наблюдательного пункта было видно, как от подножия Мамаева кургана к его вершине крутой дугой взвилась красная ракета.

— Вызовите Елина и Панихина,— передал я связисту. Когда те оказались на проводе, сказал:

— Долгов начал работать. Помогите ему.

Через несколько минут четырехкилометровый по фронту передний край дивизии, начиная от оврага Долгий и кончая левым берегом речки Царицы, ожил, заволновался, заговорил, загрохотал.

Если учесть, что на вокзале батальон Федосеева приковал к себе силы целого пехотного полка, а полки Елина и Панихина — силы двух пехотных дивизий, то едва ли Паулюс соберет еще солдат, чтобы помочь удержать Мамаев курган. Таким образом, Долгов может наступать уверенно.

Когда удавалось связаться по телефону или по рации с Долговым, я запрашивал про обстановку, хотя вряд ли смог бы чем-либо ему помочь: все части и подразделения, кому надлежало, втянулись в бой, а резерв дивизии — саперный батальон — я берег на крайний случай. Долгов, видимо, знал об этом, поэтому не жаловался, что трудно, и на поддержку не рассчитывал.

— Да, приданная танковая бригада появилась,— заметил он,— но она только вчера вышла из боя севернее Мамаева кургана, и от нее осталось всего четыре танка. Сейчас они у меня действуют. И хорошо действуют,— подчеркнул Долгов.— Только вот местами подъемы круты.

Что это за поддержка — четыре танка на полк? Да еще тогда, когда приходится карабкаться на крутые подъемы? Как они преодолевают их? Обходят, подставляя борта под фашистские пушки? Да и только ли для танков круты такие подъемы?

Весь этот день мне пришлось пробыть в полках Елина и Панихина, и только под вечер я добрался до Долгова, уже захватившего вершину Мамаева кургана.

— Майор где-то в подразделениях,— сообщил мне комиссар полка Тимошенко, после того как коротко доложил про обстановку.

— Расскажите, как все это было,— попросил я комиссара.

...Трудно было представить, что Мамаев курган совсем недавно был любимым местом для прогулок сталинградцев. Взрытая за день бомбами, снарядами и минами земля дымилась. Воздух был пропитан тошнотворной гарью, смешанной с запахом порохового дыма. Трава перемешалась с землей так, словно почва была перелопачена или перепахана плугом. Скаты кургана изрезаны траншеями, окопами и укрытиями.

Мы остановились у полузасыпанной ямы. Из нее торчали, как кости гигантского ископаемого, бревна накатника, расщепленные доски и нога в узком, немецкого покроя, сапоге, поблескивавшем гранеными шляпками гвоздей на подошве.

— Это был главный дзот,— объяснил мне Тимошенко.— Он так поливал огнем, что затормозил наступление батальона Исакова. Сечет — и все. И ничем не возьмешь,— выгодно был расположен. Потому мы и назвали его — главным.

Я посмотрел на подступы к дзоту. То ли случайно получилось, то ли немецкие саперы были мастерами своего дела, но дзот они построили на таком изгибе ската, что он оказался неуязвимым для нашей артиллерии.

Истратив несколько десятков ценных из-за недостатка снарядов, наши артиллеристы перестали вести по дзоту бесполезный огонь.

Крутизна ската мешала танку подойти к нему. Тогда уничтожить дзот вызвались младший лейтенант Тимофеев, недавно вступивший в партию, и вместе с ним четыре молодых бойца-комсомольца.

Трудно сказать, кому из них принадлежала инициатива в уничтожении дзота, но все они одинаково горячо обсуждали, как к нему подобраться.

Когда группа Тимофеева, используя каждую лощину, бугорок, воронку, где ползком, а где перебежками, устремилась к главному дзоту, бойцы, залегшие цепью, своим огнем отвлекали внимание врага.

— И вдруг слышим дзот как бы ухнул,— рассказывал Тимошенко,— будто выдохнул из амбразур пыль и дым. Его крыша тут же провалилась. Наши артиллеристы, видимо, все-таки ее расшатали. А все остальное довершили противотанковые гранаты бойцов Тимофеева. Герои ребята!

Мы медленно поднимались к вершине кургана, перепрыгивая через окопы, траншеи и ходы сообщения, обходя трупы убитых. Их было много — и немцев, и наших. Одних смерть настигла на бегу во время атаки, других — в рукопашной схватке, третьих — с автоматом в руках или за пулеметом.

— Здесь наступал батальон Исакова,— продолжал Тимошенко.— Тоже заминка случилась. Вражеские пулеметы с флангов открыли такой плотный перекрестный огонь, что наступать стало невозможно, и подавить их нечем. Приходилось экономить и снаряды, и мины, что переправили с собой. Вот посмотрите.

Я посмотрел. Действительно, лучшей огневой позиции хотя бы вот для этого пулемета и не придумаешь. Угодить снарядом или миной по нему мог разве только виртуоз-наводчик. Пулемет, расположенный на выпиравшем почему-то бугре, одновременно был и большим соблазном и загадкой для наших артиллеристов и минометчиков. Малейшая поправка на панорамном или коллиматорном прицеле в ту или в другую сторону приводила к тому, что снаряд или мина то уносилась куда-то в пространство, то утыкалась в землю чуть ли не в цепи наших наступавших бойцов.

Словом, огневая позиция пулемета была расположена так же умело, как и тот дзот. Усиливали его кочующий ручной пулемет, снайперы и автоматчики. Несколько наших смельчаков, пытавшихся атаковать в лоб этот опасный для нас бугор, сложили у его подножия свои головы.

Из положения вышли опять-таки благодаря блестящему боевому мастерству наших гвардейцев.

— Из роты, что наступала вот здесь,— показывал мне Тимошенко,— трое бойцов — Дрогин, Проскурин и Сурков — попросили разрешения зайти врагу в тыл и оттуда ударить по бугру.

В создавшемся на этом участке положении следовало поступить именно только так. Но какая требовалась отвага для этого! Ведь перед фронтом обороны противник сконцентрировал из всех видов пехотного оружия такой плотный огонь, что, казалось, никто живой до него не доберется.

Но Дрогин, Проскурин, Сурков и еще четверо бойцов добрались. В момент, когда бойцы батальона из всех видов оружия открыли по бугру огонь, группа бойцов броском обогнула его и атаковала врага с тыла. Гранатами семерка смельчаков уничтожила тринадцать фашистов, а огонь их станкового и ручного пулеметов направила на подразделение противника, пытавшегося контратаковать.

Тогда поднялся наш батальон, и бугор остался далеко позади его.

Но война есть война. В подавлении этой вражеской огневой точки в рукопашной схватке смертью храбрых пали молодые коммунисты Сурков и Дрогин...

Главный дзот и бугор в общей системе обороны гитлеровцев на Мамаевом кургане играли роль усиленных боевых охранений. Их захват еще не решал успеха боя. Предстояло занять первую неприятельскую траншею, которая, как гигантский шрам, рассекала вершину скатов.

Фашисты продолжали обрушивать на наступавший батальон Матвея Кирина смерч огня. Смерть то и дело вырывала бойцов из его рядов. Тогда бойцы снова залегли.

До гитлеровцев оставалось менее ста метров. Они засели в траншее, еле видимые, замаскированные брустверами стрелковых ячеек. Наши роты залегли намного ниже и, прижатые огнем к земле, были видны как на ладони. Расстреливай на выбор любого бойца или командира.

Перепрыгнув через заваленную телами погибших траншею, мы с Тимошенко подошли к большой группе бойцов и командиров, стоявших с обнаженными головами. Они молча расступились перед нами. Поняв в чем дело, мы также сняли свои пилотки. В центре группы воз-

вышался невысокий холмик земли, увенчанный каской. Рядом стоял Кирин. Он мельком взглянул на нас, поднял правую руку и резко опустил ее. Раздался троекратный залп.

— С лейтенантом Чуприной попрощались,— сказал, подойдя к нам, Кирин.— Навечно,— добавил он и надел каску.

Тут же у могилы он рассказал нам, как погиб Чуприна.

...Как только наши бойцы залегли перед траншеей, командир шестой роты, бывшей в резерве, лейтенант Чуприна поднялся на НП батальона.

— Позвольте нам атаковать! — обратился он к Кирину.— Ведь люди погибают.

Кирин понимал, что предложение Чуприны разумное, но рискованное.

— А твои не залягут? — Кирин попытался было предостеречь лейтенанта.

— Не залягут, ручаюсь,— заверил его Чуприна.—Мои бойцы как услышали про Тимофеева с его ребятами, да о Суркове и Дрогине, так сразу стали, как наэлектризованные. Сами предложили: иди, говорят, лейтенант, к комбату, проси разрешения на атаку.

— Далековато до траншеи,— усомнился Кирин.— Хватит ли духу добежать?

— Хватит! — убеждал его Чуприна.— Рубеж атаки намечаю там, где залегли роты, до него — перебежками. На рубеже немного отдохнем, приготовимся и — броском.

— А успеете? — взвешивал время и расстояние Кирин.— Не выдохнутся люди, прежде чем достигнут траншеи?

— Нет, они у меня натренированные. Под Камышином я им не один раз устраивал кросс по бегу.

— Тогда давай! — согласился, наконец, комбат Кирин. Рота Чуприны снялась с места.

По словам Кирина, рота, несмотря на плотный огонь противника, то по-пластунски, то короткими перебежками за несколько минут без потерь сосредоточилась на рубеже атаки.

— Это было проведено классически,— подчеркивал Кирин.— Взводы наступали, поддерживая друг друга. Взаимодействие было в каждом отделении. Чуприна су-

мел организовать такую систему огня, что на участке своего наступления ни одному фашисту не позволил высунуть головы из траншеи. Конечно, и мы помогли ему. В это время пулеметная рота вела огонь по траншее через голову шестой роты. Работали на них минометы и подоспевший танк.

Но на рубеже атаки было горячо. Это поистине огненная черта, заставить перешагнуть которую могло только высокое чувство воинского долга. Буквально перед лицами, как змеи, шипели осколки мин. Пули, взрыхляя землю, поднимали облачка пыли. То тут, то там вскрикивали раненые или, вздрогнув в мгновенной судороге, затихали убитые.

Земля еще как-то спасала людей, и казалось, что стоит лишь оторваться от нее, как твой рывок будет последним в жизни.

Это был момент, когда поднять людей и бросить их навстречу свистящим пулям мог только личный пример командира.

Последний раз Кирин увидел Чуприну, когда тот встал во весь рост над залегшей цепью, что-то крикнул и, подняв автомат, бросился на скат кургана. За ним рванулись все бойцы его роты.

— Говорят, во время схватки в траншее он один уничтожил чуть ли не десяток гитлеровцев...— продолжал рассказывать Кирин.— Он, как вихрь, первым ворвался в траншею.

— А вторым ты! — не вытерпев, заметил я комбату.

Кирин заметно смутился, покраснел.

По дороге сюда Тимошенко мне рассказал, что, как только Чуприна со своими людьми ворвался в первую траншею, залегшие ранее четвертую и пятую роты повел в атаку лично сам Кирин.

Он так же, как и Чуприна, поднялся под градом свинца во весь рост перед бойцами, крикнул: «За мной!» — и бросился вперед.

В первой траншее кипела рукопашная схватка, и успех решали уже не выстрелы и разрывы гранат — в тесноте легко задеть и своих,— а удар финкой, прикладом, штыком и даже саперной лопаткой.

Перемахнув эту траншею, пятая и шестая роты растеклись по всей вершине кургана, громя гитлеровцев в отдельных окопах, на огневых позициях пулеметов, мино-

метов и артиллерийских орудий, в водоотстойных баках, превращенных в доты.

В горячке боя Кирин и сам швырнул гранату в стрелковый окоп, где находилось примерно отделение фашистов, из пистолета уложил еще четырех солдат, очумевших от взрыва. С остальными расправился его связной.

— Зачем ты полез? — пытал я Кирина.— Если так каждый командир роты или батальона лично сам будет ходить врукопашную, то скоро командовать будет некому.

— Надо было,— категорически возразил мне Кирин.— Батальон шел на штурм такой высоты без приданных огневых средств, без артиллерийской и авиационной поддержки, с двумя подбитыми танками, с ограниченным боекомплектом снарядов и мин. В таких случаях, по-моему, командиру батальона или роты надо заслужить право бросать людей под шквальный огонь...

Немного помолчав, Кирин добавил:

— Вот только жалко Чуприну! Не верится, что его уже нет в живых. Но и многих гитлеровцев тоже нет. Вон уже Кентя догадался фашистский флаг на портянки приспособить!

Мы взглянули на один из водоотстойных баков. Взобравшись на его крышу, молодой боец под дружные крики и свист сорвал с древка фашистский флаг с черной свастикой. Потом, не торопясь, укрепил наш, советский.

— Эх, дожить бы до дня, когда в Берлине, на рейхстаге, придется также сдирать фашистский флаг! — вздохнул Кирин.

* * *

...Лучшего места для артиллерийского наблюдательного пункта, чем на Мамаевом кургане, не подберешь. Выбор пал на вражеский блиндаж, сооруженный в месте, где почти плоская вершина переходит в западный скат. Обзор отсюда — во все стороны.

Трое саперов под наблюдением командира дивизиона артиллерийского полка капитана И. М. Быкова переоборудовали блиндаж, двое пожилых усатых связистов устанавливали связь с левым берегом, а я смотрел, как внизу, у подошвы кургана, Долгов, Кирин, Исаков и Мо-

щенко отводили батальонам и ротам участки земли для обороны.

Артиллерийский полк находился на левом берегу Волги и был на эти дни подивизионно придан стрелковым полкам. Полку Долгова достался дивизион капитана Быкова.

Весь день Быков провел в полку, передвигаясь вместе с наступавшими батальонами, и тяготился тем, что не мог, как хотел, помочь пехоте. Наступавшие подразделения так близко соприкасались с противником, а крутизна ската была такая большая, что можно было ударить по своим. И Быков довольствовался тем, что не допустил подхода резервов к вражеским частям, оборонявшим курган. Да и это было крайне трудно сделать, так как сам курган не позволял вести наблюдение за всем тем, что происходило в тылу врага.

Сейчас Быков рад, что перед ним с кургана распахнулись просторные дали, где виднеются пригородные поселки, сады, огороды, поля. Он то подходил к буссоли, то брал в руки планшет с картой, то подносил к глазам бинокль, то что-то записывал в книжке. Его интересовали дороги, мосты, овраги, места возможной концентрации сил противника, пути подхода танков и мотопехоты, отдельные предметы, ориентиры.

— Здесь, пожалуй, мы поставим подвижный заградогонь,— рассуждал он вслух.— А здесь — неподвижный. Ну-ка, братец, передай...— и он диктовал связисту подготовленные данные для огня.

Связист что-то говорил в телефонную трубку. Через несколько секунд над нами с шелестом пролетел снаряд. На перекрестке дорог сначала появился клубок дыма, затем донесся звук разрыва.

— Так, хорошо,— одобрил Быков, и опять что-то отметил на карте.

— Покурим, капитан! — предложил я.

— Теперь можно,— охотно согласился Быков.

Мы уселись на бруствере, свесив ноги в ход сообщения, закурили, разговорились. Быков рассказал мне, как он подростком работал учеником у печника, как принес матери свой первый заработок, как потом учился на рабфаке и одновременно работал шахтером-проходчиком.

— Мировое время было,— восхищался он своим прошлым.— Бывало, после шахты вымоешься под душем,

пообедаешь и бежишь на футбольное поле гонять мяч. А сейчас вот какие мячи гонять приходится.

Потом мы вспомнили начало боевых действий под Харьковом. Наверное, потому, что здесь, в Сталинграде, мы встретили наших общих «знакомых» — 295-ю и 71-ю немецкие пехотные дивизии. С 71-й дивизией мы впервые столкнулись еще год назад в Голосеевском лесу под Киевом, куда она прибыла после победоносных маршей через всю Францию и Польшу.

Наша нынешняя 13-я гвардейская дивизия была тогда воздушнодесантным корпусом. Встреча этой дивизии с нашими десантниками в Голосеевском лесу закончилась ее разгромом, и остатки дивизии снова отбыли во Францию на переформирование.

Весной этого года, воспользовавшись отсутствием в Западной Европе второго фронта, гитлеровское командование значительную часть своих резервов бросило на Восточный фронт. Вместе с ними под Харьков была направлена и переформированная 71-я пехотная дивизия.

По какой-то случайности наша 13-я дивизия снова столкнулась с нею и снова разгромила ее, полностью истребив ее 211-й пехотный полк.

В этих же боях мы нанесли жестокое поражение и 295-й пехотной дивизии, и особенно ее 513-му пехотному полку, от которого, пожалуй, остался один номер.

Я не знал, о чем тогда думал Быков, всматриваясь в загородные степные дали, но я продолжал вспоминать наши последние бои под Харьковом.

Для того чтобы восстановить положение, на нашу дивизию противник бросил большое количество танков. И вот в этом-то бою блестяще проявились хладнокровие и бесстрашие тогда еще командира первой батареи старшего лейтенанта Быкова.

На участок, обороняемый его батареей, развернутым строем, с раскрытыми люками кинулось несколько десятков вражеских машин. Сидевшие в них за прочной броней танкисты, уверенные в своей неуязвимости, надеялись свести счеты за потери, понесенные их пехотинцами. Ничто, по их мнению, как рассказывали позже пленные, не могло остановить такую стальную лавину, несущуюся на предельной скорости. Даже пушки. Ведь за пушками стояли русские Иваны, у которых испокон веков раболепие и страх перед могуществом машины.

Когда до танков оставалось около шестисот метров, Быков приказал батарее открыть огонь. Прозвучал залп, другой, третий... Несколько первых танков окуталось густым черным дымом.

Но и на огневых позициях батареи стали рваться вражеские снаряды, во все стороны разбрасывая смертоносные осколки.

Однако артиллеристы не думали об опасности. Подменяя выбывших из строя и внимательно прислушиваясь к спокойному голосу своего командира, они работали слаженно и четко.

Но вот упал у орудийного щита наводчик Белоусов, подбивший три танка, на его место стал командир орудия сержант Лычак. Он почти в упор расстрелял одну за другой шесть вражеских машин. А наводчики Кутаев и Кулинец, лейтенант взвода Крындич, наводчик комсомолец Зюнев, командир орудия Смирнов подбили уже восемь танков.

Враг все же продолжал упорно рваться вперед. Теперь ранило бывшего на этой батарее командира дивизиона капитана И. И. Криклия, ранило командира батареи Быкова и комиссара Лемешко. Но они не оставили позиций, продолжали управлять огнем.

Как и командиры, раненые наводчик Кутаев, правильный Оганян, подносчик снарядов Баширов, наскоро перевязав друг друга, также остались возле своих орудий.

Более трех часов длился бой. Батарея Быкова подбила и подожгла двадцать шесть вражеских танков и бронемашин, остальные, не выдержав сокрушительного отпора, бежали с поля боя.

Чтобы отбить такой бешеный танковый удар, командир, помимо личного бесстрашия и мужества, в сложной обстановке боя должен уметь правильно руководить людьми, внушать бойцам веру в свои силы и в свое оружие, и тогда они выйдут победителями над танками врага, хотя бы до них оставалось пятнадцать-двадцать метров.

В этот день и на других участках обороны дивизии десятки немецких танков были превращены в металлолом. А всего в итоге трехдневного боя, закончившегося победой наших гвардейцев, только от огня артиллерии противник потерял 113 танков.

За героизм, проявленный в этом бою, капитан Криклий первым в Советском Союзе был награжден орденом Отечественной войны первой степени, а Быков первым в дивизии был удостоен звания Героя Советского Союза.

— Много прошли наши «знакомые»,— продолжал прерванный разговор Быков о 295-й и 71-й дивизиях.— И Францию, и Польшу, и в России полторы тысячи верст. А все-таки не дошли!

— До чего не дошли? — поинтересовался я.

— До Волги, до последнего нашего рубежа. Каких-нибудь полкилометра оставалось... И не дошли: духу не хватило.

Быков был прав: фашистам, прошедшим Белоруссию, Украину и Донбасс, не хватило сил преодолеть оставшиеся полкилометра. И не дойдут, потому что мы много оставили их на тех рубежах, с которых уходили сами.

— Некому стало продвигаться,— как бы подтверждая мою мысль, вставил свое слово в наш разговор усатый связист, перебрасывая землю лопаткой через бруствер окопа в сторону противника.

— Похоже, наши «знакомые» зашевелились,— заметил Быков.

Я посмотрел в бинокль. Из балки, что находилась в двух километрах от нас, показалась колонна танков и до батальона пехоты. Примерно столько же пехоты вышло из города. Все они двигались в нашу сторону.

Снизу поднялся Долгов, доложил:

— Батальоны готовятся к обороне.

— Начнем или лучше подождать? — спросил Быков.

Решили подождать, а тем временем полковую артиллерию Долгова выкатить на прямую наводку.

Быков что-то передавал по телефону на левый берег.

У ближайшего к кургану сада вражеские танки из походного строя развернулись в боевые порядки и замерли, поджидая, видимо, подходившую пехоту. А та, сначала расчленившись повзводно, а потом рассыпавшись в цепь, заняла старую, наверное, еще отрытую нашими частями траншею, в которой сейчас находились выбитые с Мамаева кургана гитлеровцы.

Передвижение врага на местности с высоты было видно так хорошо, словно мы в классе на тактических занятиях наблюдали за военной игрой на ящике с песком.

Обменявшись сигналами ракет, части противника пошли в контратаку. Сначала из сада ринулись танки, а как только поравнялись с траншеей, вместе с ними вперед устремилась пехота.

— Пожалуй, пора! — проговорил Быков.

Казалось, все делалось по предусмотренному им плану, настолько хорошо знал характер боя этот умница-артиллерист. Он спокойно взял у связиста трубку и негромко, чуть ли не шепотом скомандовал:

— По пять снарядов... беглым — огонь!

Над нами загудело небо, а среди танков, у их бортов, тупорылых лбов, за кормами, а то и на броне стали рваться снаряды. Вспышками орудий засверкал весь передний край долговского полка. Загрохотала артиллерия, поставленная на прямую наводку. Батальонные и полковые минометы обрушили на противника шквальный огонь.

На какое-то время вражеские танки и пехота по инерции проскочили вперед, потом на какую-то минуту замерли, как по команде, и то, что уцелело, с такой же скоростью понеслось обратно. Однако мало кто из гитлеровских солдат успел нырнуть в спасительную траншею, а из танков только несколько машин укатились в балку.

Быков поднялся во весь рост над нашим окопом, погрозил кулаком в сторону запада и весело закричал:

— Не выйдет! Теперь мы вам салазки завернули назад насовсем!

ОНИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

На рассвете 17 сентября гитлеровцы сосредоточили на ограниченном участке несколько дивизий и не менее ста танков. При мощной поддержке артиллерии, минометов и авиации они перешли в решительное наступление, поставив перед собой задачу смять 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию и сбросить ее в Волгу.

Весь день не смолкала артиллерийская канонада. Через каждые четверть часа на боевые порядки дивизии пикировали самолеты и сбрасывали тонны бомб. Скрежеща и лязгая гусеницами, ведя на ходу огонь из пушек

считался едва ли не главным в тактическом отношении пунктом города. Я понимал, чего теперь будет стоить его удержать.

Кстати, передовой отряд снова стал тем, чем и был раньше, первым стрелковым батальоном 42-го стрелкового полка, разве только по-прежнему усиленным ротами миномётчиков лейтенанта Деркача и бронебойщиков капитана Бурлакова. И хотя батальон, как бывший передовой отряд дивизии, вышел из моего прямого подчинения и «вернулся» к Елину, тревога за его судьбу у меня ничуть не уменьшилась.

Теперь ночью я не стою у оперативной карты фронта, как это делал в Камышине, и не рассматриваю новые значки Бакая. Сейчас все, что интересует, у меня перед глазами.

Я выхожу из душного подземелья... Чуть не сказал на свежий воздух. Какой тут, к черту, в горящем городе свежий воздух? Пахнет тут даже не дымом, не гарью, а каким-то смрадом. Наверное, в аду такой же запах.

Хотя небо должно быть безоблачно, но звезд из-за оранжевого от пожарищ дыма не видно. Кое-где по этому дымному пологу шарят наши и вражеские прожекторы, разыскивают урчащие самолеты. Взлетают ввысь очереди трассирующих пуль, вырисовывают в небе разноцветные дуги ракеты, вспыхивают разрывы зенитных снарядов. Таково небо Сталинграда.

На земле же преобладают слуховые впечатления. Справа, за оврагом Долгий, там, где Мамаев курган, слышится редкая пулеметная перестрелка. Это наши и немецкие пулеметчики обмениваются очередями, доказывают один другому, что не дремлют.

Перед полком Панихина относительно спокойно. Иногда враг пускает осветительные ракеты, слышатся редкие и короткие автоматные очереди, одиночные винтовочные выстрелы.

У Елина более оживленно. В районе площади 9 Января — частая автоматная стрельба, пулеметная перестрелка, разрывы гранат. Вероятно, мой заместитель полковник Борисов опять пытается разведать огневую систему противника. А вот левее и дальше елинского фланга, там, где вокзал, не прекращается шум боя. В редкие минуты затишья на переднем крае со стороны вокзала доносятся хлопки противотанковых ружей, ред-

кие выстрелы «сорокапяток», разрывы мин и гранат, а иногда и надрывное гудение двигателей танков, утюжащих, видимо, огрызающиеся огнем привокзальные развалины.

«Как им помочь?» — двое суток тревожила меня мысль.

На третий день я увидел с наблюдательного пункта, как над вокзалом закружилась карусель из нескольких вражеских бомбардировщиков. Послышались глухие разрывы тяжелых бомб. Потом повалил густой дым,— где-то что-то горело.

— Как дела у Федосеева? — позвонил я Елину по телефону.

— С утра вокзал переходил из рук в руки. Гитлеровцы бросили на подразделения Федосеева два десятка танков, среди них несколько огнеметных. Сейчас бомбят. В здании пожар. Федосеев из-за этого покинул вокзал, но окопался в сквере и на путях. Говорит, что контролирует подходы к центру города, что трудно с эвакуацией раненых и есть опасность окружения.

Услышав это, я приказал эвакуировать раненых с наступлением темноты, а в помощь батальону Федосеева вплотную подтянуть второй батальон.

Докладывая ночью об обстановке Чуйкову, я рассказал о положении батальона Федосеева.

— Что-нибудь придумаем, — пообещал командующий.— Вот только б закрепиться на Мамаевом кургане.

На другой день у переправы, куда я зашел посмотреть на эвакуацию раненых, я увидел спускавшуюся по песчаному склону к парому медсестру в гимнастерке, туго перетянутой ремнем, поддерживавшую двух высоченных раненых бойцов. Плечо одного из них было забинтовано, другой с трудом опирался на левую, перебинтованную ступню-култышку и вырванную из забора штакетину.

— Откуда? — спросил я.

— Из первого батальона,— тяжело дыша, ответила медсестра.

— Значит, с вокзала? Как там? — скрывая волнение, продолжал я интересоваться.

— Пока держимся, товарищ генерал,— устало и отрывисто произнесла девушка.

— Прут и прут фашисты,— заговорил раненный в но-

гу.— И автоматчики, и просто пехота на бронетранспортерах и на танках. Подъедут к нам, попрыгают с машин и бросаются прямо врукопашную. А как отобьемся, их самолеты одолевают...

— Да ты что, вроде генералу жаловаться на фрицев начал? — перебил его другой, с перебинтованным плечом.— Действительно, товарищ генерал, много их нынче лезло, но и наколотили мы тоже немало. Вся привокзальная площадь в их трупах. И пока меня не ранило, я насчитал двенадцать подбитых танков. Сам два поджег... Мы с ним бронебойщики,— слегка кивнул он головой в сторону приятеля.— Если так будем и дальше бить, то немного фрицев в городе останется.

— А как раненые? Все эвакуированы? — снова обратился я к медсестре.

— Из тяжелых и средних эти вот,— указала она на раненых,— последние. Остальных раньше отправили. А легко раненые не хотят уходить. Перевязались и не слушаются,— смущенно улыбнулась девушка.

Я распрощался с бойцами и медсестрой. Когда вернулся в штольню, мне сообщили:

— Товарищ генерал, вас просил позвонить командующий.

Связавшись с Чуйковым, я услышал в трубку:

— Родимцев, завтра с утра тебе поможем. Особенно Федосееву.

— Спасибо, Василий Иванович...

Всю ночь над вокзалом полыхало зарево, не прекращались винтовочно-пулеметный треск, выхлопы минометов, грохот орудий и удары противотанковых ружей.

Вспомнив разговор с теми двумя ранеными и с Чуйковым, я подумал: «Скорее бы утро!».

Удар из района Мамаева кургана на юг в направлении вокзала Сталинград-1 был предпринят двумя батальонами полка Долгова для того, чтобы ослабить нажим врага на полки Панихина и Елина, сражавшиеся в центре города.

При успешном продвижении по тылам измотанных за эти дни немецких 76-й и 71-й пехотных дивизий полк Долгова должен был выйти в район вокзала и соединиться с батальоном Федосеева.

К сожалению, этого не случилось. Над батальонами Долгова, лишь только рассвело, повисли бомбардировщики, и наступавшие вернулись к вечеру на исходное положение.

— Что-то надо сделать для Федосеева,— сказал я ночью Елину, узнав о неудачном наступлении полка Долгова.

— Я повернул фронт второго батальона на северо-запад, его пятой ротой закрыл стык с Федосеевым. Больше помочь ничем не могу,— услышал я в ответ.— Резервов, как вы знаете, у меня нет.

Да, у Елина не было резервов, и положение создавалось отчаянное: его первый и второй батальоны находились под угрозой окружения. Резервов, чтобы им помочь, не было и у меня. Вернее, был один саперный батальон, но бросить его в бой я мог только тогда, когда судьба дивизии повисла бы на волоске.

— Федосеев знает, что больше ничем ему не поможете? — спрашиваю я Елина.

— Да, я сказал ему об этом.

— И что он ответил?

— Говорит, что бы ни случилось, ни он сам, ни один его боец с привокзальной площади не уйдет. Коль, говорит, пошли на запад, так теперь назад не повернем.

— Червяковская выучка.

— Его, Захара...

* * *

Близилась к концу первая неделя боев дивизии на Волге. Как ни бесновались гитлеровцы, они не смогли сбросить нас в реку и возвратить отбитые гвардейцами позиции. Части противника все более и более изматывались и несли большие потери.

Захваченный в плен 20 сентября солдат 267-го пехотного полка 94-й немецкой дивизии показал на допросе, что в составе маршевого батальона он был срочно переброшен сюда на самолете из Таганрога. После полуторанедельного обучения батальон ввели в бой, за два дня он потерял убитыми и ранеными несколько сот человек, а штаб батальона в результате огневого налета нашей артиллерии целиком уничтожен.

3 Зак. 1714

Стойкость советских воинов вызывала замешательство в стане врага. 20 сентября начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер записал в дневнике: «Под Сталинградом постепенно становится заметным, что наши войска выдыхаются». Он требовал прекращения наступления на Волгу, за что был смещен Гитлером со своей должности.

Постепенно мы все глубже втягивались в повседневную боевую жизнь защитников города. В дивизии налаживался тот особый армейский быт, который свидетельствовал, что бойцы вошли во фронтовую колею. Новички превращались в опытных, закаленных воинов.

21 сентября мы получили первое пополнение — около 900 бойцов. Значительная часть этого дня промелькнула в хлопотах, связанных с приемом новых бойцов, распределением их по полкам.

Как-то неожиданно и быстро пришла темная осенняя ночь. В отличие от других, к которым мы уже привыкли, она была тихой. Только изредка раздавались отдельные винтовочные выстрелы, перебивавшиеся короткими пулеметными очередями. Едва различимой полоской темнел вдали восточный берег Волги. Там лежала мирная земля. Туда рвался враг. Там, у станков, недоедая, недосыпая, самоотверженно работал на оборону страны наш героический рабочий класс. В колхозах в ту осень осталось мало мужчин, но их заменили женщины, старики и подростки. Но и они в трудных условиях все делали для того, чтобы обеспечить продуктами фронт и тыл.

Мне вспоминалось, как год назад мы отступали с боями через пылавшую в огне Украину. Враг уже терзал Смоленщину, Белоруссию, Прибалтику и многие другие районы страны. При мысли об этом еще сильнее вскипала ненависть к фашистам. Нет, дальше отступать некуда! Здесь мы должны остановить врага.

...Необычная тишина настораживала. Я отдал распоряжение командирам полков приготовиться к отражению возможного наступления противника.

Как показали последующие события, наши опасения были небезосновательны. Всю ночь враг стягивал силы для решающего удара.

Когда на востоке за волжскими степями блеснул

первый солнечный луч, заговорила вражеская артиллерия. Пехота, укрываясь за танками и поддерживаемая авиацией, пошла в наступление по всей полосе действия 13-й гвардейской дивизии.

Бой, развернувшийся ранним утром 22 сентября на участке дивизии, по напряженности и потерям превзошел все предыдущие бои, которые пришлось вести гвардейцам в городе. В огне и дыму, под непрерывным обстрелом пулеметов, артиллерии, танков, под бомбовыми ударами гвардейцы бились насмерть, отстаивая каждую улицу, каждый дом, каждую квартиру. Повсюду то и дело вспыхивали яростные рукопашные схватки.

Это поистине был ад. Я побывал не в одном сражении, но в такой схватке мне довелось участвовать впервые. В этом бою, который даже ветеранов поразил своей ожесточенностью, гвардейцы проявляли чудеса выдержки и героизма. Сознавая, что нужно отстоять Сталинград во что бы то ни стало, полные непреклонной решимости погибнуть, но не отступить, они намертво вросли в сталинградскую землю.

В ходе боя стал ясен замысел гитлеровского командования. Главный удар фашисты нацелили в стык двух полков — Елина и Панихина, чтобы прорваться к Волге, разрезать нашу дивизию и уничтожить ее по частям.

С наибольшей силой враг обрушился на полк Панихина. В течение нескольких часов пехота с танками при поддержке авиации и артиллерии пятнадцать раз атаковала линию обороны полка. Однако каждая атака захлебывалась, противник терял сотни солдат и офицеров убитыми. Но таяли и ряды гвардейцев. И вот пришел такой момент, когда на одном из участков обороны погибли почти все бойцы и командиры. Пятнадцать вражеских танков и около двухсот автоматчиков прорвались в образовавшуюся брешь в районе оврага Долгий и вышли к Волге. Почти одновременно фашистская пехота и танки добились успеха на левом фланге полка в районе площади 9 Января.

Момент был критический. Возникла реальная угроза окружения полка и разобщения сил дивизии. Обстановка значительно осложнялась тем, что в результате прорыва врага окруженным оказался командный пункт полка. Охранявшие его бойцы, а также все работники штаба во главе с Панихиным вступили в схватку с фашистами.

Надо было немедленно принимать решение. На помощь полку были брошены резервы, находившиеся в моем распоряжении. К оврагу Долгий стремительно двинулись сводный батальон и рота автоматчиков. Против фашистов, прорвавшихся на площадь 9 Января, был направлен 3-й батальон полка Долгова. Командовал батальоном один из наших самых боевых и храбрых командиров старший лейтенант Петр Георгиевич Мощенко. Под шквальным огнем противника он спокойно и уверенно повел своих бойцов на выручку товарищей. Гитлеровцы не выдержали натиска и отступили. Прорыв был ликвидирован, снята блокада командного пункта, положение в этом районе значительно улучшилось.

Шесть раз в этот день фашисты бросались на штурм позиций, удерживаемых батальонами Кирина и Исакова. Четырнадцать часов подряд, не прерываясь ни на минуту, не умолкал здесь грохот боя. Скрежет металла, свист снарядов, визг пуль, разрывы гранат, глухие удары мин — все это слилось в какую-то жуткую симфонию. Расход боеприпасов был настолько велик, что ко второй половине дня в полку не стало ни мин, ни патронов к противотанковым ружьям, на исходе были и гранаты. Гвардейцам пришлось отбивать атаки ружейно-пулеметным огнем и штыками. Но никто из них не отступил.

В этом бою отличились многие бойцы и командиры.

Младший лейтенант Александр Орленок, командир пулеметной роты, сумел так хорошо организовать огонь по наседавшим гитлеровцам, что они вынуждены были бросить против пулеметчиков танк. Когда бронированное чудовище медленно выползло из-за здания и начало в упор бить из пушки, Орленок взглянул в сторону находившихся поблизости бронебойщиков: противотанковые ружья молчали — значительная часть расчетов вышла из строя, а у остальных кончились патроны. Что делать? Не теряя времени, Орленок пробрался к противотанковым ружьям и стал искать патроны у погибших бойцов. Наконец, два патрона были найдены. Это, конечно, не так-то много, чтобы подбить танк. Но для бесстрашного командира их оказалось достаточно. Через несколько минут танк запылал.

Другой танк на соседнем участке остановил боец Малько. Ему и его товарищам пришлось отбиваться гра-

натами. Умело брошенной связкой гранат Малько вывел танк из строя. Однако гитлеровцы продолжали наступать. Тогда Малько собрал все имевшиеся в запасе гранаты и спокойно стал забрасывать ими фашистов. Они не выдержали и побежали. В момент, когда Малько поднялся из укрытия и швырнул последнюю гранату вслед отступавшему врагу, пулеметная очередь сразила героя...

Не дрогнул перед наступавшими гитлеровцами и полк Елина. Его первый и второй батальоны продолжали ожесточенные бои в районе вокзала и на прилегающих улицах. Оба батальона были сильно измотаны в предшествовавших схватках, а первый батальон еще накануне потерял связь с полком. Но несмотря на это, гвардейцы оказывали упорное сопротивление численно превосходящему противнику. Ценою неимоверного напряжения сил врагу удалось в середине дня полностью окружить первый батальон и пятую роту второго батальона.

Из района вокзала, где сражались окруженные гвардейцы, доносились взрывы гранат, пулеметные очереди. Вечером пятая рота прорвала вражеское кольцо и вырвалась из окружения, и мы узнали о положении первого батальона.

Переправа на левый берег начиналась едва ли не у самой штольни, и потому прямо от нее можно было видеть и слышать, что творилось у причалов.

Возвращаясь вечером с наблюдательного пункта в штаб, я услышал неподалеку от него задорную перебранку мужского и девичьего голосов.

— Ты меня сперва отведи к Елину или Родимцеву, а потом направляй хоть за Волгу, хоть в Волгу,— настойчиво басил мужчина.

— Никуда, кроме парома, я тебя не поведу,— возражал почему-то знакомый мне девичий голос.— Тебе на тот берег надо, на операцию к хирургу.

— Много ты понимаешь, пигалица. Мне надо доложить и передать донесение.

— Найдутся другие.

— Уж не ты ли?

— Хотя бы и я! Давай донесение, я передам.

— Не выйдет! Веди к начальству, тебе говорят.

— Я старше тебя по званию, я — старшина, а ты всего-навсего сержант, да еще младший. Иди, куда ведут, а донесение...

— Пошла ты со своим званием знаешь куда!..

Чувствую, пора вмешаться.

— Приведи-ка их! — приказал я адъютанту.

Через минуту передо мной предстали та девчушка-санинструктор и высоченный плечистый боец с забинтованной верхней частью лица.

Неумело приложив руку к берету, девушка-старшина, всхлипывая, что-то пыталась мне сказать.

«Эх, милая девчушка, тебе бы за партой в школе сидеть или в детсаде с детишками возиться, а ты в такую страшную битву ввязалась»,— подумалось мне при виде нетронутого взрослой озабоченностью, еще совсем детского лица.

— Ты на кого кричишь, боец? Почему с ней пререкаешься? — проговорил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не обругать этого детину, обидевшего заботившуюся о нем девчонку.

— Я из роты Кравцова, товарищ генерал... младший сержант Ермолаев. Меня Федосеев просил...

— Федосеев! — меня словно обожгли его слова.— Рассказывай, что там?..— сам не замечая, сменил я гнев на милость.

— С утра фашисты лезли на наш батальон и на соседний, что к нам на подмогу подбросили,— начал младший сержант.— Мы все время отбивались. Потом пошли их танки, с автоматчиками на броне. С тыла...

— Как с тыла? А сосед?

— Теперь там нашим соседом, товарищ генерал, оказался немец. Стрелковая бригада, что была рядом, и та, что была за Царицей,— за Волгу ушли. Да какая там бригада! Одно название. Вот немец и зашел нам в тыл. Командиры рот Колеганов и Кравцов, как только передышка выдалась, донесение Федосееву написали и со мной отправили. Когда же я до него добрался, тут нас и отрезали...

— Кого это вас?

— Весь штаб батальона. Старший лейтенант Федосеев собрал всех нас — человек двадцать с хозвзводом набралось — и организовал круговую оборону. Часа три мы отбивались. И в штыки не раз ходили, и гранатами... По-

том нас роты Колеганова и Кравцова выручили... Хотя в этих двух ротах и взвода не набиралось. Кравцов и Колеганов сами шли в цепи в атаку. Вот тут меня и ранило: лицо какой-то фриц гранатой покорябал. Это ничего, только б глаза были целы,— в голосе Ермолаева прозвучала надежда.— Федосеев то донесение, что я принес, мне обратно отдал, когда меня после перевязки в тыл отправляли: передай, сказал, чтобы до начальства дошло. А нам теперь не до бумаг...

Ермолаев на минуту смолк, и мне показалось, будто он только сейчас понял подлинный смысл сказанного Федосеевым. И вдруг его лицо просветлело, озарилось улыбкой.

— А вокзал-то все-таки наш, товарищ генерал!

— Значит, положение восстановили? — спросил я.

— Восстановить-то восстановили, а вот удержат ли положение...— с сомнением в голосе произнес Ермолаев.— Народу мало осталось... Помочь бы им!..

«Чем? Чем я помогу?» — хотелось закричать мне.

Из-за отхода левого соседа дивизия дралась теперь без прикрытия левого фланга. А что, если гитлеровцы переправятся через Царицу? Они легко могут пройти по береговой кромке нам в тыл и отрезать дивизию от Волги, захватить переправы!

Ничего этого я не говорю Ермолаеву. Не могу. Приказываю Бельскому, только что подошедшему к нам:

— Передай Горлову, чтобы он со своим саперным батальоном занял оборону по левому берегу Царицы.

Все знают, что саперы — мой последний резерв. И уж если его направляют не к Федосееву, то, наверное, дела в дивизии не лучше, чем у Федосеева.

Ермолаев словно догадывается об этом. Он опускает голову.

— Ты говорил о донесении,— обращаюсь я к раненому.— Оно с тобой?

Ермолаев, приподняв на груди автомат, расстегивает ворот гимнастерки и из-за пазухи достает сложенный вчетверо листок бумаги. То ли потому, что он не видит моих рук, то ли догадывается, что этот листок — последнее послание из его батальона, он очень бережно протягивает его в мою сторону. Ни я, ни Ермолаев, ни тем более девушка-санинструктор не догадывались тогда, что этот листок войдет в историю Великой Отечественной

войны как один из редких документов о беспримерном мужестве гвардейцев Сталинграда.

Я разворачиваю листок в сумерках вечера и, подсвечивая фонариком, начинаю читать, чтобы слышали эти два бойца — младший сержант и старшина медицинской службы:

«Донесение.

11.30, 20.9.42 года

Гвардии старшему лейтенанту Федосееву.

Доношу, обстановка следующая:

Противник старается всеми силами окружить мою роту, заслать в тыл моей роты автоматчиков, но все его попытки не увенчаются успехом. Несмотря на превосходящие силы противника, наши бойцы и командиры проявляют мужество и геройство... Пока через мой труп не пройдут — не будет успеха у фрицев.

Гвардейцы не отступают. Пусть падут смертью храбрых бойцы и командиры, но противник не должен перейти нашу оборону. Пусть знает вся страна тринадцатую гвардейскую дивизию и третью стрелковую роту...

Командир третьей роты находится в напряженной обстановке и сам лично физически нездоров. На слух оглушен и слаб. Приходит головокружение — и падает с ног, происходит кровотечение из носа. Несмотря на все трудности, гвардейцы и лично третья рота и вторая не отступят назад... Да будет немцам могилою советская земля!

Лично убил командир третьей роты Колеганов первого и второго пулеметчиков фрицев и забрал пулемет и документы, которые представлены в штаб батальона.

Надеюсь на своих бойцов и командиров. Гвардейцы не пожалеют жизни за полную победу Советской власти...

Командир третьей стрелковой роты — гвардии младший лейтенант Колеганов.

Командир второй роты — гвардии лейтенант Кравцов».

Закончив читать, я взглянул на своих слушателей. Младший сержант стоял с автоматом на груди, с забинтованной верхней частью лица, девушка — с санитарной сумкой на боку, с копной волнистых волос, выбивавшихся из-под пилотки. В странном смешении отблеска го-

родского пожара со светом вечерней зари оба они мне показались бронзовыми изваяниями, олицетворявшими тех героев, о которых шла речь в донесении, которые, отбив за эти дни десятки яростных атак, не дрогнули, а продолжали драться. И будут сражаться до последнего дыхания, как обязывает присяга Родине, как клянутся они сами в этом донесении, адресованном теперь не только Федосееву, но и будущим поколениям советских людей.

Мы хорошо понимали, что положение у первого батальона создалось весьма тяжелое. Не получая подкреплений, ощущая острый недостаток боеприпасов, он продолжал сражаться. Однако неравенство в силах было слишком велико.

Я то и дело связывался по телефону со штабом полка. «Ну, как?» — «Пока ничего»,— слышал я в ответ. Этих скупых слов было достаточно для нас с Елиным, чтобы понять друг друга: все наши мысли в эти часы были заняты первым батальоном, хотя и на других участках было не лучше. После очередного звонка Елин доложил мне, что и новая попытка пробиться к батальону оказалась неудачной.

В последующие дни несколько раз принимались меры, чтобы оказать помощь Федосееву, разорвать сковывавшее его вражеское кольцо. Начальник штаба полка капитан Цвигун, впоследствии погибший, прилагал все усилия, чтобы установить связь с батальоном. Так, к вокзалу была направлена разведгруппа из опытнейших воинов-разведчиков. И она совершила то, что многие считали невозможным: прошла через боевые порядки противника. Но обратно вернуться не смогла. Попытка была повторена: танк КВ с десантом стремительно рванулся вперед, но и его постигла неудача. Тогда группа гвардейцев попыталась на лодке пройти в устье Царицы и пробраться к окруженным. Однако вскоре стало ясно, что силы гитлеровцев в этом районе настолько велики, что пробиться невозможно...

* * *

Из артиллерии мы смогли взять с собой на правый берег только штатные средства полков и 104-й отдельный истребительный противотанковый дивизион. Им командо-

вал ветеран дивизии — старший лейтенант Иван Григорьевич Розанов.

Сплошной завесой меткого огня, словно стальным щитом, гвардейцы-артиллеристы преградили дорогу фашистским танкам к набережной. Более десятка их, загоревшихся, навсегда замерли в секторах обстрела орудий противотанкового дивизиона.

Трое суток не отходили от своих орудий артиллеристы, почерневшие от порохового дыма и копоти. Другие танки, объезжая подбитые и обгорелые машины то здесь, то там, пытались во что бы то ни стало прорваться к Волге.

Едва лишь на рассвете проступили контуры полуразрушенных зданий, как под уклон, на первую батарею старшего лейтенанта Якименко, на бешеной скорости бросились новые танки.

Гитлеровцы рассчитывали на внезапность нападения, на стремительность атаки, на психику, то есть на то, что измученные от трехсуточной бессонницы артиллеристы растеряются, поведут неприцельный огонь.

Но вот закружился на месте, разматывая по булыжной мостовой порванную гусеницу, передний танк, почему-то развернулся и на какие-то секунды подставил свой борт второй, а третий, доломав до основания забор, отгораживавший сад от улицы, укрылся за дымящимся домиком.

— Сейчас мы тебя добьем, гад! — проговорил какой-то сержант-пехотинец и с двумя бойцами, пригнувшись, побежал к домику.

Остальные машины, развернувшись на полном ходу, не снижая скорости, помчались обратно. На булыжнике застыло несколько немецких солдат, так и не увидевших Волгу.

А за дымящимся домиком в наступившей на несколько минут тишине сперва послышались взрывы противотанковых гранат, потом — винтовочные выстрелы. Вскоре уже во весь рост, оживленно что-то обсуждая, сержант и бойцы возвращались обратно.

— Шабаш! Закуривай, ребята! — крикнул кто-то из них.

Прошло с полчаса, когда справа, на соседней улице, что была ближе к нефтебакам, снова послышался рев танковых двигателей. Вперемежку с орудийными выстре-

лами третьей батареи лейтенанта А. В. Короя захлопали противотанковые ружья роты старшего лейтенанта Кузьменко.

Не сумев прорваться через огневые позиции первой батареи, гитлеровцы теперь свой главный удар обрушили здесь. Они методически, атака за атакой, пытались пробить танками, как тараном, огневой заслон батарейцев и пэтээровцев, уничтожить их свинцовым дождем автоматчиков, проутюжить гусеницами огневые точки и окопы наших стрелков.

К полудню гвардейцы отбивали уже пятую атаку пехоты и танков противника.

Вот из укрытия вырвался еще один средний танк с черно-белым крестом на башне.

— Еще один крестоносец,— пошутил наводчик орудия рядовой Л. И. Любавин.— Давай, давай,— словно подзадоривая танк, спокойно приговаривал он, прильнув к панорамному прицелу.

Выстрел, второй — и танк, словно споткнувшись обо что-то, замер и задымился.

— Пехота, не зевай! — крикнул Любавин в соседний стрелковый окоп.

Из окопа прозвучала дробь ручного пулемета, и высунувшийся из башни фашистский танкист тут же осел, провалился в дым и пламя, вырвавшиеся из танка.

— Вот так, молодцы! — похвалил пулеметчиков Любавин.

Сероглазого, тридцатилетнего астраханца, коммуниста Леонида Ивановича Любавина вся батарея знала как человека спокойного и бесстрашного. Он был нетороплив, как будто медлителен даже при бешеном темпе работы орудийного расчета, когда на позиции батареи внезапно наваливались танки врага и время измерялось десятыми долями секунды, но эти качества говорили о большой внутренней уравновешенности, рассудительности, степенности.

Так казалось потому, что движения его пальцев были экономны, точны, ни одного лишнего жеста, ненужного взмаха, никакой суетливости.

Наводчик Любавин был мастером в своем деле.

Помню, вражеский станковый пулемет, выставленный в наполовину замурованном кирпичами окне школы, очень сильно мешал продвижению стрелковой роты стар-

шего лейтенанта И. П. Лазарева. Не успеют бойцы подняться в атаку, как кинжальный огонь вырывал из их рядов по нескольку человек.

Снаряды у артиллеристов кончались.

— Четыре выстрела — и пулемет накроется! — прокричал Любавин командиру орудия сержанту Никитченко: вокруг стоял грохот от стрельбы и разрывов снарядов.

Никитченко показал три пальца.

— Три, больше не дам!

Любавин укоризненно покачал головой.

Артиллеристы выкатили пушку на новую позицию. Фашисты заметили это и перенесли огонь от стрелковой цепи Лазарева на орудие. Любавин что-то поколдовал возле панорамы и, не обращая внимания на град пуль, бивших по щиту орудия, стал хладнокровно наводить его.

Первый снаряд разворотил угол крыши школы, второй ударил в стену рядом с окном, и фашистский пулемет смолк. Однако после минутной паузы он снова заработал. Тогда Любавин послал третий снаряд. Из окон вырвался куб дыма и пыли, а пулемета словно и не было!

Бойцы роты Лазарева ворвались в траншею неприятеля...

Особенно ожесточенные бои развернулись за Оренбургскую улицу. Гитлеровцы неоднократно поднимались в атаку, но каждый раз с большими потерями откатывались назад. Тогда они ввели в бой боевую технику.

Более пятнадцати танков, на ходу стреляя из пушек и пулеметов, ринулись на нашу оборону.

Артиллеристы решили дезориентировать вражеских танкистов — открыть огонь тогда, когда танки подойдут на возможно близкое расстояние.

Ревя моторами, лязгая гусеницами, танки неудержимо неслись на наши позиции. Казалось, их ничто не остановит.

Но едва они перешли условный рубеж, как прозвучал пушечный выстрел. Его сделал Любавин. Он подбил головной танк первым же снарядом. Окутавшись черным дымом, танк замер на месте. Остальные танки вынуждены были его обходить, подставляя свои борта нашим орудиям. Воспользовавшись моментом, Любавин точным выстрелом поджег еще одну машину.

Воодушевленные успехом Любавина артиллеристы ба-

тареи усилили огонь. Вражеские танки выходили из строя один за другим.

Эта атака противника также терпела неудачу. Помимо потерь боевых машин и их экипажей, гибли и автоматчики, следовавшие за танками.

Видя это, фашисты решили покончить с орудием Любавина, первым начавшим поединок с ними. Они сосредоточили на нем огонь своих пушек. Огневую позицию Любавина затянуло дымом от рвавшихся снарядов.

Но вот осколком ранило сержанта Никитченко. Наводчик Любавин стал одновременно выполнять и обязанности командира орудия. Вскоре он подбил третий танк.

Однако бой становился все ожесточеннее. Теперь уже был ранен подносчик, убит заряжающий. Наконец, ранило и самого Любавина. Но он не покинул позицию. Превозмогая боль, он продолжал неравную борьбу с танками, которые снова пошли вперед.

Оставшись один у орудия, он, раненый, сам подносил снаряды, сам заряжал и наводил его, воспаленными губами сам себе подавал команду: «Огонь!»

Любавина снова ранило, на этот раз в обе ноги.

Опустившись у щита, Любавин увидел вражеский танк, шедший прямо на позицию.

Закусив до крови губу, превозмогая острую боль в ногах, он дотянулся до снарядного ящика и послал в казенник последний бронебойный снаряд.

Но сил, чтобы приподняться до панорамы, у него уже не было. Когда до танка оставалось не более пятнадцати-двадцати метров, Любавин на глаз навел орудие и нажал кнопку спускового механизма. Башня танка, сорванная взрывной волной, тяжело шлепнулась на землю неподалеку от героя-артиллериста.

После боя артиллеристы соседнего орудия доставили раненого гвардии рядового Леонида Ивановича Любавина к переправе...

Эти дни, пожалуй, были наиболее трудными во всей боевой истории нашей дивизии. Прижатые к Волге, отрезанные от своих, мы сражались в чрезвычайно сложных условиях. Но даже в самой тяжелой обстановке мы не чувствовали себя одинокими. Именно в это время к нашим воинам обратились с письмом бывшие участники

царицынской обороны. «Не сдавайте врагу наш любимый город,— писали они.— Бейте врага так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, жила в веках». Это письмо было немедленно прочитано во всех подразделениях. Гвардейцы горячо откликнулись на пламенный призыв. Обращаясь ко всем воинам фронта, они писали: «Мы получили обращение к защитникам города славных ветеранов гражданской войны — участников героической обороны Царицына. С волнением и трепетом слушали мы призыв поседевших бойцов... Каждый из нас еще и еще раз проникся сознанием того, как велика ответственность, возложенная на нас народом, страной».

Прошла вторая наделя повседневных схваток нашей дивизии с гитлеровцами. Гвардейцы успешно выполняли свою боевую задачу, заключавшуюся в уничтожении противника в центральной части города и обороне переправы. Вместе с нами эту задачу выполняли те, кто оставался в городе. В цехах сталинградских заводов, не смыкая глаз, под огнем трудились рабочие. У каждого станка стояла винтовка. И если требовалось, каждая винтовка стреляла.

По инициативе горкома ВЛКСМ был сформирован добровольческий отряд численностью около пятисот комсомольцев, который пополнил ряды подразделений нашей дивизии.

Медленно прошел я перед строем молодых бойцов, всматриваясь в их лица. Большинству из них было не более 17—19 лет. Всем им предстояло принять участие в боях, равных которым не знала история.

Беседуя с комсомольцами, я призывал их драться храбро, с достоинством и честью.

— Вам будет очень трудно, иногда даже невероятно трудно,— говорил я.— Но мы верим,— вы не дрогнете...

И действительно, они не дрогнули, стойко защищая свой родной город. Никогда не померкнет слава об их мужестве и героизме...

Противник, понесший большие потери, был вынужден постепенно переходить от массированных ударов к действиям отдельными группами пехоты, при поддержке

танков и авиации. Однако это вовсе не означало, что гитлеровцы отказались от наступления на город. Они лишь меняли тактику.

В итоге боев, которые не прекращались в Сталинграде в течение всей второй половины сентября, дивизия прочно закрепилась в городе. Невиданно трудное наступление, начатое нами от кромки волжского берега, почти от самой воды, завершилось успехом. Теперь, более чем когда-либо, мы были твердо уверены: враг не пройдет!

1 октября был получен приказ командования 62-й армии, в котором перед дивизией ставилась задача: «Прочно удерживать занимаемую часть города и совершенствовать свою оборону в противотанковом отношении; каждый окоп превратить в опорный пункт, каждый дом — в неприступную крепость».

В один из пасмурных октябрьских дней на левый берег Волги выбрался израненный человек с заросшим щетиной лицом. Ему удалось чудом пробраться через линию фронта из района вокзала. Он сообщил, что первого стрелкового батальона больше не существует. Все его бойцы и командиры в неравных боях пали смертью храбрых. Подступы к развалинам вокзала завалены трупами гитлеровцев. Кругом — подбитые и сожженные вражеские танки.

Командиры Федосеев, Колеганов, Кравцов и их подчиненные выполнили свою клятву гвардейцев — стоять насмерть.

* * *

К началу октября передний край дивизии протяженностью шесть-семь километров стабилизировался. Вплоть до начала наступления советских войск дивизия сражалась на узком клочке земли, тянувшемся в виде ленты от речки Царицы на юге до железнодорожной петли, что неподалеку от Мамаева кургана.

Дивизия занимала также значительную часть центрального района города — Ерманского. Ее левый фланг, на котором оборонялся полк Долгова, упирался в Волгу. Здесь нашим «соседом» был противник, прорвавшийся к устью Царицы. Он разделял нас с частями 64-й армии

генерала Шумилова, которые вели бои на южной окраине города.

На правом фланге дивизии действовал полк Панихина. Положение на этом фланге было более прочным, чем на левом. Тут мы имели надежных соседей в лице 95-й стрелковой дивизии Горишного и 284-й стрелковой дивизии Батюка.

Наш начальник штаба Тихон Владимирович Бельский сумел хорошо организовать взаимодействие с этими соединениями. Мы не раз совместными усилиями наносили удары по врагу, оказывали поддержку друг другу. В центре переднего края дивизии, между полками Долгова и Панихина, сражался полк Елина.

Глубина обороны, ограниченная с тыла большой водной преградой, была явно недостаточна. К тому же сама местность в тактическом отношении была для нас крайне невыгодной. Так например, передний край полка Панихина проходил по высокому обрыву берега реки. Большое число крупных зданий и построек, сосредоточенных в центре города, осложняло организацию системы огня. Все это сковывало и затрудняло нашу маневренность, не давало возможности использовать с большей эффективностью артиллерийский огонь.

После бесплодных попыток сбросить нашу дивизию в Волгу и овладеть полностью центром города противник перенес свои основные удары на северные районы Сталинграда. Развернулась знаменитая битва за заводы и заводские поселки, в которой неувядаемой славой покрыли себя соединения Болвинова, Андрюсенко, Горохова, Людникова, Жолудева, Гурьева, Гуртьева, Соколова и другие.

Несмотря на то, что противник был вынужден перенести направление главного удара с фронта 13-й гвардейской дивизии на северные районы города, наше положение оставалось чрезвычайно трудным.

По данным разведки, против 13-й гвардейской дивизии действовали 295-я и 71-я немецкие пехотные дивизии. Захватив еще в середине сентября ряд крупных зданий в центре города, гитлеровцы создали здесь несколько мощных опорных пунктов и узлов сопротивления. Наиболее важными из них были здания Госбанка, Военторга, Дом специалистов и Дом железнодорожников. В дополнение к этому противник соорудил целую сеть дзотов.

Вся оборонительная система врага была построена так, что подступы к опорным пунктам простреливались двух-трехслойным фронтальным и фланговым винтовочным и пулеметным огнем, а также артиллерией и минометами, кроме того, прикрывались инженерными сооружениями: проволочными заборами, рогатками, минными полями. Со своих наблюдательных пунктов гитлеровцы просматривали расстояние на три-четыре километра, включая и восточный берег Волги. Они имели возможность контролировать и обстреливать все подходы к нашим переправам и сами переправы.

Бои, которые развернулись перед фронтом дивизии, можно было назвать оборонительными лишь очень условно: они сопровождались жестокими схватками за особо важные в тактическом отношении здания и опорные пункты. Мы постоянно стремились навязывать противнику такие бои, вырывая у него инициативу, принуждая его к обороне.

...Нам очень мешало, как огромный валун на пути, здание Госбанка длиной почти в четверть километра.

«Это же крепость»,— говорили бойцы. И они были правы. Прочные, метровой толщины каменные стены и глубокие подвалы защищали вражеский гарнизон от обстрела артиллерии и бомбовых ударов авиации. Входные двери в здание были только со стороны противника. Окружающая местность со всех четырех этажей простреливалась многослойным винтовочным и пулеметным огнем.

Здание Госбанка обороняли до полусотни пехотинцев с шестью ручными, одним крупнокалиберным и станковым пулеметами и ротными минометами. Это здание действительно походило на средневековую крепость и на современный форт. Попытки атаковать его ни к чему, кроме напрасных потерь, не приводили.

Тогда было решено создать штурмовую группу. Кто первый высказал такую идею, сказать трудно. Да и не в этом дело. Есть идеи, про которые говорят, что они носятся в воздухе. Так было и здесь.

«Если стену дома не берет снаряд, то может в ней брешь пробьет взрывчатка?» — такая мысль зародилась

чуть ли не одновременно у всех, кто с проклятьем смотрел на вражью твердыню.

...Заместитель командира дивизии по строевой части полковник Борисов на бумаге аккуратно изобразил все этажи этого здания со всеми его окнами, лестничными клетками и подъездами.

Затем были назначены участники штурма, представлявшие чуть ли не все рода войск: танкисты, снайперы, минометчики, саперы, разведчики и даже артиллеристы Заволжья со своими мощными орудиями. Каждый из бойцов имел свою, строго индивидуальную задачу, связанную с общей целью. А цель проста — захватить здание. Однако конкретные задачи были сложны, они требовали от воинов сосредоточения больших моральных и физических сил.

Штурм намечался на полночь. К этому времени артиллеристы и минометчики произвели пристрелку, а штурмовая группа подготовилась к атаке.

Дальше все шло по заранее разработанному плану.

Сначала к зданию Госбанка двинулось восемь саперов-подрывников: старший сержант Дубовой, младший сержант Бугаев, рядовые Орлов, Постнов, Юдин, Местверишвили, Шухов и Климченко.

Они выполняли ту часть плана, которая на схеме обозначалась простым пунктиром. А на местности от них требовалось к северо-восточному углу здания доставить три мощных заряда взрывчатых веществ, чтобы проделать пролом в стене. От этого зависело выполнение всей задачи.

Кто ползал по-пластунски, знает, какое это нелегкое занятие. Но гвардейцы-саперы ползли, и каждый из них тащил с собой пуда по два взрывчатки.

Фашисты вроде догадывались, что их ждет; при свете ракет было видно, как вокруг саперов, словно поземка, вихрилась поднятая пулями и осколками пыль.

Атака, как правило, проходит в одном стремительном самозабвенном порыве, поэтому она менее страшна, чем вот это медленное продвижение под прицелами вражеских снайперов, автоматчиков и стрелков.

И опять, как и на переправе, сотни глаз смотрели на опасный путь этих бойцов, сотни сердец лихорадочно бились, подавляя в себе ноющее чувство боязни за жизнь своих товарищей. И в то же время каждый из

смотревших был готов, если потребовалось бы, продолжить путь того, кого пуля или осколок остановили бы на дороге.

Все, кому полагалось, в это время вели огонь по зданию, по черным глазницам окон, по вспышкам выстрелов.

— Прошли! — вырвалось у кого-то, когда саперы достигли стен.

— А гранаты? — возразил кто-то.

Словно в подтверждение этому предположению раздалось несколько взрывов гранат, но брошенных, как поняли потом, видимо, наудачу: из группы подрывников никто не пострадал.

Наконец, долгожданный всплеск огня и грохот взрыва.

Невольное «ура!» вырвалось у всех, кто видел это.

Огонь по зданию стал еще плотнее — к черному пролому в стене уже бежали блокировочная группа В. И. Ларченко и штурмовая группа П. Т. Войцеховского. И, наконец, серия цветных ракет — прекратить огонь.

Вокруг наступила тишина. Только изнутри здания доносилась стрельба и взрывы гранат...

Ночной бой в здании — самый тяжелый бой. Мне он знаком по боям в Университетском городке в Мадриде. Здесь нет понятия — передний край, фронт, тыл, фланги. Противник здесь может быть всюду — этажом выше, ниже, вокруг. Здесь, как нигде, в тесном единении уживается рукопашная схватка с огнем. Чутье, находчивость, смелость, скорее дерзость решают исход боя. Шорох? Чье-то дыхание в кромешном мраке? Кто там? Свой? Чужой? Как узнать? Окликнуть? А вдруг в ответ раздастся очередь из автомата? Самому стрелять? А может, там свой? Что под ногами? Скользящие осколки стекла? Разломанные стулья? Веревки? Провода? Труп? А может притаившийся враг? Решай быстро! Быть может, на решение отпущено вот это мгновение, быть может, десятая доля секунды отделяет от бесшумного броска чужой гранаты или удара ножом...

...Но вот и рассвет. Над крышей взвилась сигнальная зеленая ракета: здание наше. А сколько их еще перед нами!

ДОМ СОЛДАТСКОЙ ДОБЛЕСТИ

На личной карте Паулюса этот дом был отмечен как крепость. Пленные немецкие разведчики считали, что его обороняет батальон.

Об этом доме сначала узнала наша армия, потом вся страна и, наконец, весь мир. На его защитников равнялась, как в строю, вся дивизия, о нем слагались песни и легенды.

Как это ни странно, но это четырехэтажное жилое здание, выстроенное не из какого-либо несокрушимого материала, а из обыкновенной глины, дерева и кирпича, оказавшееся вообще малоустойчивым, вполне заслуживало того, что о нем писали или рассказывали.

Да, это был «дом-крепость», его обороняли бойцы, каждый из которых стоил целого отделения, а то и взвода противника, и слава о них не померкнет в веках.

А между тем все начиналось буднично и просто, как иногда бывает на войне, когда в истоке какого-либо громкого подвига лежит малоприметное событие.

Как-то в конце сентября ночью, всматриваясь в передний край, я обратил внимание на одинокий дом, темный силуэт которого выделялся посредине площади 9 Января.

«Дом на нейтральной полосе?» — подумал я.

Тогда я спросил об этом доме у Елина, тот — у командира третьего батальона капитана А. Е. Жукова, а последний, в свою очередь,— у командира роты старшего лейтенанта И. И. Наумова.

Может, покажется удивительным, но так пришлось, что наши наблюдательные пункты разместились «не вглубь, а ввысь» обороны, в одном здании, на мельнице, но на различных «уровнях» — этажах, соответственно нашему служебно-иерархическому положению. Мой наблюдательный пункт был устроен на третьем этаже.

Через несколько минут мне передали ответ Наумова снизу, из подвала, что нами этот дом не занят, но оттуда иногда стреляют и что если ему, Наумову, разрешат, то он пошлет людей обследовать этот дом; лично сам он послать разведку не решается, так как людей у него маловато. Я, конечно, не возражал.

Широкоплечий, полнеющий сорокалетний старший лейтенант Наумов, перебрав в памяти оставшихся в жи-

вых младших командиров, вызвал к себе сержанта Я. Ф. Павлова: он сметлив, инициативен, умеет действовать самостоятельно.

Павлов был невысок, худощав, в пропыленной и выгоревшей гимнастерке.

Выслушав командира роты, сержант сказал:

— Понял. Разрешите выполнять?

Немногословный Наумов кивнул головой.

С собой Павлов взял лишь троих бойцов, больше не было, да оно и лучше: чем меньше людей, тем они подвижнее, особенно ночью.

Первым был ефрейтор В. С. Глущенко. Хотя уже не молодой, грузноват, но на удивление всем ловок и сноровист. За его плечами были две войны — первая мировая и гражданская. Исполнительный, всегда серьезный, он старательно выполнял любое поручение. Павлов только взглянул на его рыжеватые усы, как тот поднялся и стал поправлять под ремнем гимнастерку.

— Готовься, Василий Сергеевич,— сказал сержант.

У двух других — Н. Я. Черноголова и А. Александрова — может быть, и не велика была жизненная и боевая биография, но находчивости и солдатской смекалки у них хватало.

Павлов, как и положено, назвал бойцов по фамилии и коротко приказал:

— Собирайтесь, со мной пойдете!

Солдатские сборы недолги: бойцы проверили, все ли диски набиты патронами, рассовали по карманам запасные гранаты-«феньки», пощупали, на месте ли кисеты с табаком.

Когда все трое были готовы, Павлов коротко объяснил им задачу, скомандовал: «На ремень!» — и направился к выходу.

Путь от мельницы до одинокого дома на площади, пролегавший через двор, развалины склада и Пензенскую улицу, несмотря на лунную ночь, переползли благополучно. Правда, иногда к землице-матушке приходилось прижиматься вплотную, «всеми суставами»: над головой то и дело посвистывали пули.

Вот и первый подъезд дома. Но что ждет их там, в этом мрачном, будто вымершем здании? Не брызнет ли в лицо из какого-нибудь темного угла струя огня и свинца?

Павлов оставил Глущенко и Александрова в подъезде, а сам с Черноголовым обследовал одну квартиру, потом другую, третью... Никого. Комнаты с разбросанной домашней утварью пусты. Под сапогами хрустят осколки битого стекла и посуды. В углах слышны какие-то подозрительные шорохи. То ли в бесстекольные рамы проскакивает с Волги сквознячок и шуршит в занавесках, в оборванных обоях, то ли притаился враг?

Нет ли кого-либо в подвале?

Ступеньки ведут вниз. Вдруг показалась узкая-узкая светящаяся щель от неплотно прикрытой двери. Может, сразу распахнуть ногой и бросить гранату? Но что это? Слышится детский плач, приглушенный женский говор.

Павлов заглянул в щель: на столе еле мерцающая лампадка, а вокруг нее — женщины и дети.

Павлов толкнул дверь и вошел. Черноголов сзади замер с автоматом наизготовку: мало ли что может случится.

— Здравствуйте, граждане!

Женщины встрепенулись, встали. Бледные, испуганные, не рассмотрев вошедших, тут же радостно воскликнули:

— Слава богу, свои! А мы думали опять пришли ироды окаянные.

Из дальнего угла послышался обрадованный знакомый бас:

— Сержант Павлов? Как ты сюда попал?

На свет шагнул санинструктор Калинин из их роты.

— Я в разведке, а вот как ты очутился здесь? — вопросительно взглянул Павлов на санинструктора.

— Я не один. Со мной двое раненых,— ответил тот.— Сначала я одного притащил сюда и, пока ходил за другим, в дом ворвались гитлеровцы. Но нас в темноте за своих приняли... Раз заглянули сюда, но спасибо вот им,— он указал на женщин,— они укрыли нас. Вот и отсиживаемся. Один я давно бы вернулся, но как раненых бросишь.

— А где фрицы? — спросил сержант.

— Похоже, что в соседней секции. За стеной нет-нет да постреливают.

— Оставайся пока тут,— вполголоса сказал Павлов Калинину и вышел из подвала.

Трудно было сказать, почему вместо восточной торцовой секции немцы заняли вторую, серединную: если

они и могли стрелять отсюда, то скорее всего по своим, так как дом клином вдавался в их оборону.

— Они того, что ли? — проговорил Павлов, покрутив у виска указательным пальцем.

— А может, их нет в доме? — предположил Черноголов.

— Не думаю,— возразил ему Глущенко.— Дом выгодный.

Бывалый воин был прав: дом с тактической точки зрения был очень удачно расположен: занятый гитлеровцами, выравнивал их линию обороны, если бы был отбит нами, то вклинивался бы в глубину обороны противника. Казалось странным, что фашисты сразу этого не оценили.

— Пошли, осмотрим вторую секцию,— распорядился Павлов.

На улице во всю светила луна, и бойцы по одному перебежали ко второму подъезду. Как и в первый раз, Павлов оставил Глущенко и Александрова охранять вход в подъезд, а сам с Черноголовым направился к правой квартире, примыкавшей к первой секции первого этажа.

Дверь открылась бесшумно. Войдя в темную переднюю, Павлов и Черноголов уловили за стенками приглушенные голоса. Затаив дыхание, прислушались. Да, это была чужая отрывистая речь. Затем раздался беспечный хохот.

Павлов пошарил руками дверь: она открывалась из передней во внутрь квартиры. Это хорошо.

«Вот и пришла та самая минута, ради которой, может быть, ты и жил на свете,— подумал сержант.— Выбирай: можно вернуться в роту и доложить Наумову, что в доме гитлеровцы и что ты не рискнул с тремя бойцами атаковать их — и никто тебя не осудит, так как задача была бы все равно выполнена. Но можно поступить и по-другому...»

Именно так и поступил Павлов.

— Готов? — прошептал он Черноголову.

— Да.

— Действуем. Сначала я бросаю две гранаты и даю очередь из автомата. Затем — ты, тоже из автомата, только меня впотьмах не зацепи. Понял?

— Понял.

— А сейчас прижмись к стенке, начинаю!

Сильным ударом ноги Павлов настежь распахнул дверь и одну за другой швырнул в комнату две гранаты... Мгновенные вспышки огня, взрывы, стоны. Ворвавшись в комнату, он длинной очередью прострелял ее, от угла до угла. Вслед за ним короткими очередями начал бить из автомата Черноголов...

Когда все стихло, они увидели через окно залитую лунным светом площадь. На фоне этого света тускло поблескивал пулемет, установленный на сошках, на столе, у окна, по сторонам свисали патронные ленты. Пол был завален бумагами, книгами, осколками битой посуды, гильзами. Посреди комнаты распластался крупный фашист. Два других лежали у стола.

Павлов и Черноголов бросились к окну. По площади в сторону Кутаисской улицы бежали темные фигуры. Очередь, вторая... Еще двое упали, остальные скрылись в развалинах дома на той стороне площади.

— Эх, не туда окно выходит,— сокрушался Павлов.— Этих бы добили Глущенко и Александров.

— Как мы их здесь не постреляли? — удивлялся Черноголов.

— Видно, в той комнате были,— сказал Павлов.

Они вошли в другую комнату, как будто в спальню. У стены отсвечивала никелем широкая кровать, а напротив нее — разбитое зеркало шифоньера. Рама окна была выбита наружу, на подоконнике алели свежие капли крови.

— Кого-то все-таки и здесь зацепили! — воскликнул Черноголов.— То-то один все приседал, когда драпал.

Павлов и Черноголов вышли на лестничную клетку.

— Что ж нас на подмогу не позвали? — с завистью в голосе проговорил Глущенко.

— Сами управились,— ответил Павлов.— А ты, дядя Вася, не горюй, может, еще с кем в доме встретимся.

Проверив квартиру за квартирой, этаж за этажом, они ничего больше подозрительного не обнаружили в доме. Только в подвале третьего подъезда укрылись обеспокоенные ночной стрельбой некоторые его жильцы.

— Неужели вы нас опять одних оставите? — с тревогой в голосе обратилась к бойцам пожилая женщина.

Павлов молча посмотрел на людей. Их было человек тридцать: старики, женщины, подростки, дети. В углу с деревянного топчана на него взглянула миловидная жен-

щина с бледным, истомленным лицом. Прикрыв какой-то тряпицей расстегнутую блузку, она кормила ребенка.

Ну, как уйдешь отсюда? Долго ли какому-нибудь пьяному или одичалому от крови фашистскому головорезу ради забавы швырнуть сюда гранату?

Позже Павлов рассказывал, что именно тогда, находясь в этом подвале, он по-настоящему понял, что он не просто боец Красной Армии, а воин-освободитель и что он вместе с бойцами не только изгнал гитлеровцев из дома — частицы советской территории, но и избавил от фашистского рабства десятки советских людей. Пусть в огромных масштабах войны этот подвиг — только капля в море, но ведь и солдат-то всего ничего — только четверо. А не из таких ли вот отдельных небольших подвигов закладывается фундамент всеобщей, всенародной победы?

Решение, что делать дальше, оставаться в этом доме или нет, у Павлова еще не созрело, пока еще ничего определенного он не мог ответить этим людям, смотревшим на них с надеждой.

Чтобы заполнить чем-то тягостную паузу, Павлов спросил, обращаясь к старику:

— Кроме четырех секций и подвалов, что еще есть у вас в доме?

— А в котельной были?

— Нет.

— Загляните туда, на всякий случай.

Вторую и третью секции разделяла котельная.

Когда Павлов распахнул дверь в кромешную тьму, пахнущую железом и подвальной сыростью, ему показалось, что в котельной кто-то есть.

— Эй, кто здесь? — крикнул он в гулкую пустоту, отжимая на рукоятке затвора предохранитель.— Отзовись, не то стрелять буду!

— Не надо, сынок,— послышался из темноты встревоженный хрипловатый старушечий голос.— Это мы тут, бабка с внучкой.

— Обождите здесь, у порога,— сказал Павлов бойцам, а сам, осторожно ощупывая ногой каменные ступеньки, стал спускаться куда-то вниз.

Когда лестница кончилась, он достал из кармана зажигалку, но кремень, видимо, источился и искры он не высек.

— Бабушка, я боюсь...— послышался рядом, почти с полу, плачущий детский голос.

— Не бойся, милая моя, это наш солдатик, русский, он не тронет! — успокаивала внучку старушка.

— Бабушка, боюсь, бабушка, боюсь...— словно в забытьи, продолжала твердить девочка.

— Напугана она, сынок,— поясняла в темноте старушка,— один фриц проклятый из ружья этого, нового, что, как горохом сыплет, сюда стрелял. Да бог нас помиловал.

Павлову стало не по себе.

— А осветиться-то нечем у вас? — спросил он.

— Оставались две спички и огарок свечи, да куда-то запропали, сейчас поищу,— ответила старушка.

Судя по шороху, она пыталась приподняться, но девочка снова закричала:

— Бабушка, миленькая, не уходи! Бабушка, не уходи!..

Темнота, пережитые опасности, присутствие «человека с ружьем», видимо, болезненно подействовали на ребенка. Павлов понял, что девочку немедленно надо успокоить.

— Глупышка, ты не бойся меня, я — свой, советский,— говорил он, опускаясь на корточки и протягивая в темноту руку, чтобы погладить ребенка по голове.

— Да, да, это хороший дядя, красноармеец, такой, как твой папа,— поддакивала старушка.

Павлов нащупал сначала морщинистую кисть, а под ней тонкую детскую ручонку.

— Вот потрогай,— сказал он, поднося руку девочки к своей голове,— у меня звездочка, я не фашист, а красноармеец.

Он почувствовал, как ребячьи пальчики перебирали переднюю часть его пилотки и, нащупав звездочку, замерли на ней.

— Ну, как?

— Верно, звездочка! — в голосе девочки послышались и радость, и еще не прошедший испуг.

Павлов похлопал по карманам и достал завернутый в тряпицу кусок сахару, полученный еще утром от старшины.

— Вот тебе гостинец,— проговорил он, с трудом поймав в темноте руку девочки.— Рад бы дать еще, да нету больше.

Потом он поднялся и ощупью стал пробираться наверх, к своим бойцам.

— Слышали?

— Так точно, товарищ сержант! — ответил за всех Глущенко.— Я считаю, что нам нельзя отсюда уходить...

— А я, дядя Вася, и не собираюсь. Будем здесь держать оборону.

И чтобы утвердиться в своем решении, Павлов обратился к Александрову и Черноголову:

— Согласны, что ли, ребята?

Те ответили:

— Да, назад не пойдем. Будем обороняться.

А с обороной надо было спешить. Удравшие из дома гитлеровцы, конечно, рассказали своему начальству, что случилось. И, видимо, за то, что они отдали дом, кому-то из них попало. Поэтому с минуты на минуту следовало ждать атаки.

Павлов расставил своих бойцов по окнам, наметил каждому сектор наблюдения и обстрела и вызвал Калинина. При лунном свете он нацарапал карандашом на клочке бумаги: «Дом занят. Жду дальнейших указаний», и отдал записку Калинину.

— Отнеси в батальон... О раненых попроси женщин позаботиться.

Едва за Калининым захлопнулась дверь, как раздался тревожный возглас Александрова:

— Идут!

Павлов осторожно выглянул в окно, по площади к дому пробирались фашисты. Их было десятка полтора. Он подозвал Черноголова и, когда тот занял место рядом с Павловым, приказал:

— Приготовиться!

Затем, поудобнее устроив автомат на подоконнике, добавил:

— Огонь только по команде!

Посреди площади фашисты на минуту остановились, потом, выровнявшись в цепь, бегом бросились к дому.

— Огонь! — скомандовал Павлов.

Раздались автоматные очереди. Словно наткнувшись на какую-то невидимую преграду, упал сначала один гитлеровец, потом другой, третий... Послышался короткий

выкрик на чужом языке, и цепь залегла. Но она оказалась настолько близко к дому, что при лунном свете был отчетливо виден каждый вражеский солдат.

— Одиночными, беречь патроны! — приказал Павлов.

Сержант знал, как иногда в горячке боя нерасчетливо расходуют боеприпасы.

После первых же одиночных выстрелов гитлеровцы поняли, что лежать — это значит быть расстрелянными. И они еще раз бросились было в атаку, но тут же отхлынули назад.

— Не пройдете, гады! — крикнул им вслед Павлов, посылая очередь за очередью.— Здесь стоят гвардейцы!

Внимательно осмотрев освещенную луной площадь, на которой темнели силуэты нескольких убитых фашистов, Павлов опустился в заскрипевшее плетеное кресло и объявил:

— Перекур!

Рано утром, когда лунный свет смешивался с розоватым светом зари, гвардейцы отбили еще одну атаку врага. Гитлеровцы вновь откатились назад, оставив на площади до десятка трупов.

— Видно, у фашистов народу тоже немного, раз на такой дом и так мало людей посылают,— заключил Глущенко.

— Подожди, они еще подкинут,— сказал Черноголов.

— Давайте-ка, товарищи, оборудуемся,— предложил Павлов.— Война есть война, этак и убить могут.

Наблюдая поочередно за площадью, бойцы превратили несколько подвальных окон в амбразуры, заложив их наполовину кирпичом, книгами, отопительными батареями и всяким металлоломом.

Восточная торцовая часть дома, выходившая в сторону нашей обороны, все время подвергалась обстрелу с флангов. Иногда вблизи стены рвались мины.

— Наверное, Калинина не пускают,— высказал предположение Павлов.

Он был прав. Как только рассвело, в капитальной стене, отделявшей их от первой секции, послышались глухие удары, начала трескаться штукатурка. Через полчаса в пробитую дыру показалось потное лицо Калинина.

— Не мог пробраться к нашим, товарищ сержант,— проговорил он тяжело дыша.— Ни бегом, ни ползком. Даже до вашего подъезда не пробежать: снайпер бьет.

— Ничего, стемнеет — доберешься, а пока, до вечера, оставайся здесь,— распорядился Павлов.

Павлов забрался на чердак и через пролом в крыше просигналил на наблюдательные пункты Наумова и Жукова, что дом ими занят. Однако между нашей и вражеской линиями обороны разыгралась такая сильная перестрелка, что его сигналы не были замечены своими. Ничего не оставалось делать, как надеяться только на себя.

С чердака хорошо просматривались окопы и ходы сообщения противника. Выбрав удобную позицию, Павлов стал охотиться за фашистами. Нескольких зазевавшихся гитлеровцев он уничтожил, остальные стали осмотрительнее.

«Я научу вас, гадов, ползать на карачках! — произнес он про себя.— Мне бы сейчас снайперскую винтовку или ручной пулемет, я бы тогда показал вам, кто мы здесь такие!»

Когда наступил день, появились вражеские самолеты. Они, казалось, намеревались бомбить дом. Но, самолеты покружившись, улетали, боясь, видимо, зацепить своих. Зато после них дом подвергся ожесточенному артиллерийскому и минометному обстрелу. Потом долго не умолкал ружейно-пулеметный огонь. Пахло гарью, тошнотворной вонью взрывчатки, со стен и потолков сыпалась штукатурка, известковая пыль ела глаза.

После обстрела бойцы расширили пролом в стене, в который пролез Калинин, проделали новые проломы в двух внутренних капитальных стенах. Теперь можно было, не выходя на улицу, перемещаться по всему дому.

Как только начало темнеть, Павлов вновь отправил Калинина в штаб батальона, хотя в наружные стены непрерывно постукивали пули. Сержанта больше всего волновало, что дом — такую удобную позицию на подступах к Волге могут захватить гитлеровцы.

Уже часа три прошло, как ушел Калинин, но трудно было судить — добрался ли? На Пензенской улице, что отделяла дом от мельничного склада, то и дело рвались мины, мерцал трепетный свет от вражеских ракет, тянулись трассы автоматных и пулеметных очередей.

— Не подкосило ли нашего санитара по дороге,— набивая освободившийся диск, высказал общее опасение Глущенко.

Павлов, прислушиваясь к свисту пуль за окном, промолчал. Возможно, что Калинин и не добрался. Но и посылать больше некого: двое дежурят по обеим сторонам дома, двое работают — расширяют проломы, устраивают бойницы и амбразуры для стрельбы и наблюдения.

Огнем они отрезаны от своих, и теперь надежда только на себя, на свой «гарнизон». И сколько бы ни полезло сейчас на этот дом фашистов — все они будут «их». Хорошо, если поддержат огнем с мельницы или из прилегающих к ней окопов, но теперь и немец стал хитер, в атаку на «гарнизон» он идет тогда, когда обрушивает на наш передний край минометный и артиллерийский огонь, парализуя тем самым действия наших стрелковых подразделений. Наши же артиллерия и минометы не могут им помочь: без связи они «слепы».

Остается только отбиваться, сколько бы фашистов ни полезло. И они будут отбиваться. До последнего патрона, до последней гранаты. А много ли их? Надо проверить да и с людьми поговорить.

В соседнем отсеке подвала Александров всматривался в чуть светлевшее, наполовину заложенное кирпичами окно.

— Что видно? — спросил его Павлов.

— Ничего подозрительного, товарищ сержант, постреливают по окнам...

И словно в подтверждение его слов, в стену стукнуло, как тяжелым молотом.

— Берегись! — предупредил бойца Павлов.

— Я особенно не высовываюсь, товарищ сержант,— проговорил Александров.— И не потому, что боюсь — и это, конечно, есть, но больше потому, что нам нельзя рисковать напрасно.

— Верно говоришь: нас здесь только четверо, мы тут живые нужны, а от мертвых... толку мало,— развил его мысль Павлов.— Как с патронами?

Александров похлопал по своим подсумкам с дисками:

— Пока не жалуюсь. Да в вещмешке еще есть. У кореша, как идти сюда, попросил. Но берегу. Сейчас одиночными стреляю и только по цели. А когда фрицы идут в атаку, тоже зря не палю. Ближе к себе подпускаю, чтоб наверняка... Вообще-то не люблю я долго сидеть в обо-

роне. Жди, когда полезут. То ли дело в наступлении или разведке...

Видимо, боец разговорился потому, что надоело ему часами молчать.

Павлов в полумраке скорее угадывал, чем различал густые, почти сросшиеся брови, юношескую припухлость щек и прямой открытый взгляд Александрова.

— Послушай, друг! Ты вот сказал, что побаиваешься, но не очень. А что, если тебе одному придется остаться... Страшно не будет?

— Не знаю, товарищ сержант, не думал об этом,— медленно ответил Александров.— Наверное, будет страшно, потому что один. Но драться буду. Только, пожалуй, еще злее. За всех, кто есть в доме. Здесь ведь каждый из нас за десятерых сражается.

«Да, такой не подведет,— подумал Павлов, пробираясь в темноте к Черноголову.— Надежный парень!»

Черноголов дежурил у окна, выходившего на Солнечную улицу. Он курил, держа самокрутку в кулаке.

— Все прислушиваюсь, не идет ли нам подмога,— проговорил он, полуобернувшись на шаги Павлова.— Ничего в волнах не видно...

— Ждешь, значит? — произнес, подходя, сержант.

— А ты не ждешь? — глубоко затянулся табачным дымом боец.— Дом-то велик, а нас раз-два и обчелся. Хорошо, если одна пехота полезет, а если еще и танки?..

— Что ж, отойдем тогда, что ли? — не поняв, что имеет в виду Черноголов, с трудом скрыл мелькнувшую было тревожную мысль Павлов.

— Еще чего! Будем драться до конца. Но удержим ли дом? Неужели и без Калинина догадаться не могут подослать подкрепление? — и Черноголов снова взахлеб затянулся цигаркой.

— Может, с людьми туговато,— высказал предположение сержант.— Во всем батальоне людей и на роту не наберется. А участок-то для обороны прежний остался.

— Это верно,— согласился Черноголов. — Выходит, рассчитывать надо только на себя?

— Выходит так.

— А это, пожалуй, и лучше,— заплевывая самокрутку и бросая ее в угол, заключил Черноголов.

— Что не придут? — удивился Павлов.

— Да нет, что не будем на них рассчитывать. Маятно

как-то, когда кого-либо ждешь. Ждать да догонять... сам знаешь.

«С таким тоже воевать можно»,— подумал Павлов и сказал:

— Правильно говоришь. Будем стоять насмерть!

— Сержант! — раздался в темноте голос Александрова.— Подойди сюда.

— Поглядывай, Черноголов,— торопливо наставил бойца Павлов.— Полезут — дай знать.

Луна еще не взошла, но в отсветах городского пожарища было заметно, как в развалинах, отделявших Кутаисскую улицу от площади 9 Января, двигались тени.

— Собираются... Глущенко! — позвал Павлов.

Без крика, без выстрела гитлеровцы бегом бросились от развалин через площадь к дому. Их расчет был прост; ночь глухая, авось усталых защитников дома застанут врасплох. Но фашисты просчитались.

— Стрелять только по команде! — крикнул Павлов.

Разведчики прильнули к автоматам.

Артиллерийский, минометный и пулеметный обстрел не захватил ни на минуту. Пули всех калибров, осколки снарядов и мин свистели и визжали за окном, стучали по железу крыши, залетали в окна, врезывались в полы потолки и стены. Сыпалась штукатурка, разлетались вдребезги зеркала, стеклянная и фарфоровая посуда.

И это не от того, что стреляли по дому. Просто он стоял почти на нашей передовой и, когда противник вел по ней огонь, то временами доставалось и зданию.

Доставалось дому и от предназначенного на его долю огня. Тогда стены сотрясались от мощных ударов снарядов, тяжелых фугасных мин и авиабомб. Однажды от бомбардировки между четвертой и третьей секциями, от чердака до фундамента, словно черная молния, пробежала зигзагообразная трещина. Четвертая секция могла рухнуть и заживо замуровать около трех десятков подвальных жильцов. Их срочно расселили по подвалам других секций. Вот когда пригодились проломы в стенах! Подъездами воспользоваться было нельзя, по ним стреляли снайперы.

В момент, когда обстрел дома прекращался, пьяные фашисты с выкриками: «Хох!», «Рус, буль-буль Вольга»

кидались к дому. Но внезапно, словно споткнувшись, падали на землю или, словно переломившись в пояснице, опрокидывались навзничь. Гвардейцы-разведчики косили их ряды. Те же фашисты, что оставались в живых, поворачивали назад, уползали.

Видно, их командир, доложивший своему начальству о сдаче его солдатами дома, получил нагоняй. Пытаясь восстановить положение и свою репутацию, он гнал в атаки отделение за отделением, взвод за взводом. И каждый раз атаки захлебывались.

А наши бойцы во главе с сержантом Павловым после каждой отбитой атаки скрупулезно пересчитывали патроны, поочередно чистили оружие, выломанным из стен кирпичом и снятыми батареями парового отопления укрепляли свои огневые позиции, посменно отдыхали у бойниц, чтобы по первому же сигналу встретить врага метким автоматным огнем.

Так прошла вторая тягостная ночь, второй день. Снова наступили сумерки. Тревога закрадывалась в сердце разведчиков: боеприпасы-то на исходе. А враги по вспышкам выстрелов, наверное, догадались, сколько бойцов в доме, хотя они и часто меняют свои места, и теперь жди еще какую-нибудь пакость, на то они и фашисты.

Между тем, о группе разведчиков наши командиры очень волновались.

Командир полка Елин спрашивал у командира батальона капитана Жукова:

— Сколько человек ты послал туда?

— Четверых.

— Мало! Разве они могут такой дом удержать? Ведь у них одни автоматы.

— Больше не мог, товарищ полковник,— отвечал Жуков.— Сами знаете, во взводах осталось по нескольку человек, а оборона...

— Знаю,— перебил Елин.— Связаться с ними пробовал?

— Дважды посылал по паре бойцов. Не дошли! Решил зря не терять людей.

— А живы они?

— Наумов докладывает, что огонь ведут все четверо. Под вечер я сам лично видел, как они атаку отбили.

— Сегодня подкину тебе немного людей, а ты готовь сейчас штурмовую группу им в помощь.

В эту минуту в подвал штаба батальона вошел боец. Без пилотки, в грязи. Его надорванная пола шинели волочилась по земле. Доложил:

— Я из «дома Павлова»... Санинструктор Калинин.

Так и получилось, что ни Елин, ни Жуков, никто из присутствовавших здесь не обратили внимания, что это четырехэтажное здание, называемое до этого Домом специалистов, о котором шла речь, сейчас в устах Калинина обрело новое имя.

Елин прочитал записку сержанта Павлова, приказал накормить Калинина и еще раз напомнил о штурмовой группе.

— Этим «домом Павлова» мы вобьем противнику хороший клин,— уходя, сказал Жукову командир полка.

Но штурмовую группу послать в ту ночь не удалось: со стороны соседнего дома, превращенного гитлеровцами в сильно укрепленный опорный пункт, они предприняли несколько атак на батальон Жукова с целью пробиться к Волге и расчленить дивизию. Тут уж стало не до «дома Павлова».

— Сержант, не наши ли ползут,— вдруг обрадованно крикнул Черноголов.— Вон там, левее тех развалин,— указывал он подошедшему Павлову.

Со стороны наших окопов действительно что-то двигалось. А вдруг это возвращается немецкая разведка? Ведь ничего не понять в темноте, да еще в такой кутерьме, кто и откуда может появиться.

— Подожди, подпустим поближе,— шепнул Павлов и, взяв автомат наизготовку, встал рядом с ним.

И когда до ползущих оставалось не больше, чем на бросок гранаты, сержант, как когда-то в карауле, окликнул:

— Стой! Один ко мне, остальные — на месте!

— Не стреляй, Павлов! — послышался знакомый голос недавно прибывшего лейтенанта И. Ф. Афанасьева.— Свои идут...

Павлов и Черноголов распахнули двери подъезда и, с трудом сдерживая радость, смотрели, как с улицы торопливо вбегали и исчезали в слабо светящемся под-

вале тяжело нагруженные боеприпасами, шанцевым инструментом и продовольствием их товарищи. Следом за ними с термосом за плечами, котелками и фляжками в руках замыкал группу ротный старшина Мухин.

— Сейчас, сержант, обмоем это дело,— сказал он Павлову.— Небось, проголодался вместе со всем своим гарнизоном.

— И это есть,— ответил Павлов и только сейчас почувствовал, как он голоден.

От сильных рукопожатий у него заныла рука.

— Наконец-то дождались! — проговорил он.— А теперь нам куда, в роту, что ли?

— Ты что ж так плохо о нас думаешь? — засмеялся Афанасьев.— Вы дом заняли, удержали его, а мы, выходит, на готовенькое. Нет, вместе будем сражаться.

— Вот и хорошо,— обрадовался Павлов.— Теперь нас целый гарнизон. Сколько вас прибыло?

— Двадцать два человека. Показывай свое хозяйство,— предложил лейтенант,— и если, говоришь, нас стало целый гарнизон, то и будь отныне его комендантом. Заодно и с новыми обязанностями знакомься.

Едва они вышли, как по соседству послышался детский плач.

— Что это такое? — удивился лейтенант.

— Население,— ответил Павлов.— Заглянем?

Они постучали и вошли в соседнюю, едва освещенную коптилкой подвальную комнату.

С кроватей, расставленных вдоль стен и по углам, стали подниматься обеспокоенные жильцы, а молодая женщина, стоявшая у стола, пыталась угомонить плачущего ребенка.

Афанасьев поздоровался.

— Никак нашего полку прибыло? — поинтересовался высокий старик, выходя на середину комнаты.

— Прибыло, папаша,— ответил Павлов.

— Слава богу! Теперь вам веселее будет. Разве можно вчетвером такую силу сдержать? — подчеркнул старик.— А коль нужда настанет, то не забудьте, нас, стариков. Мы еще крепкие. Можем, если что, и на часах с винтовкой постоять. Дело хоть и давнее, но знакомое. Мы еще в девятнадцатом году от завода «Дюмо» — тогда так нынешний «Красный Октябрь» назывался — были в окопы посланы белогвардейцев отражать...

— Спасибо, отец,— растроганно поблагодарил старика Афанасьев.— Ежели что, позовем.— Это он плакал? — обратился лейтенант к женщине.

— Не он, а она,— смущенно поправила женщина.— Пустышку потеряли, вот и горюем обе: где теперь ее достанешь?

— Как зовут девочку?

— Зина. Видно, на горе, да на лиху беду родилась моя доченька. За неделю до бомбежки...

— Тяжело вам с ней в подвале-то? — спросил Афанасьев, почувствовав сырость и духоту.

— Ничего, уже привыкли,— ответила женщина.— Вся семья здесь. Вместе не страшно. Вот моя мама — Дикова Мария Григорьевна, сестренки — Света и Нина, да нас двое,— произнесла она, перекладывая на другую руку ребенка.— А папки нашего уже нет...— с грустью от еще не угасшего горя произнесла она.

— Где же он?

— Погиб, сказали. Был в ополчении от завода «Красный Октябрь».

— Давайте поближе познакомимся,— предложил женщине лейтенант.— Меня зовут Иван Филиппович.

— А меня Евдокия Григорьевна... Селезнева. Это по мужу.

От недостатка свежего воздуха, от скудного питания миловидное, осунувшееся и истомленное лицо молодой женщины при трепетном свете коптилки казалось особенно бледным.

— Как только удастся, сразу же вас за Волгу переправим,— пообещал Афанасьев.— А пока, видно, потерпеть придется...

— Потерпим,— ответил за всех высокий старик.— О нас не беспокойтесь.

Попрощавшись с жильцами, Павлов и Афанасьев вышли.

Несмотря на темноту, они ходили по этажам, расставляя бойцов. Попутно Афанасьев знакомил Павлова со своими бойцами. К утру гарнизон дома снова был готов к встрече врага.

Огневую позицию для станкового пулемета оборудовали в подвале первого подъезда. Бывалый тридцатипятилетний боец Павел Демченко, отвоевавший в пе-

хоте уже пятнадцать месяцев, изведавший горечь отступления из-под Харькова, где осталась его семья, любовно сконструировал из кирпичей и толстых томов энциклопедии надежную амбразуру и площадку для «максима».

Ему старательно помогал слывший мастером на все руки двадцатипятилетний, тоже колхозник с Украины, не по возрасту тихий и спокойный Павел Довженко.

Старший сержант Воронов по должности считался заместителем командира пулеметного взвода, но так как после недавних боев от взвода осталось только шестеро бойцов и один пулемет, то он по праву старшего становился наводчиком.

И. В. Воронов, орловский колхозник, был на редкость аккуратен и выдержан, с его лица не сходила добрая улыбка.

По отзывам Афанасьева, умелыми мастерами пулеметного дела и храбрыми воинами слыли сержант А. И. Иващенко, рядовые И. Т. Свирин, М. С. Бондаренко, К. Тургунов и другие.

В шутку Афанасьев назвал свою штурмовую группу интернациональной бригадой. Если пулеметчики представляли тольки три национальности — русские, украинцы и узбек, то еще более сложную национальную семью представляли бронебойщики отделения А. А. Сабгайды.

— Мне Сталинград дорог вдвойне,— говорил о себе Сабгайда.— Я хоть и украинец по национальности, но у меня в колхозе Сталинградской области жена и двое детей у немцев остались.

В его отделении были узбек Камандай Тургунов, плохо владевший русским языком и мастерски — своим оружием, казах Талабай Мурзаев, таджик А. Турдыев, татарин Ф. З. Ромазанов и русский Шкуратов.

«Сабгайдаки» — так называли бойцов этого отделения — в первый же час пребывания в доме соорудили для своих противотанковых ружей две постоянные огневые точки: одну в подвальном окне — для стрельбы в сторону Кутаисской улицы, другую — с противоположной стороны, выходившей подъездами на Солнечную улицу.

Сержант Т. И. Гридин со своим отделением подготовил в подвале-дровяничке огневую позицию для двух ротных минометов.

К бывшим стрелкам, ставшим теперь автоматчиками, Глущенко, Александрову и Черноголову добавилось еще двое — грузин Мосиашвили и абхазец Сукба. Все они разделились на две тройки и начали посменно вести наблюдение.

В те же отсеки и комнаты, где были оборудованы огневые позиции и точки, понатащили кроватей, диванов и кресел для отдыха.

Особое внимание уделили оборудованию штаба.

В просторном подвале второго подъезда установили два раздвинутых обеденных стола, накрыв их разноцветными, собранными из нескольких квартир скатертями. На столах аккуратно разложили патроны всех калибров имеющегося в гарнизоне стрелкового оружия, мины, гранаты и бутылки с горючей смесью.

В одном из углов поставили пирамиду с саперным имуществом — лопатами, топорами, кирками, ломами и пилами.

Посреди комнаты стоял письменный стол, окруженный стульями для совещаний и отдыха. На председательском месте Довженко водрузил исполинских размеров резное кресло с сиденьем и спинкой, обитой кожей.

— Только для коменданта гарнизона сержанта Павлова,— серьезно заявил он.

Вскоре на комендантском месте появились телефон с позывным «Маяк», связывавший гарнизон с ротой, и патефон, а в свободном углу комнаты, как напоминание о далеком доме, о мирном времени, заблестел медью тульский самовар. Так вместе с выдумкой, со здоровым оптимистическим настроением обживали бойцы «дом Павлова».

Об увеличении гарнизона гитлеровцы узнали сразу. Едва только занялся рассвет и бойцы штурмовой группы Афанасьева закончили оборудование огневых позиций, как группа фашистов бросилась в атаку. Но если раньше какой-то части атакующих удавалось спастись, то сейчас эта группа была уничтожена полностью.

Враг в отместку подверг здание остервенелому артиллерийско-минометному обстрелу. На протяжении какого-нибудь часа по нему выбросили более сотни снарядов и мин. С этого дня сто-сто двадцать выстрелов по дому из орудий и минометов стало ежедневной огневой «нормой» гитлеровцев.

Но одним орудийно-минометным обстрелом враг не ограничился. На другой день на противоположной стороне площади из всевозможного домашнего скарба фашисты соорудили баррикаду, и все подступы к дому и все его окна взяли под прицел пулеметов и автоматов.

Бронебойно-зажигательными пулями павловцы баррикаду сожгли, но на следующее утро вместо нее появилась траншея. Теперь у противника оказалось более надежное укрытие, и из дому даже ночью нельзя было высунуться: над площадью поминутно повисали осветительные ракеты. Пока тянули телефонный провод от роты до дома, потеряли двух связистов.

«Дом Павлова» оказался «малой землей», отрезанной от дивизии. А требовалось пополнять боеприпасы, кормить людей — и своих и жильцов — и транспортировать раненых.

Посовещавшись, Афанасьев, Павлов, Воронов, Иващенко и Довженко решили рыть ход сообщения до роты.

В подвале пробили наружную стену, обращенную к Волге, и тайком, ночами, стали работать. В патронных ящиках оттаскивали землю, засыпали ею оконные проемы и рыли, рыли не переставая, прерываясь лишь на время отражения атак врага.

Бойцам помогали жильцы дома — и старик, и женщины под руководством бухгалтера домоуправления и жены фронтовика Зины Макаровой, и подростки Женька и Тимоша — с первых дней верные помощники коменданта.

Через пять дней ход сообщения глубиной в человеческий рост и шириной, чтобы можно было пронести ведро с борщом или водой, был готов.

За это же время гарнизон заминировал подступы к зданию противопехотными и противотанковыми минами.

И хотя работа шла ночами, без жертв не обошлись: два бойца были убиты и два ранены.

Четыре подземных хода вывели к наружным огневым точкам для использования их в качестве отсечных позиций. Даже канализационная труба, идущая от тыльной стороны дома через Солнечную улицу к «ничейным» развалинам, была приспособлена для укрытия при огневых налетах и бомбардировках.

В случае необходимости гарнизон мог вести оборону

даже в условиях полного окружения. А если бы противнику удалось прорваться в подвальные помещения, то и здесь он встретил бы ожесточенное сопротивление, так как эти помещения также были приспособлены для обороны.

Здесь же в подвале стояли койки для отдыха бойцов и командиров, была оборудована Ленинская комната. Политработники полка во главе с нашим старым боевым товарищем комиссаром О. И. Кокушкиным даже во время самых тяжелых боев не прекращали идеологической работы среди бойцов и командиров. В Ленинской комнате гвардейцы в свободные минуты могли почитать политическую, военную и художественную литературу, поиграть в шашки, домино, шахматы. Для бесед с бойцами сюда частенько наведывался агитатор полка Леонид Петрович Коринь.

Благодаря титаническому труду гвардейцев, их мужеству и отваге «дом Павлова» стал несокрушимой крепостью.

Как опорный пункт на переднем крае елинского полка дом имел исключительно важное тактическое значение. Он держал под огнем своих пулеметов все прилегающие улицы, откуда фашисты могли попытаться контратаковать. Кроме того, в непосредственной близости отсюда находился наш наблюдательный пункт, расположенный на мельнице. Поскольку два дома близ наблюдательного пункта удерживал противник, позиция Павлова и его товарищей приобретала еще большее значение. Стоило нам потерять «дом Павлова», и фашисты получили бы возможность свободно маневрировать в этом районе.

Но все же, как ни велико было тактическое значение этого опорного пункта, еще более важным оказался моральный фактор. В Павлове и его друзьях получил свое наиболее яркое выражение тот дух сопротивления, который дал возможность 62-й армии, прижатой к Волге, выдержавшей бешеный натиск во много раз превосходящих сил противника, не только выстоять, но и устремиться затем вперед, громя, истребляя, беря в плен гитлеровских захватчиков.

«Дом Павлова» стал крепостью, потому что его защитники были советские люди, сердца которых не ведали страха.

Накануне 25-й годовщины Октября международную обстановку во многом определяло развитие сталинградских событий.

В такие знаменательные даты, как известно, не только мы, советские люди, но и наши враги подводят итоги. Геббельсовские пропагандисты, например, тогда уже на весь мир протрубили о том, что за неделю до годовщины Октября Сталинград пал. Понятно, какой резонанс могла вызвать эта дезинформация.

В Главном политуправлении РККА решили разоблачить эту ложь.

Однажды у нас на передовой появился молодой человек в гражданском, обвешанный, как игрушками, фото- и киноаппаратами и разными принадлежностями к ним.

— Валентин Орлянкин, кинооператор,— отрекомендовался он, протянув мне командировочное удостоверение.

Посовещавшись с Вавиловым, Борисовым и Бельским, я направил Орлянкина к командиру отдельного пулеметного батальона майору А. Д. Харитонову.

Этот батальон накануне успешно отразил четыре атаки врага, который в районе пивзавода попытался было прорваться к Волге.

Там было кого и что заснять.

Конечно, Орлянкина следовало послать на передний край в военной форме, но все комплекты обмундирования, какие только нашли в каптерке пульбата, оказались на два роста больше требуемого. Однако перешивать было некогда, да и некому, и Валентин надел то, что нашлось.

Щупленький, в непомерно просторной шинели и шапке, он казался мальчуганом в одежде с чужого плеча.

— Гвардеец хоть куда,— подбодрил его комиссар пульбата В. К. Коцаренко.

Весь тот день кинооператор провел на передовой, а вечером вернулся усталый, но сияющий. Это заметил Коцаренко. Он поинтересовался:

— Как дела?

— Хорошо, секунд на шесть уже есть.

— Здорово! — восхищенно свистнул комиссар, слов-

но ему было известно, о чем шла речь. И тут же спросил: — А чего это... на шесть секунд?

— Пленки,— пояснил Орлянкин.— На экране ее будут смотреть шесть секунд.

— И только?..— разочарованно протянул Коцаренко.— А я-то думал...

— Что заснят уже целый фильм? Скоро только сказка сказывается,— шутил кинодеятель.

Немного подумав, Коцаренко предложил:

— Давайте-ка пообедаем! Может, за столом лучше разберемся, что к чему,— и подмигнул своему ординарцу, у которого на поясном ремне висела фляжка со спиртом.

За обедом Коцаренко и Орлянкин установили, что они обязаны «работать» только по цели, что, например, расходовать пленку без цели — это то же самое, что попусту расходовать пулеметные патроны...

На второй день ранним утром нас взбудоражила вражеская артиллерия, яростно бившая по изрядно разрушенному дому, стоявшему перед пульбатом.

Над густыми клубами пыли от разрывов снарядов и мин, над крышей здания гордо развевалось алое знамя.

— Что там происходит?— спросил я Харитонова.

— Гитлеровцы увидели знамя и обнаружили на пятом этаже кинооператора. Бьют по ним из орудий и минометов. Догадались сволочи, что кино их разоблачит.

Однако сбить знамя и уничтожить кинооператора гитлеровцам не удалось.

Когда канонада ненадолго стихла, сквозь оседавшую пыль и дым было видно, как с чердака по лестнице спускаются Коцаренко с автоматом и Орлянкин с кинокамерой, поблескивающей стеклами и никелем, футлярами и коробками на груди.

Вот они уже на третьем этаже. Заметив их, гитлеровцы снова открыли ураганный огонь. На этот раз они стреляли до тех пор, пока стены дома не запестрели сплошными пробоинами.

Трудно было представить себе, чтобы там, где не выдерживал кирпич и железобетон, могли уцелеть люди.

Но едва стих огонь, как в подвалах, пулеметных гнездах и развалинах раздалось «ура!»: это бойцы пульбата приветствовали своего комиссара и кинооператора, спустившихся на нижний, безопасный этаж.

— Думаете, я выполнил задачу? — чуть ли не со слезами на глазах говорил Орлянкин.— Черта с два! Надо же этому проклятому аппарату отказать в самый ответственный момент.— Он крутил все наружные детали своего старенького «Аймо».— О, аппарат-то исправный, только пусковая кнопка чуть-чуть заедает.

— На войне, брат, всякое бывает,— поддержал Орлянкина Коцаренко.— Помню, у нас в первых боях пулеметы тоже часто заедало, а теперь стреляем без промаха.

— Эх, товарищ комиссар,— с горечью проговорил Орлянкин.— Если бы вы знали, какой там кадр: через флаг виден весь город. А это значит, кто посмотрит на экран, тот поймет, что Сталинград в наших руках. Завтра надо еще раз попробовать...

— Нет, больше туда лезть снимать не советую,— сказал комбат Харитонов.— Иначе вас снимет фашистский снайпер или какая-нибудь паршивая гаубица. А я за вас отвечаю перед командиром дивизии.

Орлянкин умоляюще смотрел то на комиссара, то на комбата.

— Что-нибудь придумаем,— успокоил комиссар кинооператора.

На следующий день, когда за Волгой блеснуло солнце, Орлянкин доснял панораму города, выполнив таким образом с честью особое задание Главного политуправления РККА.

Вскоре личный состав дивизии в своем «конференц-зале» посменно и поочередно уже смотрел присланные из Москвы кинофильмы «Сталинград», «Штурм Г-образного дома», «Воздушный бой над Волгой», «Атака отважных пулеметчиков» и многие другие, отснятые Валентином Орлянкиным.

По отзывам иностранной прессы и радио, лживость геббельсовской пропаганды стала особенно отчетливо видна на киноэкранах многих стран мира.

* * *

Военная статистика подсчитала, что за время битвы на Волге противник израсходовал снарядов, бомб и мин в среднем около ста тысяч штук на каждый километр фронта или, соответственно, сто на метр.

Мне не известно, какое количество бомб, снарядов и мин обрушили на гитлеровцев наши войска, но важно то, что Сталинград оставался нашим.

По мнению специалистов, как будто чаши весов, на одной из которых лежали силы фашистской Германии и пол-Европы ее сателлитов, а на другой — наши силы, в Сталинграде пришли в равновесие.

Видимо, это так и было. Во всяком случае, мы чувствовали, что в конце октября в поединок вступила не только сила огня и металла, но и сила воли, стойкость нервов, жизнеспособность убеждений, взглядов или то, что мы называем идеологией.

За таким жестоким кровавым поединком следили все свободолюбивые народы земли.

А далеко на востоке, на берегах Тихого океана, стояли готовые к выступлению японские войска; на юге, в предгорьях Южного Кавказа, у наших границ, сосредоточились турецкие дивизии.

В тяжелом тревожном раздумье сравнивали и взвешивали и наши, и германские сводки правительства подвластных Гитлеру стран — Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии. Взвешивали и про себя размышляли, дать ли новое пополнение армии третьего рейха или заблаговременно отозвать с полей России уцелевшие остатки своих войск, пока они не вернулись сами.

Не менее трудные размышления вызывала Сталинградская битва и в правительствах наших союзников. «Открывать второй фронт или подождать?» — все еще стоял перед ними вопрос. «Не рано ли? Не подождать ли, пока Советский Союз истощит свои силы, тем более, что Сталинград оттянул на себя такую массу немецких войск и техники, что значительно облегчил положение союзных сил на других фронтах второй мировой войны?»

Но была и оборотная сторона медали. В лесах, горах и долинах Франции, Югославии, Греции, Италии, с возгласами: «Да здравствует Сталинград!» развертывали наступление на оккупантов патриоты-партизаны, борцы антифашистского движения Сопротивления.

На улицах городов Латинской Америки выставлялись огромные стенды со сводками Совинформбюро. Молодежь Мексики повсеместно скандировала «Песни любви к Сталинграду» поэта Пабло Неруда. Прогрессивная пе-

чать всего мира все чаще и чаще призывала к солидарности с героической Красной Армией, со всем советским народом.

Ни в одной из битв прошлого так не решалась судьба всего человечества, как в Сталинграде. От того, выстоит ли советский воин на волжском берегу, в значительной степени зависело, по каким путям будет развиваться послевоенный мир.

* * *

Незаметно в боях прошел октябрь. Наступили ненастные дни, в которые даже в теплом доме бывает неуютно. А вскоре и потянуло зимними холодами, появился первый снежок. Но гвардейцы, сидевшие в мокрых траншеях, укрывшиеся в развалинах, не унывали. В штабе дивизии были проведены первые предварительные итоги полуторамесячных боев у стен Сталинграда. За период с середины сентября и до конца октября гвардейцы истребили свыше шести тысяч вражеских солдат и офицеров, подбили и сожгли 77 танков, 7 бронемашин, уничтожили более 30 минометов и 24 орудия.

Враг, понеся большие потери в живой силе и боевой технике, в бессильной злобе топтался перед нашим фронтом.

Приближалась знаменательная дата — 25-я годовщина Великого Октября. Дивизия готовилась к ее встрече.

Давно стало канцелярским штампом выражение «в обстановке боевого и политического подъема», но иначе трудно было сказать об энтузиазме, охватившем всех бойцов и командиров перед революционным праздником. И хотя вся подготовка к нему была традиционной, привычной, но в обстановке сражения за Сталинград она принимала глубокий, подлинно боевой и подлинно политический смысл.

Увеличился приток заявлений в партию. Беспартийные боец и командир хотели быть такими же, как и их товарищи по оружию — коммунисты. «Хочу бить врага, находясь в партии большевиков», «Если погибну,— считайте коммунистом»,— так писали воины в канун 25-й годовщины Октября в записках, письмах, заявлениях перед боем.

А бои вспыхивали один за другим.

В канун праздника Гитлер назначил Паулюсу еще один из «последних», «самых окончательных», сроков взятия города. В Берлине уже готовили для газетных полос крупные клише заголовков о падении Сталинграда. На переднем крае противник усилил разведки боем с целью нащупать слабое место в нашей обороне для ее прорыва.

За два дня до праздника в одном из батальонов панихинского полка в просторном, уцелевшем подвале собралось партийное бюро, чтобы рассмотреть заявления воинов о приеме в партию. Только парторг батальона открыл заседание, как гитлеровцы пошли в атаку.

— По своим местам! — распорядился парторг.

...Успешно отбив атаку, члены партбюро снова собрались на заседание. Но враг опять пошел в атаку...

И снова заседает бюро...

В день праздника на передовой все были в белоснежных подворотничках, выбритые, в почищенном обмундировании, хотя специально никто не приказывал. О чистоте же оружия, землянок, блиндажей, огневых точек и позиций — и говорить нечего.

Как ни пытались фашисты, но праздничного настроения нам испортить не смогли: наши воины в этот день были особенно бдительны.

Красный уголок дивизии — прочный подвал здания, выдержавший прямые попадания не только тяжелых снарядов, но и авиабомб. В обычные дни здесь размещали раненых, перед отправкой их за Волгу, а иногда помещение превращали в клуб, «конференц-зал», учебную аудиторию.

Для придания торжественности стены блиндажа завесили чистыми простынями, принесенными из медсанбата, на видных местах прикрепили лозунги.

На торжественное заседание прибыли представители от полков, батальонов и рот. Число приглашенных определялось вместимостью нашего «конференц-зала», смежной с ним комнаты и коридора.

Как и всегда, перед началом приглушенный разговор. Многие из присутствовавших впервые после Камышина увидели своих товарищей и друзей, хотя и дрались бок о бок почти два месяца. А порассказать, наверное, каждому было о чем.

Вот вполголоса беседуют командир стрелковой роты А. Ф. Крюков и боец-разведчик Н. Ф. Обухов. Крюков первым орденом был награжден еще до войны. В рукопашном бою в районе реки Халхин-Гол он выхватил у убитого красноармейца винтовку и заколол штыком несколько японских солдат. Обухов в числе первых, вместе с Быковым, получил в нашей дивизии звание Героя Советского Союза за дерзкие, ставшие легендами рейды во вражеский тыл.

Рядом с ним, задумавшись о чем-то, сидит тоже разведчик Г. А. Попов-Печер. Тонкий, невысокого роста, он скорее похож на мальчика-подростка. Недавно призванный в Красную Армию, он сразу же снискал себе славу отважного воина, умного и ловкого. Он буквально шнырял между немцами, ходил к ним на квартиры, возил солому в их землянки и собирал всегда ценнейшие сведения.

А неподалеку от них — повар Виктор Антипов. Про него говорят, что он может в кромешной ночной тьме, в голой степи, под проливным дождем за час сварить на целую роту вкусный борщ. Но он славен не только этим. Нередко, раздав ужин и указав кухонному наряду, что делать, Антипов снимает свой белый фартук и колпак и, натянув маскировочный халат, направляется вместе с разведчиками в поиск. Недавно в разведке из-под вражеского огня он вынес раненого командира.

По соседству с Антиповым, с его крупными, широкими плечами, особенно тонкой и стройной кажется хрупкая девичья фигурка санитарки-разведчицы Марии Боровиченко, или Машеньки из Мышеловки, как мы все ее зовем. Грубые кирзовые сапоги, мешковатая красноармейская шинель только подчеркивали очарование ее тонкого, с еще не утраченной детской припухлостью лица, вдумчивого строгого взгляда.

К ней поминутно оборачивались сидящие впереди Степан Вернигора, Анатолий Чехов и Михаил Кравченко. Вернигора и Чехов — знаменитые наши снайперы. На боевом счету у Вернигоры около ста пятидесяти убитых солдат и офицеров противника, а про Анатолия Чехова говорят, что он во всей полосе дивизии по фронту и на расстоянии видимости из оптического прицела заставил гитлеровцев не ходить, а ползать по-пластунски.

Этот молоденький паренек, всего лишь за полгода до битвы на Волге получивший повестку из военкомата о призыве в армию, в короткий срок стал опытным бойцом. Хорошо о нем сказал один писатель: «Ему органически, от природы было чуждо чувство страха смерти, так же, как орлу чужд страх перед высотой». Чехов не только сам был отличным стрелком, но и подготовил около двадцати снайперов.

У Миши же Кравченко самая «гуманная» профессия: он фельдшер. Но он постоянно находился на передовой, и если нужно было оказать помощь раненому, вынести его из-под огня, этот отважный юноша не раз подползал к окопам противника и, отстреливаясь из автомата, отбиваясь гранатами, выручал бойца, отправлял его в тыл.

Мишу Кравченко и Машу Боровиченко связывали самые нежные чувства симпатии, и даже самые засуровевшие сердца бойцов теплели и оттаивали, когда встречали эту пару вместе.

Я помню, как впервые познакомился с Машей.

Тогда нас, воздушных десантников, готовили бить врага на его территории: перелетать государственные границы и линии фронтов сразу же в начале войны, выбрасываться на парашютах в определенных местах, совершать стремительные переходы и, разумеется, отлично владеть огнестрельным и холодным оружием. На груди у каждого из нас голубел треугольный значок парашютиста с обозначением на нем числа совершенных прыжков.

Однако нам довелось вступить в войну не на вражеской территории, а на своей собственной, под Киевом, полтысячи верст «не долетев» до своей границы, чуть ли не полтора месяца спустя после начала войны. И не с воздуха соколами налетать на врага, а встречать его, по уши зарывшись в землю.

Гитлер рассчитывал 10 августа 1941 года в столице Украины, на ее главной улице Крещатике устроить смотр своим войскам. И вот накануне наша 5-я воздушнодесантная бригада вместе с нашей пехотой в Голосеевском лесу, вблизи Мышеловки — пригорода Киева, вступила в первый кровопролитный бой с гитлеровцами.

На следующее утро мне доложили, что через линию фронта перешли в расположение наших войск двое гражданских — дядя с племянницей.

Командир отдельной разведывательной роты дивизии капитан А. Г. Питерских доставил задержанных ко мне.

Первой в блиндаж вошла смуглая черноглазая девушка в коротеньком ситцевом платьице, босая, за нею — коренастый небритый мужчина лет сорока пяти, с густой сединой на висках, в синей косоворотке и тоже босой. Вид у него был такой, словно он выбрался из горящего дома: лицо закопченное, грязное, волосы взъерошены, руки в ссадинах.

Возникшее было у нас сомнение оказалось напрасным. Расспросив задержанных, внимательно просмотрев их документы, мы поняли, что это свои. Мужчина оказался железнодорожником, белобилетником, а девушка — ученицей девятого класса, комсомолкой. Звали ее Маша Боровиченко.

Так вот и появились у нас в бригаде двое гражданских. Мужчину, как белобилетника, пришлось отправить в тыл, а девушка попросилась остаться у нас санитаркой.

Вот так и стали мы называть ее Машенькой из Мышеловки, по имени пригорода столицы Украины, где она родилась и выросла.

Машенька прошла с нашим соединением весь тяжелый путь от Киева до Сталинграда. Под Киевом санитарка Мария Сергеевна Боровиченко была награждена медалью «За боевые заслуги», под Конотопом — медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. Теперь ее представили к ордену Красного Знамени. Наряду с исполнением медицинских обязанностей, в дни затишья она вместе с разведчиками уходила в поиск и не раз добывала ценные сведения или «языка».

Маша Боровиченко и Миша Кравченко делили между собой в окопах и корку хлеба, и горечь утрат, и ежедневные опасности, и радость наших побед.

Я думаю, они так крепко подружились потому, что поверили в отвагу друг друга. Машенька не терпела людей слабых духом, тех, кто трусил при свисте бомбы, кланялся пулям, отставал в атаках, когда каждая секунда была дорога.

В полку говорили, что Мише удивительно везет. И действительно, он выходил невредимым из-под артиллерийского огня, пулеметного обстрела, бомбежек и

даже пули снайпера не тронули его, хотя трижды пробили на нем шапку-ушанку.

Мишу отличала неизменная спокойная улыбка. Чтобы ни случилось на передовой, как бы ни бесились фашисты, он всегда оставался спокойным и уверенным.

Он хорошо играл на баяне и любил песни. Два или три раза мне удалось видеть его, когда их санитарная рота отдыхала. В долгой и яростной Сталинградской битве санитарам очень редко приходилось отдыхать. Но когда рота все же имела возможность передохнуть, Миша брал в руки свой потрепанный баян и среди обугленных развалин, будто назло врагу, затягивал песню. Он любил песни родной Украины, то грустные и задумчивые, то полные веселья и задора. В разрушенном городе, где на каждом шагу подкарауливала смерть, где снаряды и бомбы сплошь перепахали землю, удивительно было слышать песню, эхом отражавшуюся от руин. Вопреки всем бедам, ранениям и смертям в ней жила надежда.

Все привыкли видеть Машу и Мишу вместе на передовой.

Когда случалось, что Маша работала одна, у нее обычно спрашивали:

— Маша, а где Миша?

Если Миша работал один, вопрос соответственно изменялся:

— Миша, а где Маша?

Их знали в каждой роте дивизии, в каждом взводе, их любили, им верили.

Это доверие и любовь они заслужили. Я знаю, что и поныне живы люди, которых в тяжелые минуты выручали в боях из беды Миша и Маша.

...Но вот, как будто все в сборе. В «конференц-зале» воцарилась тишина. Наш гость — член Военного совета армии генерал-майор К. А. Гуров произнес краткую речь, поздравил нас с праздником и вручил орден Ленина, которым дивизия была награждена еще летом за бои на тимско-щигровском направлении.

Поднялся за столом и я. Зачитываю только что полученную телеграмму:

«Сотни добровольцев испанской республиканской армии, собравшись в Лондоне, чтобы отпраздновать годовщину образования интернациональных бригад, посылают вам, нашим товарищам по оружию, в момент битвы, подобной битве за Мадрид, наш братский привет».

Содержание телеграммы, казалось, принесло в наш переполненный подвал в осажденном Сталинграде дыхание той, первой битвы с фашизмом. Нет, еще не кончилась та война, напрасно торжествуют фашисты. Ее передний край от Мадрида перекинулся в Сталинград. И то, что не удалось сделать тогда испанской республиканской армии и ее интернациональным бригадам, доделаем здесь мы.

Если мы не в силах до конца растоптать здесь фашистскую гадину, то хребет-то мы ей сломаем!

Говоря об этом, я задал «конференц-залу» вопрос:

— Сломаем?

— Сломаем! — ответили сотни голосов.

При свете коптилок, ламп без стекол, свечей и светильников из артиллерийских гильз я вглядываюсь в лица моих слушателей. В эту минуту мне кажется, что я вижу в их глазах то неукротимое стремление к борьбе, которое я видел при свете ночного зарева в пылающем Мадриде у худощавого испанского паренька Рубена — сына гордой Пассионарии, у легендарного Энрике Листера, у нашего советского писателя Матэ Залка — «изящного испанского генерала популара», как называли тогда испанцы Лукача.

— Не пройдут здесь фашисты?— спрашиваю я у «конференц-зала»?

— Ни за что! — слышу в ответ.— Но пасаран!..

Как и полагается, после торжественной части началась художественная — выступала концертная группа художественной самодеятельности, которая была образована из талантливых бойцов дивизии. Руководил ею сержант Толокунский. До этого группа десятки раз выступала в землянках и блиндажах, расположенных у переднего края. Удачные тексты литературных монтажей для самодеятельности писали редактор дивизионной газеты Г. Орделов, сержант Ю. Белят, сам руководитель группы Толокунский и другие. Составленные на злобу дня, эти монтажи рассказывали о наших героях — раз-

ведчике Попове-Печере, санинструкторе Нине Сапрыкиной, санитарке Маше Боровиченко, снайпере Чехове, отважном комбате Мощенко.

Вот прославился храбрый минометчик Рахман Саиров. И наши артисты читают стихи о нем:

У Волги с яростью и страстью
Дерется пламенный Рахман
За Родину, за жизнь и счастье,
За свой родной Узбекистан.

Такие стихи были бесхитростны, но очень результативны — они помогали в нашей борьбе. Простые строчки о мужестве героев западали в сердца гвардейцев, звали их на новые подвиги. Секрет успеха заключался в том, что авторами многих песен, стихотворений, сценок были сами бойцы. С большим успехом шел на нашей «сцене» скетч, сочиненный красноармейцем Соболевым, бойцы и командиры распевали марш гвардейской дивизии, созданный рядовыми Жуковым и Студенковым.

Кстати, Студенков, отлично игравший на аккордеоне, выступал не только как автор песен, но и как солист. Потом пели сержант Толокунский и повар Виктор Антипов, а девушки-связистки Лида, Мария и Наташа покоряли сердца наших зрителей искусством хореографии.

И как всегда, под конец выступил хор девушек. Они и их подруги влились в наши ряды в дни памятных боев под Киевом. Они слыли хорошими связистами, санинструкторами, бесстрашно оказывали помощь бойцам на поле боя. Среди них одних только киевских студенток было около ста человек, а до Сталинграда дошло лишь несколько девушек, остальные пали в боях...

В заключение концерта хор исполнил любимую песню дивизии о необычной судьбе Стеньки Разина и персидской княжны. А рядом — красавица Волга, когда-то плавно качавшая острогрудые челны атамана и ставшая ныне непреодолимой преградой на пути врагов русской земли.

Но вот и кончилась песня, а с ней и концерт. «Артисты» вместе со зрителями стали расходиться по блиндажам и землянкам, чтобы продолжить священную битву за город на великой русской реке.

Так мы отметили четверть века Октября.

И вновь начались боевые будни. Вся первая половина ноября прошла в упорных оборонительных боях. 11 ноября гитлеровское командование предприняло последнюю попытку сломить наше сопротивление и захватить город. Перегруппировав войска и подтянув свежие силы, оно по-прежнему, как и в октябре, основной удар наносило с северной части города. Противнику удалось овладеть территорией завода «Баррикады» и выйти к Волге. Однако дальше он не прошел — наткнулся на непреодолимое сопротивление советских воинов 138-й стрелковой дивизии полковника И. И. Людникова, закрепившихся на маленьком клочке земли, преградивших дорогу врагу. Неоднократные бешеные атаки гитлеровцев захлебнулись.

После ноябрьского прорыва положение на фронте 62-й армии было следующим: на правом фланге в самой северной части города продолжала самоотверженно драться группа Горохова, в центре — в районе завода «Баррикады» — упорно сражалась дивизия Людникова, южнее, после небольшого разрыва, находился основной фронт армии, на крайнем левом фланге которого вела бои 13-я гвардейская дивизия. По-прежнему нашим «соседом» слева был противник, отделявший нас от частей 64-й армии.

Врагу удалось, таким образом, разрезать в двух местах фронт 62-й армии и отсечь нас от 64-й армии. Однако эти успехи оказались частными. Героическая 62-я армия при поддержке других соединений фронта прочно удерживала город.

Проходя по траншеям, разговаривая с гвардейцами, я не переставал восхищаться стойкостью советского человека, воспитанного партией, его неистощимой энергией и оптимизмом.

Воспитателями солдат, их верными друзьями и наставниками были политработники и все коммунисты дивизии.

Вспоминается кряжистая, немного неуклюжая фигура нашего комиссара, ставшего затем моим заместителем по политической части, Михаила Михайловича Вавилова, опытного партийного работника. Его всегда можно было

встретить на переднем крае, хотя, собственно, передний край был везде.

Беседы комиссара вселяли в бойцов несокрушимую веру в победу советского народа. Не раз можно было видеть, как Михаил Михайлович в свободное от боев время собирал бойцов, выискивал среди них гармониста и организовывал нехитрые фронтовые развлечения. Живой, подвижный человек, он и сам частенько пускался в пляс. За простоту, доступность и любили его бойцы.

Под стать этому человеку с большой душой были другие политработники дивизии — Марченко, Щур, Коринь, Ржечук, Орделов. Думаю, что один из основных секретов их успешной политической работы заключался в том, что они умели подкрепить свое слово делом и сами бесстрашно действовали в бою. Я уже говорил о мужестве Олега Юльевича Кокушкина. А он был не одинок. За отвагу, проявленную в боях, инструктор политотдела Савелий Никитич Ржечук еще в декабре 1941 года был награжден орденом Ленина. Боевые награды имели Григорий Яковлевич Марченко, Андрей Константинович Щур и другие товарищи.

Многие лучшие бойцы-коммунисты выдвигались на политработу. Отважный разведчик Попов-Печер был назначен заместителем политрука разведроты. При этом примечательно, что политрук разведроты Петр Мудряк, в свою очередь, был выдвинут на строевую работу и стал командиром батальона.

У нас не было резкой грани между политработниками и строевыми командирами. Каждый коммунист в любую минуту был готов взять на себя воспитательную работу среди воинов. И точно так же каждый политработник, как только возникала необходимость, брал в руки оружие и во главе бойцов шел на врага.

Огромную помощь политработникам оказывали партийные организации подразделений. Не прошло и суток после переправы дивизии через Волгу, как в одном из подвалов разрушенного здания уже собралась дивизионная партийная комиссия. Она рассматривала заявления бойцов и командиров о приеме в партию. С тех пор заседания парткомиссии и партбюро в полках проводили регулярно. Какие только вопросы не решали на них: от приема в партию и до овладения бойцами тактикой уличных боев. Эти заседания проходили в не-

скольких сотнях метров от противника. Здесь же, на переднем крае, молодые коммунисты получали свои партийные документы.

Руководители политорганов дивизии сумели найти необходимые формы политической агитации применительно к специфике боев в городе. Действия мелкими группами, характерные для городских боев, требовали изменения методов массовой работы. Индивидуальные беседы с бойцами, «письмо-летучка», отражающая успехи отдельных бойцов и целых групп, «боевые листки», рассказывающие о действиях гвардейцев, громкая читка газет, а иногда и книг — все это приобрело в наших условиях еще большее значение. Политработникам хорошо удалось наладить работу стенной печати в подразделениях. Много интересных материалов из жизни воинов опубликовала и дивизионная газета, которой руководил Орделов.

Когда дивизия перешла к прочной обороне и были сооружены блиндажи и землянки, политработники оборудовали Ленинские комнаты, где читали политическую и художественную литературу, агитаторы проводили беседы. Здесь же бойцы могли почитать и отдохнуть, послушать патефон, сыграть в шашки, шахматы, домино. Как правило, на столах всегда имелись карандаши, бумага и конверты, это позволяло бойцам в спокойной обстановке написать письмо на родину.

Многообразна была жизнь в сражавшемся городе. Да, именно жизнь! Жизнь — вопреки смерти, жизнь — во имя победы!

Однажды связной мне доложил:

— Вас требует к телефону командующий!

Голос Василия Ивановича Чуйкова звучал строго, казалось, он чем-то был недоволен.

— Ты знаешь, какие дивизии противника перед тобой? — спросил он.

— Знаю,— ответил я, а сам подумал: «Ведь во вчерашнем донесении было указано. Неужели за ночь что-то изменилось?» — И уже неуверенно добавил: — Двести девяносто пятая и семьдесят первая.

Я многое рассказал бы о них, о наших «старых знакомых», с которыми слепой случайностью войны мы накрепко связаны вот уже второй год.

Нам известны не только номера их полков, но и фамилии их командиров от дивизии до батальонов и некоторых рот включительно. Нам известен и характер, и стиль «работы» этих соединений врага, их боевой «почерк».

Например, части 295-й дивизии относительно 71-й более «щеголеваты» и рассчитывают на внешний эффект. Ночью они бросают в воздух сотни обязательно разноцветных ракет, в наступлении непрерывно ведут беспорядочный огонь из автоматов, часто устраивают вылазки небольших групп, чтобы внести замешательство или панику в наши ряды, и редко до конца доводят свои действия.

71-я дивизия имела более опасный характер. Ее оборона была более продуманной и организованной.

По ночам, точно через каждые два часа,— обязательная смена дозоров, караулов, боевых охранений, расчетов на огневых точках и позициях. Об этом можно было знать и по стрельбе, которую открывали солдаты, чтобы проверить оружие.

Части этой дивизии начинали бой только после тщательной подготовки, чаще всего по утрам, наступали всегда решительно, смело, обязательно с танками, поддерживаемыми артиллерией. Солдаты шли в бой, как правило, пьяными и себя не жалели.

Не только разведчики, но и все наши бойцы за год хорошо изучили повадки солдат и офицеров этих двух дивизий, и теперь они реже заставали нас врасплох.

Обо всем этом я мог бы рассказать Чуйкову но сейчас это было не к месту.

— В районе Тракторного завода вечером,— продолжал Василий Иванович,— были обнаружены убитые солдаты из двести девяносто пятой дивизии. Достаньте «языка» и уточните, какие части перед вами.

Звонок командующего заставил нас призадуматься. От нашей полосы обороны до Тракторного завода около четырех километров. И если там найдены солдаты 295-й дивизии, это могло означать, что противник незаметно для нас сменил части. А нет ничего более позорного для командира, чем незнание того, что делается у него под носом.

Я вызвал Бакая. Он также был уверен, что перед нами в обороне те же самые немецкие дивизии. Этот

храбрый, исполнительный офицер был обескуражен. Неужели он просмотрел смену немецких частей, он, главный разведчик дивизии, умевший, как говорили про него, всегда держать руку на пульсе врага? Позор!

— Это какая-то случайность, недоразумение,— пытался оправдаться Бакай.

— Достань «языка»! — приказал я ему.

Трудно достать «языка» в условиях стабильной обороны, когда передний край заминирован и опутан колючкой, когда просматривается и простреливается каждый метр нейтральной полосы.

Но как нужен «язык»! Возможно немцы проводят перегруппировку, концентрируют высвобожденные части в ударный кулак, чтобы пробить им нашу оборону? И может, даже у нас!

Бакай, как и всегда, лично сам готовил поисковую группу разведчиков. Но ни я, ни начальник штаба Бельский не могли предположить, что сам Бакай лично поведет ее. Он никому из начальства не сказал об этом, потому что ему не позволили бы без нужды идти на риск. Этого еще не хватало, чтобы начальник разведотдела дивизии лазил за «языком».

Перед тем, как идти в поиск, Бакай, запершись у себя в каморке, внимательно изучил карту и схемы отдельных участков, опорных пунктов и узлов обороны как на нашем, так и немецком переднем крае. Замыслы Бакая всегда отличались продуманностью, умением предвидеть, предугадать развитие событий. Также до мелочей он продумал и этот замысел.

...На берегу, метрах в двухстах вверх по течению, находилась продырявленная снарядами подстанция городской осветительной сети. Рядом с ней каким-то чудом уцелела и стояла полуразрушенная кирпичная коробка двухэтажного дома, прикрывавшего дот, сооруженный в нем. Хотя дот и обороняла лишь дюжина гитлеровцев, он был неуязвим ни для артиллерийско-минометного огня, ни для огня из стрелкового оружия: этот дот был надежно замаскирован и защищен кирпичными стенами дома.

Вот этот дот Бакай и избрал объектом своего поиска. Суточный распорядок, по которому вражеские наблю-

датели дежурили в этом доте, по донесениям разведчиков, Бакаю был известен до мелочей.

Для поиска был определен ночной час незадолго до смены дежурства, когда двое наблюдателей в доте уже утомились и «клюют» носом, а двое других еще спят.

Бакай тщательно разработал сигналы взаимодействия и сообщил их оборонявшимся на этом участке подразделениям. Кроме того, для непосредственной огневой поддержки поисковой группы недалеко от подстанции были установлены и замаскированы пулеметы: справа — станковый, слева — ручной.

Группа захвата во главе с Бакаем по-пластунски подползла к стенкам подстанции и приготовилась к броску. Забравшись на ее крышу, Бакай ко входу в дот швырнул противотанковую гранату. Вслед за ним бойцы также бросили гранаты. В проволочном заграждении и минном поле образовался проход. По нему разведчики и бросились в дот.

Короткая стычка с сонными оглушенными гитлеровцами...

Казалось, все в порядке. Пора уходить. Но вдруг застрочили вражеские пулеметы, захлопали рвущиеся мины ротных минометов. Фашисты, видимо, обнаружили разведчиков и огнем пытались отрезать их от нашего переднего края. Послышались крики и топот бегущих гитлеровцев. Но было уже поздно: семь гитлеровцев лежали убитые, часть убежала, связанного «языка» волоком тащили к Волге.

Понесли потери и наши. Отходя, группа уносила на плащ-палатке павшего в рукопашной схватке своего товарища, двух раненых вели под руки.

Перед рассветом ко мне постучался Бакай.

— «Язык» взят,— как-то сквозь зубы доложил он.

Щека майора была залеплена пластырем.

— Что с вами? — спросил я.

— Наткнулся в темноте на гвоздь,— ответил он, отводя взгляд в сторону.

Начали допрашивать пленного.

Это был огромного роста пятидесятилетний рыжий верзила, солдат из 295-й дивизии, попавший на передовую из хозяйственного подразделения. Мы с Бакаем переглянулись: видно, Паулюс изрядно пообезлюдел, если начинает подчищать тылы.

Пленный сказал, что их дивизия по-прежнему обороняется перед нами, а на Тракторный завод откомандирован один только саперный батальон, и то только на время, так как дивизия скоро собирается наступать.

И я, и Бакай облегченно вздохнули: еще бы, мы не посрамили своей чести и точно знали, что у противника перед нами по-прежнему никаких изменений.

— Когда решено наступать? — спрашиваем мы пленного уже спокойно, без лишнего нетерпения.

— С началом ледостава на Волге,— отвечал верзила.

Это не было для нас новостью, и мы исподволь готовились к тому, что Паулюс непременно будет рассчитывать на такой важный фактор, как длительное в этом бассейне замерзание Волги, когда естественно на какое-то время мы будем отрезаны от «Большой земли», от наших тылов.

Но было непонятно, почему неприятель предполагает, что мы, в свою очередь, не учитываем этого события и не готовимся к нему.

Мы спросили об этом пленного.

— Наше командование думает, что у вас не хватит плавучих средств, чтобы переправить достаточно груза на этот берег на время ледостава,— отвечал он.

И это сообщение нас удивило: неужели противник думает, что мы так не предусмотрительны и не приняли заблаговременно мер?

Кстати, в последнее время мы обратили внимание, с какой настойчивостью гитлеровцы охотились за нашими переправочными средствами.

Вражеские снайперы, артиллеристы и летчики открывали сильный огонь и атаковали даже обыкновенные рыбачьи лодки, не говоря уже о катерах, пароходах и баржах, появлявшихся на воде.

Противник собирался всеми способами нарушить переправу, мы же — сохранить ее. С тех пор, как мы появились здесь, не было дня, чтобы мы не думали о ней. Она связывала нас, дравшихся с врагом на узкой полосе сталинградской земли, с заволжским тылом, нас, отрезанных врагом и рекой от всей страны.

Тяжело было нам наладить и поддерживать бесперебойную работу переправы. Смерть на каждом шагу подкарауливала храбрецов, выполнявших эту ответственную задачу.

Гитлеровцы по-прежнему занимали в городе господствующие высоты, просматривали почти весь правый берег и зеркало реки, простреливали значительную часть левого берега.

День и ночь над Волгой свистели вражеские пули, шелестели снаряды, визжали авиационные бомбы, от взрывов поднимались столбы воды.

Но переправа работала. Так как значительная часть катеров была выведена из строя, а те, что уцелели, были заняты главным образом переброской частей, прибывавших на пополнение армии, то дивизия уже в сентябре создала свою собственную «флотилию». Она состояла из сорока весельных и трех небольших моторных лодок и вынесла на себе основную тяжесть переправы.

В основном бойцы действовали ночью. С наступлением темноты левый, восточный, берег оживал. Из складов, замаскированных в пяти-шести километрах от реки, подвозили грузы. Их распределяли по лодкам, и отважные воины пускались в рейс.

Бывало идет такая лодка, полная боеприпасов, а вокруг — огненный ад. И надо грести! Стоит замешкаться,— и могучее течение отнесет лодку к той части берега, где находится неприятель.

Не помню, чтобы кто-нибудь из лодочников струсил. Но случалось, когда тот или иной боец, поработав на переправе, заявлял:

— Пошлите меня на самый трудный участок переднего края: я здесь больше не могу.

И мы удовлетворяли его просьбу. Мы понимали, что существует предел нервного напряжения. И что оставлять такого человека на переправе — значит обрекать его на гибель.

Майор Ф. Зернов, начальник отдела вещевого снабжения дивизии, отвечавший за доставку грузов, подсчитал, что за два месяца (с середины сентября) «лодочная флотилия» перевезла на правый берег около тысячи тонн боеприпасов и снаряжения. Но стоило это многих человеческих жизней. Волжская пучина навсегда погребла десятки отважных лодочников.

Бойцы и командиры, работавшие на переправе, занимали достойное место в рядах сталинградских героев.

Однако самые трудные дни для нас наступили в ноябре, когда на Волге появился плавучий лед. Переправа

почти прекратилась, так как лодки затирало льдом и относило к вражескому берегу. Но дня через четыре-пять отважные лодочники еще раз доказали, что они — подлинные герои. Они освоились со стихией и, невзирая на плывшие льды, снова стали переправляться через Волгу.

Следует подчеркнуть, что за все время обороны у нас не было сколько-нибудь серьезных перебоев со снабжением. И в этом, конечно, большая заслуга подполковника Юрия Андрийца, майора Федора Зернова, капитана Верховцева, ведавшего продовольственно-фуражным снабжением, и всех работников тыла дивизии.

* * *

Большую роль в этот период играли наши медработники, в частности, подполковник Виталий Иванович Медведев, начальник медсанслужбы дивизии, прибывший к нам вместо переведенного в другое соединение полковника Ивана Ивановича Охлобыстина. Он отвечал за своевременное оказание помощи раненым. А организовать такую помощь, особенно тяжелораненым, было нелегким делом.

Медсанбат дивизии находился вместе с нашими тыловыми учреждениями на восточном берегу. Он был расположен в хуторе Бурковском, в нескольких километрах от Волги. Такое относительно отдаленное расположение медсанбата от переднего края диктовалось необходимостью хотя бы минимально обеспечить раненых от угрозы вражеского обстрела и создать более или менее нормальную обстановку для работы врачей.

Командовал медсанбатом подполковник В. Пустовойтов, энергичный и толковый, воевавший вместе со всей своей семьей: женой-врачом и дочерью-сандружинницей, ставшей воином-медсестрой.

На правом берегу, в непосредственной близости от ведущих бой подразделений, было развернуто хирургическое отделение. Его оборудовали в просторном блиндаже. Постарались навести здесь элементарную чистоту, настелили пол, завесили стены белыми простынями.

Здесь оказывалась первая помощь. А затем раненых отправляли за Волгу.

Нет нужды описывать, как тяжела была эта переправа. Но трудности на этом не кончались. Медсанбат, хоть и был расположен на восточном берегу, но находился в зоне почти не прекращавшихся налетов вражеской авиации. И частенько нашим медикам приходилось работать под грохотом разрывавшихся бомб. К сожалению, далеко не все налеты сходили благополучно. Во время одного из них бомба попала в дом, где вместе с ранеными было несколько медработников. Все они погибли. Среди них была и жена начальника медсанбата.

Но, конечно, наибольшей опасности подвергались медики, работавшие на западном берегу. Здесь геройски трудились врачи Шкуренко, Д. И. Петровский и другие. Они спасли жизнь сотням гвардейцев.

С особенным чувством уважения вспоминаю рядовых медработников, тех, которые, ежеминутно рискуя жизнью, выносили с поля боя раненых бойцов. Во время горячих сентябрьских боев санинструктор долговского полка Иван Мухин выносил по тридцать раненых в день, а медсестра Вера Титовская спасла жизнь почти сорока бойцам и командирам. По тридцать человек в день перевязывала и отправляла к переправе девятнадцатилетняя медсестра, сталинградка Нина Сапрыкина, в «доме Павлова» заботливо ухаживала за ранеными медсестра Мария Ульянова. Да разве перечислишь все имена этих скромных, но незаменимых тружеников, которым тысячи советских людей обязаны спасением своих отцов, братьев, сыновей!

Героизм наши воины обычно проявляют на поле боя. Но мне рассказывали медсанбатовцы, как вели себя раненые бойцы в тылу.

Как правило, раненых приходилось уговаривать остаться в медсанбате, некоторые удирали обратно в часть. Однажды И. И. Охлобыстин сказал: «У меня сложилось одно впечатление: у каждого раненого бойца — великое чувство нравственного удовлетворения, что он был в бою. Раненые стремятся как можно скорее вернуться в свою часть». А ведь некоторые из них боролись со смертью. И смерть отступала. Ее побеждало великое чувство патриотизма и долга солдата.

...Через несколько дней резко похолодало, появились забереговины — серое «сало», а через пару-другую дней пошла шуршащая шуга — предвестница осеннего ледостава.

Надо было спешить с вывозом из дивизионного обменного пункта зимнего обмундирования, боеприпасов, медикаментов, продуктов. Кто знает, сколько будет замерзать Волга, когда будет ледяной путь?

Да и что, кроме новых тревог, принесет нам замерзшая река? Ведь соседи на левом фланге дивизии — гитлеровцы, и вряд ли они не воспользуются возможностью по льду зайти к нам в тыл. Пока же нас хранила волжская вода!

С середины ноября снег стал припорашивать землю. Однажды утром защемило глаза от ослепительной белизны. На первом снегу особенно тягостно выглядели развалины зданий, полуразрушенные корпуса заводов с обвалившимися трубами. И студеные воды Волги показались черными, жуткими.

Наступила пора закрывать переправу. В последний рейс от левого берега должна была отправиться огромная баржа с грузом и пополнением дивизии — около пятисот бойцов-сибиряков.

Переправа баржи была поручена подполковнику-саперу Г. А. Гулько. С ним в рейс пошли несколько саперов и ординарец командира саперного батальона Петр Воронько.

Опытные лодочники-саперы искусно провели свои маленькие шлюпки, которые благополучно причалили к левому берегу.

Огромная баржа, стоявшая у берега, была тщательно замаскирована. К ней беспрерывным потоком тянулись машины с потушенными фарами и подводы.

Противник изредка швырял снарядами по левому берегу.

Они стали ложится все ближе и ближе к переправе. Недалеко от нее взметнулся столб огня: один снаряд угодил в машину с боеприпасами. Они начали рваться. Гитлеровцы, считая, видимо, что нащупали склад с боеприпасами, усилили огонь.

А тем временем погрузка боеприпасов закончилась, велась посадка пополнения — воинов-сибиряков. Саперы проверяли крепления, укладку груза.

Когда все было готово к отплытию, за штурвал катера встал Соркин.

— Полный вперед! — скомандовал он.

Бронекатер рванул, но баржа — ни с места. Попробовал еще раз и еще — то же самое. Перегруженное судно прочно село на песчаное дно и, казалось, не хотело расставаться с мирным берегом Волги. Тогда бойцы стали прыгать в ледяную воду. Сотни рук протянулись к барже, к ее шершавым бокам. Послышались команды, рывок, другой — и баржа медленно начала сползать с мели. Всплыв и качнувшись, она покорно пошла за буксиром, оставляя за собой черный след в густом сером «сале».

Надрывно, с перегрузкой гудит двигатель катера. Соркин отыскивает полыньи, стараясь обойти заторы и большие льдины.

Вот катер с разгону выскочил на одну из льдин, но сползти с нее не смог — не хватило сил. И течение, подхватив весь караван, понесло его вниз по Волге.

И опять сотни сильных рук пришли на помощь катеру. Схватившись за буксирный трос, бойцы стащили катер со льдины.

Медленно тянется время, еще медленнее идет баржа с грузом. И вдруг мощные взрывы потрясают ноябрьскую ночь. Артиллерийский обстрел... Лед вокруг затрещал, вода забурлила, ледяные брызги и осколки обрушились на людей. Задубела одежда.

Тяжелые минуты переживали люди. Секунды казались вечностью. А снаряды ложились все ближе и ближе. Вот рядом с кормой раздался оглушительный взрыв и огромный султан воды, перемешанной с кусками льда, накрыл баржу. Взрывная волна слизнула за борт сапера Петра Воронько.

Старшина Гринь, первым заметивший, как упал Воронько, на ходу сбросил шинель, чтобы помочь утопавшему товарищу. «Стой!» — останавливают его. Бросаться в воду было бессмысленно: льдина могла накрыть их обоих.

А вокруг по-прежнему взрывы, взрывы, взрывы!.. Но люди уже не обращали на них внимания. Быстро доста-

ли багры, зацепили ими разбухшую шинель сапера. И в этот момент льдина, накренившись, прижала Воронько к борту. «Ноги!» — не своим голосом кричал он. Но опасность уже позади: сапера тянули вверх. Он босой: сапоги остались в Волге. И только Воронько зашлепал по палубе, как сильный взрыв мины встряхнул корму баржи. Вспыхнул пожар. Горели медикаменты. Рядом с ними находились боеприпасы. Момент был поистине критический: в любую минуту все могло взлететь на воздух.

Пламя, подгоняемое ветром, быстро распространялось по палубе, все ближе и ближе подкрадываясь к смертоносному грузу. Еще минута — и всем конец!

Но гитлеровцы рано злорадствовали, считая наших воинов уже мертвецами. Никто из команды не дрогнул. Без паники все вступили в единоборство с огнем. Задыхаясь от едкого дыма, обжигая руки, лица, сбивая пламя шинелями, они швыряли в воду охваченные огнем ящики.

Сколько времени длилась эта борьба — никто сказать не мог. Но вот пламя сбито, дым прекратился. Что это? Враг решил пощадить нас? Не может быть! Он хорошо пристрелялся и, наверно, догадывался, что могло быть в барже.

Однако все скоро прояснилось. Над передним краем обороны противника появились наши ночные бомбардировщики По-2. Сбрасываемые ими бомбы кромсали траншеи, окопы, укрытия врага. Фашистам было не до баржи.

...С большим трудом пострадавший «ковчег» добрался до Сталинграда. Бойцы вышли из «нор» крутого берега Волги. И уже не приглушенное ликование, а мощное солдатское «ура!» разорвало ночную тишину. Стоя по пояс в ледяной воде, бойцы начали быстро разгружать баржу. Никто не подгонял их, никто не командовал. Пока По-2 «занимались» противником, баржа была разгружена.

Старший лейтенант Соркин, капитан бронекатера, приказал отцепить буксир, забрал на борт тяжелораненых, сделал в судовом журнале отметку: «16 ноября 1942 года в 4.00 доставил груженую баржу имени НКВД с боеприпасами, пятьсот человек пополнения», и взял курс на левый берег Волги.

— У многих из нас, плывших в ту ночь на барже,—

вспоминает Гулько,— виски будто снегом припорошило. А ведь это была только одна ночь из ста сорока дней и ночей, проведенных в Сталинграде...

Так закончился этот последний рейс через Волгу глубокой осенью 1942 года. Это был подвиг, отмеченный Михаилом Ефимовичем Соркиным в судовом журнале двумя скупыми словами: «доставил баржу».

К утру гитлеровцы дважды бросались в атаку, но безуспешно. Город лежал в развалинах, но не сдавался. Натиск противника начал заметно ослабевать.

Если фашисты тогда на весь мир кричали, что захват твердыни на Волге задерживается из-за того, что русские имеют в городе мощные и сверхмощные укрепления, то на деле ничего подобного не было. Город имел лишь одну прочную оборонительную защиту, название которой — стойкость советских людей.

А утром 17 ноября великая русская река стала. Сиротливо смотрела на крутой берег Волги одинокая баржа, крепко скованная во льдах.

ЗАЛОГ ПОБЕДЫ

Сталинградская битва далеко не была похожа на такое сражение, как, скажем, исторические Куликовская битва, Полтавский или Бородинский бои, исход которых решался в течение одного-двух дней. Битва на Волге началась в июле 1942 года и закончилась в феврале 1943 года, и хотя она длилась «двести огненных дней», это была одна битва, одно сражение, не прекращавшееся ни на минуту, разве только распадавшееся на отдельные очаги.

Наступать с одинаковой интенсивностью на фронте в шестьдесят пять километров в течение почти шести месяцев невозможно было ни нам, ни противнику.

Бывалые солдаты, особенно моряки, участвовавшие в обороне таких городов, как Одесса и Севастополь, говорили, что здесь, в Сталинграде, гитлеровцы применяют один и тот же метод настойчивого, последовательного прорыва нашей обороны посредством расчленения наших боевых порядков с тем, чтобы уничтожить их по частям. Главная роль в этом методе отводилась внезап-

ному массированному вводу в действие технических средств — авиации, танков, артиллерии и минометов.

С точки зрения современного способа ведения боевых действий все это было как будто правильно, даже необходимо, как единственное средство добиться победы. И в то же время, если и достигался при этом какой-либо успех, то он был частным, недолгим, сводившимся на нет при нашем ответном ударе.

Вся слабость метода прорыва нашей обороны противником заключалась в его неправильном понятии разницы между машиной и солдатом гитлеровской армии. То, что легко достигалось броней и гусеницами танка, массированным огнем пушек или бомбовым ударом авиации, то нелегко было удержать вражеской пехоте с далеко несовершенными ее качествами.

Как только боевая техника врага прекращала действие, будь то самолет, орудие или танк, то его пехота сразу же теряла чувство уверенности в себе, необходимое для боя психическое равновесие. И вот в такой момент, не давая неприятельской пехоте опомниться, закрепиться на только что занятом ею участке, наша пехота, как стальным ножом, прорезала такой участок.

Так было и в Одессе, и в Севастополе, и в Сталинграде.

Ценою тяжелых потерь гитлеровцы вколачивали клинья в нашу оборону, предполагая расчленить ее на части и тем самым деморализовать наши войска, ослабить их волю к сопротивлению.

Три больших клина были вбиты в 62-ю армию, но армия продолжала оставаться единым, цельным организмом, не только неуязвимым, но способным наносить противнику ответные жестокие удары.

Это было похоже на чудо. Расчлененная на три части вражескими клиньями, уткнувшимися в Волгу, отделенная от своих тылов широкой рекой, 62-я армия сражалась, уверенная в победе.

В подобном, примерно, положении, хотя и меньшего, конечно, масштаба, находилась и наша 13-я дивизия. От своих тылов и артиллерийского полка она тоже была отрезана Волгой; слева имела соседа — противника, а глубина ее обороны не превышала дальности действенного огня не только винтовки, но даже «шмайсера» — автомата.

Дивизия, отвоевав у гитлеровцев ту часть города, которую они заняли, имея над нами трех-пяти, а то и десятикратное превосходство в танках, артиллерии и авиации, не говоря уже о живой силе, упорно удерживала ее и наносила захватчикам чувствительные потери.

Это тоже походило на чудо. И оно было порождено прежде всего сознанием высокой ответственности за судьбу страны всеми гвардейцами — от рядовых бойцов до командования дивизией; пониманием великой освободительной миссии, которая легла на плечи каждого из защитников Сталинграда; чувством гордости, что каждый из них находится на переднем крае великой битвы, и не двух враждующих государств или их группировок, как это бывало раньше, а двух миров; наконец, самым простым естественным чувством — не стать рабом нацистских варваров самому и членам своей семьи, в противном случае — лучше сложить свою голову.

И какие бы клинья гитлеровцы не вбивали в наши войска, как бы ни дробили наши силы, каждый наш боец, пусть даже один из оставшихся на огневом рубеже, чувствовал себя неотделимой частью армии и народа.

* * *

Я часто бывал в «доме Павлова», но первое впечатление, как всегда, самое яркое, памятное.

Ночь выдалась тогда хоть глаз выколи. На несколько секунд ослепит вспышка осветительной ракеты, а потом — кромешная тьма, еще более густая, пока не свыкнется глаз.

Теперь к дому можно было подойти более или менее безопасно. У самого пролома, завешенного плащ-палаткой, я остановился. Просто ошеломляюще неожиданно из «крепости» донеслась фривольная довоенная песенка: «У самовара я и моя Маша, а за окном становится темно...»

Я нагнулся, откинул занавес из плащ-палатки и вошел в тот отсек подвала, где был установлен станковый пулемет.

Ко мне растерянно шагнул невысокий чернявый сержант в полинявшей гимнастерке, в коричневой кубанке и под слова: «как самовар, кипят желанья наши», звучав-

шие с крутившейся на патефоне грампластинки, отрапортовал, что гарнизон занимает оборону, что докладывает об этом сержант Павлов. О «доме Павлова» в то время так много говорили и писали, даже в центральной печати, что сам Павлов мне стал представляться этаким чудо-богатырем. Однако тогда я встретил ничем по внешности не примечательного младшего командира: невысокого роста, чернявого и никакого не богатыря. Доложив, он щелкнул рычажком патефона. Тот, всхлипнув по оборванной песенке, замолк.

Я не мог не улыбнуться: уж больно необычен был здесь патефон, полумрак, настраивавший на мечтательность, и грозный, направленный в ночную темень станковый пулемет. Вместе со мной улыбнулся Павлов, заулыбались и остальные.

Эти молодые ребята, все время державшиеся в постоянном напряжении, как взведенные курки, очень нуждались в задушевном разговоре и в простой человеческой улыбке.

Мы разговорились. Беседа с Павловым и Глущенко, Александровым и Черноголовым, Вороновым и Иващенко и другими воинами гарнизона еще раз подтвердила уже давно сложившееся у меня мнение, что герои — это такие же обыкновенные люди, которые, может быть, сделали чуть-чуть больше, чем другие.

Павлову было дано задание только разведать, кто в доме, и он, узнав, что в доме гитлеровцы, мог бы и уйти. Но он не ушел. Он знал, что на войне ночью и врагам страшно, а так как у страха глаза велики, то почему бы не попугать фашистов, а заодно и не узнать, много ли их.

Когда Павлов приказал Александрову и Глущенко охранять вход в секцию, а Черноголову подстраховать его, то сам он, распахнув ногой дверь, по сути дела остался один на один со своей собственной судьбой и бросился на врагов, не зная их численности.

Но в то же время Павлов, учитывая психологическое воздействие ночного боя, знал цену отваги, и когда появился в грохоте рвущихся гранат, в зловещем треске своего автомата, извергавшем смерть, то парализовал всех тех врагов, которые еще уцелели. Единственное, на что они в этот момент были еще способны, так это выпрыгнуть в окно.

Павлов и его товарищи не знали, что в этом доме больше не было фашистов. Но если бы они и были, то вряд ли у кого-либо возникло сомнение в мужестве героев: от боя они не уклонились бы, хотя и могли уклониться — ведь то, что им было приказано, они выполнили.

Убедившись, что дом в их руках, они решили его оборонять, проявив при этом недюжинную инициативу и дальновидность: дом стоял на выгодном в тактическом отношении участке, занимая в обороне не только елинского полка, а и всей дивизии едва ли не ключевую позицию. Кроме того, «местное население»... Что бы с ним сделали фашисты, если бы они снова заняли дом?

Под стать Павлову были и его подчиненные. Глущенко, несмотря на то, что был более чем в два раза старше сержанта, уважительно называя его Яковом Федотовичем, сказал мне:

— Яков Федотович заявил нам, что если мы и уйдем из этого дома, то только вперед. Вот мы этой линии и держались...

— Да меня бы совесть замучила, если бы мы бросили мирных жителей на растерзание фашистских варваров. Там же дети малые, и опять же женщины и старики,— говорил Черноголов.

А когда на третий день, перед приходом лейтенанта Афанасьева с бойцами, Павлов и его друзья, отбивая особенно ожесточенную атаку врага, не думали остаться в живых, Александров финкой вырезал на отсыревшей подвальной стене:

«Здесь стояли насмерть гвардейцы...»

Фамилии он дорезать не успел: гитлеровцы снова пошли в атаку.

Так появилась вторая мемориальная надпись на сталинградском здании: первая была вырезана, видимо, штыком на цоколе вокзала кем-то из передового отряда Червякова.

Однажды в полдень завязался тяжелый продолжительный бой. Вначале гитлеровцы обрушили на здание сотни снарядов и мин. Они рвались на чердаке, залетали в комнаты, пробивали мебель, застревали в стенах. Большинство наших бойниц и амбразур было ослеплено шквалом огня.

Снаряды и фугасные мины сотрясали здание. Рухну-

ла четвертая секция, заживо погребя несколько героев-защитников.

Были ранены Черноголов, Ромазанов, Павлов, Иващенко, Воронов. Но никто из них не ушел в тыл, как им ни предлагал Афанасьев.

— Я не могу, я один остался — бронебойщик,— отказывался Ромазанов.— Кто будет у ружья?

— А я со своим «максимом» расстанусь только тогда, когда руки и ноги перестанут двигаться,— в тон ему проговорил Воронов.— Вон они, сволочи, опять лезут. Как тут уйдешь? Девчата перевяжут, с нас и хватит...

Две девушки «из подвала» — Галя и Нина, во время боя постоянно находились среди бойцов. Они собирали случайно оброненные патроны, разогревали обед, перевязывали раненых, чем могли, помогали санинструктору роты Марусе Ульяновой.

Мужественно держались Александров и Иващенко — коммунисты гарнизона. Что-то общее было в характерах этих двух воинов. Чем сложнее и тревожнее создавалась обстановка, тем спокойнее они становились. Они пренебрегали опасностью, никогда не теряли присутствия духа, служили образцом выдержки и отваги для всего гарнизона.

По дому снова стала бить вражеская артиллерия, снова помещения наполнились пороховой гарью и известковой пылью. Но вот в грозную музыку артподготовки стал вплетаться новый звук — звук разогреваемых моторов. Танки!

И действительно, как только смолкли орудия, на площади, заваленной трупами гитлеровцев, из-за «молочного дома», прозванного так за белизну его стен, показались танки, а следом за ними из-за развалин поднялась немецкая пехота.

Заговорили наши автоматы, застрочил «максим», раздались выхлопы противотанковых ружей. Первый танк, наткнувшись на мину, закружился на месте, распластывая на снегу перебитую гусеницу, но второй, как заговоренный, невредимым шел к дому.

Ни с одной огневой позиции не удалось подбить этот танк: слишком искусен был его водитель, бросавший машину то вправо, то влево.

Пули, выпускаемые из нашего противотанкового ружья, рикошетили от бортов танка, не говоря уже о его

лобовой броне. А наступавшие фашистские автоматчики, пулеметчики, стрелки и снайперы из ближайших развалин зданий и окопов вели такой огонь по дому, по его окнам, амбразурам и бойницам, что нечего было и думать о прицельной стрельбе.

Один за другим выбывали бойцы. В живых осталось только одиннадцать человек, а танк уже подходил к зданию. Под его прикрытием вражеские автоматчики могли ворваться в дом.

Но вот из развалин четвертой секции выполз Ефремов с противотанковыми гранатами в руках.

Все в доме, кто в эту минуту наблюдал за единоборством ничем не защищенного человека со стальным чудовищем, увидели, как в танк полетели одна за другой две гранаты, как он весь окутался черным дымом, как приподнялась и тут же захлопнулась крышка люка.

Танк горел, и было слышно, как внутри его рвались патроны и снаряды.

Залегшие цепью гитлеровцы тоже видели это. Они кинулись было к зданию, но разом заговорившие огневые средства, какие только были в доме, заставили их снова залечь.

Несколько раз фашисты почти вплотную прорывались к стенам дома, но каждый раз откатывались назад. Наконец, оставив на площади несколько десятков трупов, они отступили.

Когда дым рассеялся, бойцы увидели Ефремова возле обгоревшего танка. «Что с ним, ранен и нуждается в помощи или убит?» — думали они.

Комсомолец Мурзанов, несмотря на знобящий душу посвист пуль, пополз к танку. Он дважды был ранен, но вынес товарища.

Павлов прижал ухо к груди Ефремова. Сердце не билось... Тогда Павлов, расстегнув шинель и воротник гимнастерки бойца, извлек из внутреннего кармана липкий от крови комсомольский билет. Осторожно раскрыв его, прочел номер: 5 348 153. Между листками билета была заложена записка:

«Клянусь мужественно и храбро драться с врагами нашей Родины — немецко-фашистскими оккупантами. За нашу славную большевистскую партию, за наш народ не пожалею своей крови и самой жизни. Ефремов».

Герой выполнил свою священную клятву.

Вскоре на приступ дома бросилось до батальона гитлеровцев с танками, и, возможно, туго пришлось бы его гарнизону, если бы не оказанная накануне помощь —пулеметный взвод, выделенный из отдельного пулеметного батальона.

Пулеметы работали беспрерывно. Они так перекалялись, что еле успевали менять в их кожухах воду. Вражеских танков было много, и наши артиллерия, противотанковые ружья и гранаты могли не задержать их. И все же к концу дня противник выдохся.

Беседуя с пулеметчиками, я спросил у одного, какую роль он выполнял в бою.

— Сразу три, товарищ генерал,— ответил он.— Командир расчета, наводчик и подносчик патронов выбыли из строя в начале боя. Вот и пришлось одному в трех ролях воевать.

Я нагнулся над его пулеметом. В секторе обстрела то тут, то там валялись убитые гитлеровцы. А один застыл в нескольких метрах от пулемета, с гранатой в руке.

— Перекос ленты произошел,— объяснял боец.— Пока устранял, этот фриц подбежать успел. Пришлось полоснуть по нему из автомата.

Столкнувшись в доме с заместителем командира отдельного пулеметного батальона майором Плетухиным, я предложил ему представить отважного гвардейца к награде.

При встречах с Плетухиным я не раз собирался спросить его, где мы виделись раньше. Его лицо казалось мне знакомым. Но все как-то не удавалось разговориться на не служебные темы.

— Где мы виделись раньше, майор? — обратился я к Плетухину.

Он заметно покраснел, смутился и, улыбнувшись такой грустно знакомой улыбкой, сказал:

— В детстве, товарищ генерал... В селении Шарлык, на нашем Оренбуржье...

Так вот оно что!..

— Саша! — вырвалось у меня.

— Я, Александр Ильич!

Мы обнялись.

— Что ж ты раньше-то молчал? — упрекнул я Плетухина.

— Да все как-то стеснялся,— признался он.

— В одну ведь школу вместе ходили...

— Тогда безо всяких знаков различия обходились... И если воевали, то больше в городки...

— Или на кулачках,— добавил я.

Наверное, всем, кто проходил мимо нас, было в диковинку: вот, мол, сидят два начальника и отрешенными глазами смотрят куда-то в пространство, сквозь эти ободранные и обшарпанные осколками стены.

В моей памяти вперемешку всплывали горестные и радостные картины далекого прошлого.

...Однажды вечером возвращаюсь домой. Увидев меня, соседка тетка Марфа почему-то уткнула лицо в фартук. В предчувствии какой-то злой беды я вскочил в хату. У окна плачущие сестры прыскают в бледное, какое-то безжизненное лицо матери водой. Потом все мы бережно переносим ее на кровать. Наконец, мать приходит в себя и, обняв меня за шею рукой, сотрясается в надрывном плаче. Из бессвязных слов сестер я узнаю, что наш отец сегодня умер в колчаковской контрразведке.

— Замучили нашего кормильца,— слышу я прерывистый голос матери.

— ...Красные! Красная Армия! — кричат на улице.

Не доев, я бросаю ложку, выскакиваю в открытое окно и бегу вслед за орущей ребятней. Мы уже наслышались, что колчаковцы под ударами красных войск улепетывают в Башкирию.

Подымая пыль, в село въезжали конники. На фуражках и шлемах — красные звезды, за плечами — всамделишные карабины, а на левом боку — шашки с темляками.

То один, то другой из конников склонялся над седлом, выхватывал из толпы ошалелых от восторга ребятишек и усаживал перед собой.

— Сигай ко мне, хлопец,— услышал и я, когда потная грудь лошади поравнялась со мной.

Не помню, как я очутился в седле красноармейца. Горячая волна радости перехватила мне дыхание...

— Ты встречал тогда Красную Армию? — спросил я сейчас Плетухина.

— Встречал,— ответил он.— Меня даже один кавалерист в седло к себе поднял.

Не с того ли часу на улице мы играли только в «красные и белые», нашей вожделенной мечтой стало скорее подрасти, чтобы пойти служить в Красную Армию, а нашей любимой песней была песня «Мы красная кавалерия и про нас...»?

— Пишут из дому? — продолжаю я интересоваться.

— Да,— словно встряхиваясь от воспоминаний нашего детства, отвечает Плетухин.— Колхоз этот год хорошо закончил. Там ведь движение началось: работать так, как защищают Сталинград.

— Слышал,— говорю я.

— Ну, а нам, выходит, воевать надо так, как там работают...

И мы, будто соревнуясь, кто больше знает, стали делиться друг с другом последними новостями из родного села.

Юные пахари Шарлыкского района — пятнадцати-шестнадцатилетние Александр Калужский, Николай Денисов, Иван Набатчиков и Михаил Стрельников — в три-четыре раза перевыполняли нормы при вспашке под зябь на быках. Они работали с рассвета и до поздней ночи...

Наши земляки помогли дивизии в приобретении вооружения и боевой техники. На свои сбережения житель села Каратай Миляев, председатель колхоза «Новый путь» Поздняков и председатель колхоза имени «Второй пятилетки» Сергей Евдокимович Кожман купили по боевому самолету Як-6.

Пчеловод Сергей Дубинин из колхоза имени Жданова, Скузаватов Иван Поликарпович из колхоза имени Калинина и Килигин Дорофей Кузьмич из колхоза «Зеленый лужок» внесли в фонд дивизии по сорок тысяч рублей на приобретение, как они писали, пушек, пулеметов и танков.

— Это же святое дело,— заключил Плетухин.

Он гордился нашими земляками, сознательно разделявшими с нами тяжесть лишений и испытаний, легших на плечи всего советского народа. Гордился и я.

Наши односельчане слали сюда, «в пылающий адрес войны», как они называли Сталинград словами распространенной тогда песенки, незнакомым бойцам и командирам письма, сало, масло, мед, традиционные кисеты для махорки, а также теплые вещи, шарфы, свитеры

и варежки, связанные из знаменитой оренбургской шерсти.

Сколько тепла, нежности, заботы и любви было в этих письмах и подарках от простых сельских тружеников, которые, быть может, отрывали от себя последнее, лишь бы чем-нибудь облегчить участь советских воинов!

Я достал из кармана гимнастерки одно такое письмо. Оно в октябре сорок второго года было принято на митингах в совхозах и колхозах Шарлыкского района и посвящено защитникам Сталинграда. Я еще не успел передать его комиссару дивизии М. М. Вавилову, чтобы его зачитали в подразделениях.

Склонившись над письмом, мы с Плетухиным стали читать:

«Все мы воодушевлены одним чувством, одним желанием — добиться скорейшего и окончательного разгрома немецко-фашистских полчищ и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев. Мы будем в первых рядах всенародного социалистического соревнования.

Все — для фронта, все — для победы!

Смерть немецким оккупантам!»

Мы помолчали, думая каждый о своем. Но, как иногда бывает, думы наши оказались общими.

— Нет, не сломит нас противник,— опередив меня, высказал Плетухин только что промелькнувшую у меня в голове мысль.— Весь народ стоит за нами!..

Весть о том, что советские войска в районе Сталинграда 19 ноября 1942 года перешли в наступление, облетела всю нашу страну, весь мир. Именно здесь, в междуречье Волги и Дона, той глубокой осенью все человечество увидело занимавшуюся зарю победы над фашизмом. По группировке гитлеровских войск обрушили удары соединения Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов.

Наступая с двух сторон — северо-западнее и югозападнее города, советские дивизии прорвали фронт неприятеля и, развивая успех, 23 ноября окружили двадцать две вражеские дивизии.

Первый период битвы на Волге закончился. Второй начался. Советские войска приступили к ликвидации ок-

руженной группировки. 20 ноября Военный совет фронта обратился ко всем войскам с призывом:

«Гитлер и его банда обманули немецкий народ, ограбили европейские страны и обрушились на наше государство. Врагу удалось дойти до стен Сталинграда.

У стен волжской твердыни мы остановили его. В результате действий наших войск противник в боях под Сталинградом понес колоссальные потери. Бойцы и командиры фронта показали пример доблести, мужества и геройства.

Теперь на нашу долю выпала честь начать стремительное наступление на врага... В наступление, товарищи!»

Естественно, что в ноябре-декабре основная тяжесть наступления легла на войска, действовавшие северо-западнее и юго-западнее города.

Задача 62-й армии, сражавшейся в самом городе, заключалась в том, чтобы полностью взять инициативу в свои руки, и наступая, сковывать окруженного противника, не дать ему возможности перебросить ни одного солдата на другие участки.

Все понимали, что выполнить эту задачу будет нелегко. Гитлеровцы создали перед фронтом 13-й гвардейской дивизии мощную сеть инженерных укреплений. Каждый квартал они простреливали из пулеметов, орудий и минометов. Каждый дом, каждый метр приходилось брать штурмом, преодолевая ожесточенное сопротивление противника.

И вновь гвардейцы показывали чудеса храбрости и героизма. Они дрались так, будто у них не было за спиной более двух месяцев тяжелых, изнуряющих боев, словно со свежими силами шли они на штурм укреплений врага. Рассказывать об этих памятных днях — значит рассказывать о сотнях схваток, которые завязывались повсюду на истерзанной сталинградской земле.

В этом наступлении продвижение на несколько метров означало успех, а взятие дома — крупную победу. Но мы сознавали, что сковываем силы врага, лишаем его возможности маневрировать в городе. Если мы продвигались на метры, то наши товарищи, сражавшиеся в чистом поле, тем временем выигрывали километры, блестяще осуществляя план полного уничтожения вражеской группировки.

Еще в сентябре-октябре гитлеровцы, используя крупные здания, создали перед фронтом наших полков ряд мощных опорных пунктов и узлов сопротивления. Некоторые из них были уничтожены еще до нашего наступления. Но большинство этих зданий противник крепко держал в своих руках. Теперь перед нами встала задача взять их штурмом.

Одним из первых в конце ноября было решено взять здание Военторга. Оно стояло на углу Солнечной и Республиканской улиц. Создав здесь крупный узел обороны, гитлеровцы причиняли много хлопот бойцам полка Долгова, перед фронтом которого находилось это здание.

— Мало мы критикуем военторговцев,— шутил кто-то.— Ну, скажите на милость, зачем они такой дом здесь отгрохали? И ведь как поставили! Все «хозяйство» Долгова враг под контролем держит.

Гвардейцы батальона И. И. Исакова пошли на приступ этого узла обороны. Гитлеровцы встретили их ураганным огнем. Из каждого окна, из каждой щели били пулеметы, строчили автоматы. Но ничто не могло сдержать наши штурмовые группы. Вихрем, сметающем все на своем пути, ворвались они в здание.

Оказалось, что глухими капитальными стенами оно разделено на несколько помещений. Пользуясь этим, фашисты после того, как их вышибали из одного помещения, переходили в другое, прочно баррикадировали двери и продолжали сопротивление. На помощь штурмовым группам пришли саперы. Подорвав стены, они разрушили капитальные перегородки. В проломы ринулись наши бойцы и полностью очистили здание от врага.

В то время как шел бой за здание Военторга, другие подразделения батальона Исакова атаковали находившееся рядом здание школы и также захватили его. Но гитлеровцы решили любой ценой вернуть потерянную позицию. Дважды они прорывались к школе, и дважды их отбрасывали. К вечеру противник подбросил к школе, удерживаемой горсткой бойцов, более роты автоматчиков и два танка. Под покровом темноты они пошли в атаку. Шестеро воинов вступили с ними в неравную схватку. Несколько часов удерживали здание герои, пока не погибли. Фашисты ворвались в здание. Но их радость

была преждевременной. Гвардейцы отомстили за гибель товарищей. Они снова выбили гитлеровцев из школы и на этот раз уже окончательно закрепились в ней.

* * *

Тем временем гарнизон «дома Павлова» выполнил все боевые задачи, возложенные на него.

Вечером 24 ноября зазвонил телефон. Афанасьев снял трубку и услышал голос комбата Жукова:

— Идем в гости! Подготовь людей — будет работа.

Через полчаса в подвал спустились через пролом комбат Жуков, его заместитель И. И. Наумов, командир пулеметной роты А. А. Дорохов, политрук Авагимов и десятка два бойцов. Их развели по другим подвалам.

— Прикажи гарнизону,— обратился Жуков к Афанасьеву,— разойтись по своим подразделениям. Будем наступать...

Наступать! Кого из воинов не волнует это слово? Как бы ни был налажен быт в обороне, каждый боец смотрит на нее, как на временное и вынужденное состояние. Только в наступлении, в активных действиях, в динамике боев — сила армии.

Словно электрический ток пробежал по защитникам дома-крепости. Наконец-то! Впервые почти за два месяца непрерывных боев они покидали свой обжитой дом.

Саперы направились проделывать проходы в минном поле и в спирали Бруно, бойцы осматривали оружие. Наумов, Дорохов и командиры взводов собрались у Жукова. А поздно ночью бойцы, переползая по-пластунски от воронки к воронке, устремились к «молочному дому». С земли он казался огромным, от оконных глазниц веяло жутью.

Как ни сдерживались, но у кого-то звякнула лопатка, кто-то не выдержал и забился в удушливом кашле.

Внезапно тишину разорвали пулеметные очереди, а площадь озарили вспышки ракет. Над залегшей цепью бойцов засвистели пули, завизжали осколки. Послышались стоны первых раненых.

Кто-то крикнул «ура!», и рота ринулась в атаку. В окна «молочного дома» полетели гранаты, затем, поддерживая друг друга, в него ворвались первые смельчаки.

Дом был взят, но очень дорогой ценой. Смертью храбрых пали командир роты старший лейтенант Наумов и командир минометчиков младший лейтенант Черкашин, были ранены сержант Павлов, ефрейтор Глущенко, рядовые Довженко, Черноголов, Мурзаев, Тургунов, Мосиашвили, Турдыев. Санинструктор роты Маруся Ульянова, оказав им первую помощь, переправила их в тыл.

Рота закрепилась, готовая к отпору. Командование ею взял на себя Афанасьев.

На заре немцы начали контратаковать. Пьяные, остервенелые от неудач, они несколько раз пытались прорваться к дому. В промежутках между контратаками они били по нему из пушек и минометов...

К вечеру от роты Наумова, оборонявшей здание, осталось в строю только несколько бойцов. Кончались патроны и гранаты. В подвале лежало много тяжелораненых. Эвакуировать их уже невозможно — дом был отрезан от батальона огнем врага. Маруся Ульянова подтаскивала все новых и новых раненых. Те из них, кто еще мог стрелять, продолжали сражаться.

В полдень противник стал бить по площади. На выручку бойцам, осажденным в «молочном доме», через «дом Павлова» пробивался батальонный резерв. Но вражеский огонь по площади был настолько плотен, что резерву пробиться не удалось.

В сумерки за станковый пулемет лег Воронов. Заложив последнюю ленту, он короткими очередями стал отбиваться от подступавших к дому гитлеровцев. Но вот в пулеметчика полетели гранаты...

Афанасьев услышал, как вскрикнул Воронов.

Пулеметчик привстал на колени. Его левая рука повисла, как плеть, из-под рукава стекала на пол струйка крови... Побледневший Воронов зубами выдернул кольцо из последней гранаты и метнул ее за окно. Но тут же рядом с ним раздался взрыв... Боец тихо опустился на пол. К нему подползла Маруся Ульянова.

Воронов был ранен в ногу, грудь и живот.

К пулемету бросился Иващенко. Он дал по фашистам несколько коротких очередей — и последняя лента кончилась. Неожиданно он вздрогнул, опустил голову на руки. Храбрый пулеметчик был ранен...

В строю осталось трое — лейтенант Афанасьев, младший лейтенант Аникин и сержант Хаит.

Они стояли в темноте на нижней площадке полуразрушенной лестницы и только по дыханию угадывали друг друга.

Входная дверь изнутри была завалена битым кирпичом. Рядом был спуск в подвал, где находились тяжелораненые и Маруся Ульянова. В доме слышались шаги и немецкая речь. Томительно текли последние минуты жизни.

Афанасьев спросил у Хаита:

— Страшно?

Тот ответил:

— Нет! Мне кажется, я сделал на земле все, что мог. Теперь не страшно.

— Может, попрощаемся, друзья! — вполголоса предложил Аникин и зачем-то подул в ствол пистолета.

Однако внезапно прозвучавший взрыв разбросал их в стороны.

Афанасьев не помнит, сколько он пролежал без сознания на холодном каменном полу лестничной площадки. Когда пришел в себя, ему показалось, что вокруг светло. Но это огненные круги разных цветов плавали в ноющих от боли глазах. Ощупью он наткнулся на мертвого Хаита. Рядом с ним стонал контуженный Аникин: он не мог произнести ни одного слова.

Лейтенант ползал по полу, пытаясь отыскать среди осколков кирпича выпавший из рук пистолет...

И вдруг послышались выстрелы, разрывы гранат, раскатистое «ура!» и шум рукопашной схватки: в дом ворвалась рота из второго эшелона батальона.

* * *

А на другом берегу Волги, в рыбацкой хате, где разместилось операционное отделение полевого госпиталя, на стол уложили всего окровавленного Воронова.

Всегда ясный и чистый взгляд добрых глаз бойца потускнел. Казалось, Воронов был уже не жилец.

Хирург извлек из его тела два десятка осколков и пуль. Будучи в сознании, гвардеец вел себя на операции так же мужественно, как и дрался с врагом. Он молча перенес ампутацию ноги и кисти руки. Только его глаза, всегда веселые и живые, теперь смотрели печально.

За два часа, в течение которых шла операция, боец потерял максимально допустимую для жизни дозу крови. И лишь благодаря мастерству хирургов да богатырскому здоровью Илья Воронов остался жить.

СЫН ГРОЗНОГО ВЕКА

«Глубина оборонительной полосы дивизии, считая от берега Волги,— от трехсот до пятисот метров»,— скорее догадываюсь, чем различаю на пожелтевших страницах своей записной книжки выцветшую и размытую водой запись. Она появилась под диктовку сводки капитаном Каревым, заместителем начальника оперативного отдела штаба дивизии.

Правда, диктовал он не мне, а нашему штабному писарю Горелику. Пожалуй, это была последняя фраза, продиктованная им в тот вечер. На следующей он заснул.

Горелик же был настолько деликатен, что не обратил на это никакого внимания, не разбудил капитана. Дымя «козьей ножкой», он, как ни в чем не бывало, на стареньком, потрепанном «ундервуде» допечатывал сводку.

Я, забредший сюда, как всегда, в полночь со своего наблюдательного пункта, чтобы подписать сводку, от нечего делать записал эту фразу о глубине нашей оборонительной полосы, свидетельствовавшей о нашем незавидном положении.

Горелик, молодой и толковый боец, умевший все схватывать на лету и бывший в курсе даже самых мелких событий в дивизии, с самого начала войны писал сводки и так набил руку, что вызывал восхищение Карева, образцового штабиста.

В пунктуальности и точности штабной работы превзойти Карева могли разве только полковник Борисов или майор Бельский.

С пяти утра и до полуночи Карев не отрывался от штабных бумаг. От продолжительного сидения над ними в этом сыром и душном помещении, от недостатка свежего воздуха лицо Карева казалось переутомленным, бледным, а глаза от хронического недосыпания всегда были красными, с припухшими воспаленными веками.

Он давно стремился расстаться с этим блиндажом, возглавить роту, даже взвод, уйти на самую опасную передовую, но мы не отпускали его, зная, что его призвание — штабная работа.

Рядом с Гореликом, вместе с майором Бакаем чертил какие-то схемы бывший архангельский художник Г. И. Заборцев.

Остальные работники штаба, намаявшись за день, отдыхали, расположившись кто как сумел. Их не тревожила пушечная канонада, ружейно-пулеметная стрельба над головой: по соседству с нами огневые позиции пулеметов, наземных и зенитных батарей и полковых минометов. Когда противник вел по ним огонь, то часть снарядов и мин рвалась на крыше нашего штабного блиндажа.

К этому шуму мы так привыкли, что, казалось бы, прекратись он, так все, кто спит, проснулись бы от непривычной тишины. Я помню, как когда-то давно, в «ином мире», мы в казарме просыпались от того, что на стене у дневального переставали тикать ходики.

И вдруг меня озадачило: в акустической гамме обычных для блиндажа звуков какого-то звука явно не хватало. Притом очень знакомого, близкого. Какого же? Начинаю гадать, благо Горелик не достучал до конца сводку: стрельба наверху — в порядке вещей; постукивает буквами-молоточками «ундервуд» — обычное дело; соблазнительно посапывают во сне офицеры штаба — нормально. Так что же? Ах, вот что: не журчит по-мирному под полом говорливый ручеек.

Этот штабной блиндаж в Сталинграде — уже третий. Из первого мы ушли потому, что при огневых налетах или бомбежках осколки залетали в его тамбур, а иногда и в само помещение. Второй, штольню, оставили мы из-за недостатка кислорода и избытка в воздухе влаги. В нем гасли лампы и свечи, становились волглой бумага и одежда. Под третий же, последний, блиндаж саперы приспособили просторную водоотводную трубу из бетона, по дну которой сбегал откуда-то из городских оврагов веселый ручеек. Над ним соорудили дощатый настил, устроили тамбур с дверями, другой конец трубы забили досками и завалили камнями.

Все привыкли к этому говорливому ручейку под полом, и только сейчас я заметил, что он замолчал.

Я хотел было сказать об этом, как вдруг Горелик лихо отвел каретку машинки, вытащил последний исписанный лист сводки. В этот момент Карев вздрогнул, проснулся и, как ни в чем не бывало, произнес:

— Итак, на чем мы остановились? Да, вспомнил... Пиши дальше: «Передний край дивизии проходит...»

— Товарищ капитан,— деликатно заметил Горелик,— ведь мы это уже написали. И вообще всю сводку закончили.— И он подал Кареву вынутый из машинки лист.

Все мы, кто наблюдал эту сцену, едва удержались от смеха.

Карев внимательно прочитал сводку, что-то исправил в двух-трех местах и удивленно сказал:

— Вот, черт, действительно кончили...

И только он поднялся, чтобы передать сводку мне на подпись, как вдруг раздался грохот камней и шум водного потока, вырвавшегося откуда-то из-под земли. Вода затопила наш блиндаж, попала нам в сапоги, быстро стала подниматься.

Я выронил свою записную книжку, но успел подхватить уже в воде и сунуть в карман гимнастерки.

Неожиданно погасли лампы, и в густой тьме слышались только всплески воды, бульканье, выкрики. Кто-то догадался засветить электрический фонарик, замелькал огонек зажигалки, и все, толкаясь в темноте, ощупью стали пробираться к выходу, прихватив, кто мог, штабные документы и имущество.

Двери тамбура оказались сорванными водой, и мы кое-как не то вышли, не то выплыли наружу.

А на переднем крае, в двухстах метрах от нас, закипал ночной бой. Вражеская пехота с обычными выкриками: «Рус, сдавайся!», «Родимцев, буль-буль» полезла на оборонительные позиции панихинского полка. Наиболее уязвимым местом полка был участок перед Г-образным домом, снова захваченным противником. Отсюда ближе всего до Волги, центральной переправы, наблюдательного и командного пунктов дивизии.

Пока разбирались в обстановке, отжимали на морозе мокрое обмундирование, перематывали сырые портянки, вода из блиндажа схлынула и снова под полом-настилом зажурчал ручеек.

Было ясно, что перед наступлением гитлеровцы прибегли к нехитрой уловке: узнав, что штаб дивизии рас-

положен в водостоке, они запрудили у себя ручей, накопили воду, а потом во время наступления разрушили запруду.

Их расчет был прост: осложнить у нас обстановку, вызвать панику, нарушить управление и связь между штабом дивизии и полками и тем самым лишить возможности маневрировать резервами во время атак.

Но немцы перестарались: запас накопленной ими воды оказался так велик, что она своим напором начисто смела тамбур, устроенный саперами. Сделай его покрепче, нас бы пришлось выуживать баграми.

Как ни комично было наше «мокрое» положение, сколько ни подтрунивали мы друг над другом, но факт, что немцы перехитрили нас, был налицо. Нам,— а мне, конечно, в первую очередь,— надо было предусмотреть, что этим ручьем, как веревочкой, мы связаны с врагом и его воля эту веревочку в любой момент превратить в удавку.

Как только прерванная наводнением связь была восстановлена, зазвонил телефон:

— Панихин на проводе,— передал мне трубку оперативный дежурный по штабу.

Я чувствовал себя неловко, да и все остальные были также смущены.

Панихин доложил, что все атаки неприятели перед фронтом обороны его полка отбиты, что особенно ожесточенный бой разгорелся перед Г-образным домом, откуда противник снова наносил главный удар. Панихин поинтересовался причиной продолжительного отсутствия связи со штабом дивизии.

Что было делать? От вопроса Панихина мои щеки горели.

— Подожди, Дмитрий Иванович,— сказал я в трубку и, обернувшись к штабистам, спросил: — Как ответим командиру полка?

Потупясь, все молчали. Ну что ж, ведь что бы ни случилось в дивизии, а за битые горшки всегда расплачивается ее командир.

— ...Да тут немец нас чуть было не потопил...— и я рассказал Панихину, как было дело.

— Я прикажу полковым минометчикам пристрелять то место, где фрицы плотину делают, и будем туда время от времени мины покидывать,— пообещал Панихин.

Сон после случившегося у всех пропал. У топившейся печурки мы кое-как пообсохли, и тут снова разгорелся спор, который нет-нет да и вспыхивал среди офицеров дивизии.

Предметом новой дискуссии опять оказалось жизненное пространство и, конечно, пресловутый Г-образный дом, о котором только что сообщил по телефону Панихин.

— Пока мы этот проклятый дом не захватим, судьба дивизии всегда будет под угрозой,— говорили одни.

— Это мы знаем,— говорили другие.— А вот как захватить? Немцы-то задарма не отдадут! Наступать? Губить людей?

На какое-то время спорщики замолкали, обдумывая новые аргументы, подтверждавшие их правоту.

По показаниям пленных, около двухсот хорошо вооруженных солдат и офицеров, располагавших в избытке боеприпасами, засели в подвалах этого здания, превратив их в доты. Система огня построена так, что все наши атаки, вплоть до ночных, обрекались на неудачу.

В тактическом отношении в полосе обороны дивизии это здание занимало очень важную позицию: с него просматривалась и простреливалась центральная переправа, держались под огнем мельница с наблюдательными пунктами стрелкового и артиллерийского полков и дивизии, «дом Павлова», значительная часть набережной и берега с блиндажами командных пунктов полков и дивизии.

Почти за четыре месяца непрерывных боев наши потери были таковы, что ни штурмовать этот объект небольшими группами, ни наступать на него мы без риска не могли. Противник же, используя выгодное положение этой позиции, превратил ее в своеобразный плацдарм для частых вылазок. Он, со своей стороны, держал нас в постоянном напряжении.

— Это же не дом, а больной зуб,— жаловались некоторые из нас.

— Так попробуй, вырви его! — возражали другие.

— По земле до него не доберешься.

— Может, попробовать под землей?

— Что мы, кроты? Мы — солдаты, и нам под землей делать нечего,— начало кого-то заносить в горячке спора.

— Ну, вы это бросьте,— вмешался я.— Солдату везде место, даже под землей, если можно подобраться к противнику. Подобрались же вот однажды...

Но рассказать, что хотелось, я не успел. Наверху снова усилилась стрельба.

— Кажется, опять у Панихина,— предположил кто-то.

Я связался с ним.

— Опять из Г-образного дома до батальона пехоты бросилось в атаку,— доложил Панихин.— Втихую. Без крика, без стрельбы. Захлебнулись, залегли. Мы их огнем отрезали, попробуем не выпустить ни одного.

— Попробуй! Сейчас я к себе на НП пойду, может, где огоньком разживемся.

Ночь была светлой, и с мельницы видны были на недавно выпавшем снегу, как на блюдце, залегшие гитлеровцы. Наши снайперы, пулеметчики и просто стрелки не позволяли им не только поднять головы, но и пошевелиться. И все же внезапным броском, хотя и с потерями, они могли бы уйти.

Тогда я решил попросить дать из-за Волги залп батареи «катюш». Находившийся рядом со мной артиллерист-наблюдатель передал за реку координаты.

Через несколько минут справа от нас упал с неба и заметался, запрыгал на снегу огненный смерч. Черными, обугленными кругами, как следами от погасших костров, покрылась площадь. Неприятельских солдат и офицеров как не бывало...

Однако руины Г-образного дома встретили одну нашу роту, пытавшуюся их разведать, таким сильным огнем, что она еле отошла, унося своих тяжелораненых товарищей. Дом огрызался со злостью подстреленного волка. Надо было что-то с ним делать.

Я вспомнил тогда прерванный атакой врага наш спор в штабном блиндаже и свое намерение рассказать товарищам историю одного подкопа.

Достав из кармана гимнастерки записную книжку, я еле раскрыл то место, где сделал последнюю запись: склеились мокрые листки. Расплывавшимися чернилами я тогда кое-как вывел: «Матэ Залка. Добердо».

Потом я отстегнул кобуру и достал из нее небольшой хромированный «вальтер». С ним я никогда не расста-

вался — ни в горах Испании, ни в лесах Западной Белоруссии, ни в заснеженной Финляндии, ни в эту войну.

Рукоятка пистолета и спусковая скоба так удобно вкладывались в ладонь, что мне показалось, будто я сжимаю маленькую, но крепкую руку друга и вот-вот услышу:

— Ну, как, дорогой Павлито, обстоят дела? Если свободен, приезжай ко мне!

...Я отправился в штабной блиндаж и за чаем рассказал то, о чем не успел рассказать раньше.

Впервые я увиделся с генералом Паулем Лукачом в конце 1936 года в Мадриде, в штабе 12-й интернациональной добровольческой бригады.

Там встретил нас невысокий военный в хорошо пригнанном генеральском мундире. Он показался нам совсем молодым.

— Прошу, дорогие друзья,— пригласил хозяин и, улыбаясь, пожал нам руки: — Пауль Лукач, командир бригады.

Это был Матэ Залка.

Я никогда не видел Матэ Залка, но много слышал о нем. Слышал о том, что он — бывший офицер австро-венгерской армии, во время первой мировой войны попал к русским в плен. В дни Октября организовал из пленных венгров, сербов, хорватов, чехов и словаков интернациональный отряд, отбил эшелон золота у Колчака — золотой запас молодой Советской республики, который тот собирался вывезти в Японию, и доставил этот дорогой груз в Москву.

Потом во главе интернационального полка Матэ Залка дрался с Врангелем, Петлюрой, белополяками, штурмовал Перекоп. Семь ранений он получил, был награжден боевыми орденами и личным золотым оружием. А после гражданской войны стал видным пролетарским писателем.

Бойцы его бригады были одиннадцати национальностей, в основном из европейских стран, но были также из Америки. И когда он знакомился с ними, то, чтобы никого не обидеть, сказал, что он будет говорить на языке Великой Октябрьской революции.

Так вот он какой, генерал Лукач! Это от имени его бригады газета «Вооруженный народ» — орган борцов-интернационалистов — поместила воззвание:

«Народ Мадрида!

Мы извещаем тебя о твоем новом друге — 12-й интернациональной бригаде... Мы пришли из всех стран Европы, часто против желания наших правительств, но всегда с одобрения рабочих. В качестве их представителей мы приветствуем испанский народ из наших окопов, держа руки на пулеметах... Ваша честь — наша честь, ваша борьба — наша борьба.

Салуд, камарадос!

12 ноября 1936 года».

И вот мы теперь в гостях у интернационалистов.

Здесь же, у Лукача, мы познакомились еще с одним товарищем. Его звали Фриц Пабло. Имя и фамилия нерусские, но лицо наше, знакомое, родное. Я долго смотрел на него, потом не выдержал и спросил:

— Вы не из Пролетарской стрелковой дивизии? Я, кажется, видел вас на маневрах.

— Да, не ошиблись,— улыбнулся молодой человек.— Батов моя настоящая фамилия, Павел Иванович. Я командовал полком в Пролетарской дивизии...

Народу у Лукача собралось много, кого здесь только не было! Русские, поляки, болгары, французы, бельгийцы, сербы, венгры, немцы, итальянцы...

С большим вниманием мы слушали за ужином генерала Лукача, интересного человека и гостеприимного хозяина. Он очень тепло говорил о своих бойцах. Назвал несколько фамилий людей, приехавших из Советского Союза. Особенно сердечно отзывался о Фрице Пабло — Батове...

После встречи с Лукачом мы ревниво следили за действиями 12-й интернациональной бригады: ведь там были наши друзья. Вместе с ними радовались их успехам, тяжело переживали неудачи.

Во время боев на Гвадалахарском направлении мне несколько раз пришлось встречаться с Лукачом. Иногда мы обменивались короткими записками. Помню, ко мне на мотоцикле прибыл связной от Лукача. Он передал мне пакет с запиской:

«Уважаемый капитан Павлито! Части Двенадцатой Интернациональной бригады, несмотря на превосходство противника в технике и живой силе, мужественно отбивают все атаки. Более того, батальон имени Гарибальди внезапной контратакой захватил 25 итальянцев и канце-

лярию одного из батальонов со всеми его документами. Однако я опасаюсь за свой левый фланг... Сообщая тебе об этом, надеюсь, примешь посильные меры. Вечером, если будет тихо, приезжай ужинать. Генерал Лукач».

Меры с нашей стороны были приняты, положение бригады генерала Лукача было восстановлено, но встретиться в тот вечер нам не удалось.

Зато вскоре я целую неделю по просьбе Лукача проработал в его бригаде: с группой оружейников мы привели в порядок более трех десятков трофейных пулеметов.

Перед моим отъездом из бригады Матэ Залка подарил мне вот этот маленький черный, с сизым отливом, как воронье крыло, хромированный «вальтер».

— Это, Павлито, тебе на память о моей самой главной профессии — военной,— говорил он, улыбаясь.— На память же о второй я подарю свой последний роман «Добердо», как только получу его из России. Жена пишет, что он скоро выйдет из печати...

Глаза Матэ вдруг погрустнели.

— Добердо,— словно про себя повторил он.— Была, Павлито, такая песня...

И он тихо пропел на незнакомом мне языке короткую песенку и сказал:

— А на русском языке она звучит так:

Идут поезда, везут раненых,
Девушки ждут своих суженых,
Только каждый десятый вернется назад,
Остальные в могилах Добердо лежат...

— Ее, Павлито, пели мои друзья — солдаты на самом кровавом участке итало-австрийского фронта, на Ишонзовском плацдарме, недалеко от селения Добердо, еще в первую мировую войну...

Выдержав паузу, Залка продолжал:

— И воевал там один молодой мадьяр, лейтенант Тибор Матраи. Неплохой был, вроде, парень. Еще тогда он возненавидел войну и с тех пор стал бороться против нее: то вот этим оружием,— кивнул он на «вальтер», который был уже у меня в руках,— то пером...

Тогда я не понял, что он говорил о себе. Романа «Добердо» подарить мне он не успел.

О гибели Матэ Залка под Уэской я узнал от Энрике Листера в середине июня 1937 года.

Листер сказал, что перед сражением генерал Лукач вместе с Батовым объезжал части бригады и проверял их боевую готовность. Фашистский снаряд угодил прямо в машину генерала. Лукач был убит, Батов тяжело ранен.

Я был потрясен, не мог поверить, что не стало такого добрейшего, храброго, веселого человека-друга.

Похоронили Матэ Залку в Валенсии. Один из бойцов его бригады вспоминал: «Так, в один летний день 1937 года были срезаны все розы в садах Валенсии, чтобы усыпать ими гроб генерала. Сверкали на солнце острия штыков, и ветки апельсиновых деревьев служили лавровым венком...»

Днем национального траура в республиканской Испании был объявлен день похорон Матэ Залка. Погибшего генерала испанский народ объявил своим национальным героем.

...Вот примерно так я рассказывал в штабном блиндаже товарищам о Матэ Залка и дал каждому из них подержать в руках памятный «вальтер». Меня слушали внимательно, но, увлекшись воспоминаниями, я совсем забыл о цели рассказа — о связи завьюженных руин Сталинграда с боями в Испании, про наш спор о подкопе к Г-образному дому и роман «Добердо».

Генерал Лукач говорил, что история любит повторяться, что оборона Мадрида — это повторение обороны Царицына. Я думаю, не ошибся, сказав своим друзьям, что если в Мадриде повторился Царицын, то сейчас в Сталинграде повторяется Мадрид.

Героика гражданской войны, ее революционные традиции, глубочайшая преданность интернациональному долгу, проявившиеся в Царицыне, как эхо, отозвались спустя почти два десятилетия в далекой испанской столице, а теперь повторяются снова в Сталинграде. И в этом немалая заслуга ветерана гражданской войны Матэ Залка, передавшего в Испании свой большой боевой опыт воина-коммуниста многим советским генералам — участникам Сталинградской битвы — Малиновскому, Воронову, Шумилову, Батову, Бирюкову, Романенко, Прозорову и другим — бывшим добровольцам испанской республиканской армии.

Я был уверен, что и они где-нибудь в блиндаже рассказывали, как и я, своим соратникам о Матэ Залке — этом «сыне грозного века».

Ну, а роман «Добердо»?

В Москве, как только я вернулся из Испании, летчик-испытатель Бела Арады, племянник Матэ Залка, позвонил мне и сообщил, что жена писателя Вера Ивановна и дочь Наташа приглашают меня на чашку чая. Разумеется, я не мог отказаться. Обе они оказались милыми, гостеприимными. Долго расспрашивали, как мы воевали в Испании.

Потом я ознакомился с кабинетом, в котором работал Матэ Залка. Это небольшая комната, простой письменный стол, два или три стула. В стены вделаны с большим вкусом оформленные полки, на них аккуратно расставлены книги. Среди них много исторической и военной литературы.

Вера Ивановна взяла с верхней полки альбом с фотографиями.

— Вот последний снимок,— сказала она, указывая на одну из фотографий.— Это село Белики, что в Полтавской области, где в последние годы мы каждое лето отдыхали всей семьей. Он не любил ездить на курорты. В Беликах он и закончил свой роман «Добердо»...

Когда вечером у себя дома я раскрыл книгу, с первых же строк мне показалось, что я слышу голос самого генерала Лукача. Не таким ли был в юности сам Матэ Залка со своими исканиями и раздумьями, как и герой романа — офицер саперно-подрывного отряда лейтенант Матраи? И какое сильное впечатление осталось у меня от трагической судьбы венгерского саперного батальона, овладевшего вершиной Санта-Клары! А с каким мастерством Матэ Залка показал нарастание страха и ужаса среди солдат, которые слышали, как противник день и ночь делал подкоп к их позициям, чтобы заложить фугасы и поднять батальон на воздух...

Подкоп... Подземно-минная война... Она известна с древности. Еще во время Ивана Грозного русские делали подкоп под стены Казанского кремля. Кто сказал, что мы не кроты? Если надо уничтожать врага, то и в кротов не зазорно превратиться.

Мой рассказ о судьбе Матэ Залка и его романе «Добердо» положил конец нашему спору, рыть или не рыть подземный ход к Г-образному дому.

— А теперь, — сказал я в заключение,— пусть полковник Борисов доложит нам свои соображения о подкопе.

...Той же ночью приступили к работе. От берега Волги по направлению к Г-образному дому «на глазок» протрассировали и стали рыть глубокую траншею. Конечная цель этой работы держалась в тайне, а официальная версия была такова: роют ход сообщения от переднего края к Волге, который в случае необходимости может быть использован в качестве отсечной позиции. На деле же от переднего края под здание будет подведен туннель, длиной примерно сорок-сорок пять метров. В него следовало заложить не менее пяти тонн взрывчатки. Только в этом случае можно было с уверенностью рассчитывать, что гитлеровцы взлетят на воздух.

На подкоп требовалось пятнадцать-двадцать суток, так как наша «техника» ограничивалась кирками, топорами, ломами, солдатскими лопатками. Землю предстояло вытаскивать из туннеля мешками, на деревянной волокуше. Никаких механизмов у нас не было. Но если бы мы их и имели, то не смогли бы использовать, рискуя быть обнаруженными. «Дедовская» механизация в этом случае была надежнее. Всю работу вели саперы, бывшие шахтеры.

Спустя две недели мне доложили, что работа близится к концу. Под командой опытного сапера лейтенанта Чумакова группа гвардейцев — сержант Макаров, рядовые Дубовой, Панферов, Грачев, Бочаров и другие — днем и ночью в несколько смен отрывала подземную галерею к подвалам, где засели фашисты. За две недели работы в подземелье лица саперов почернели, глаза запали. Но они, напрягая все силы, продолжали вгрызаться в твердый грунт и продвигаться вперед. Наконец, туннель был готов.

Впрочем, оставалась самая трудная часть задачи — доставка на место взрывчатки. Пришлось подумать и над тем, как лучше уложить ее, чтобы взрыв был наиболее эффективным, пошел в нужном направлении. Встал также вопрос: где расположить штурмовые группы? Если они будут слишком близко, то подземным взрывом может оглушить бойцов, если далеко — подгруппа захвата может запоздать и ожившие огневые точки противника не подпустят ее к зданию, а то и вовсе уничтожат. К сожалению, в этом вопросе из-за отсутствия специалистов-подрывников пришлось положиться на «авось».

...Наступил решающий момент.

Если бы я сказал, что в те минуты у меня на душе было спокойно, то погрешил бы против правды. Многие «но» могли помешать осуществлению нашего плана. Больше всего меня беспокоило, не выдали ли мы себя чем-нибудь, не успеет ли противник, догадавшись, что его ждет, отвести своих солдат из подвала, чтобы затем встретить огнем наших бойцов.

Штурмовые группы заняли свои места. Еще раз проверили связь. Саперы-подрывники сообщили, что у них все готово.

По команде Борисова гвардеец Панферов повернул ключ подрывной машинки. Раздался оглушительный взрыв. Земля содрогнулась. В воздух поднялся огромный черный столб — смесь земли с камнем и металлом. Когда пыль и дым рассеялись, штурмовые группы бросились к развалинам здания...

Успешно гвардейцы взяли штурмом и Дом железнодорожников.

Тщательное наблюдение за домом и разведка боем позволили установить всю систему обороны и расположение огневых точек противника, избрать удобные пути подхода штурмовых групп и правильно определить исходный рубеж их атаки.

Под прикрытием дымовой завесы гвардейцы пошли на приступ, возглавляемые лейтенантами Басовым, Портновым, Тарасовым, Трибом и сержантом Черянкиным. И после напряженного боя, длившегося два с половиной часа, здание было отбито у врага.

С захватом Г-образного дома и прилегавших к нему строений мы значительно улучшили свое тактическое положение. Передний край продвинулся на двести-триста метров на запад. В битве, где победа измерялась каждым кирпичом, сантиметром, отвоеванным у неприятеля, это значило очень много. Наши подразделения стали держать под огнем большой район центра города, занятый противником.

Важное значение имело также и то, что овладение этими зданиями обезопасило переправу от вражеского огня и тем самым улучшило нашу связь с восточным берегом.

Уже в эти дни, когда на улицах и площадях Сталинграда еще грохотала артиллерия и не прекращалась винтовочно-пулеметная стрельба, стало заметно, что город

постепенно оживает. Тысячи его жителей прошли вместе с воинами все стадии обороны. Ведь многих так и не удалось эвакуировать. И они сумели найти свое место среди защитников твердыни на Волге. Кто мог, брал винтовку и шел на передний край. Многие женщины стали сандружинницами. Десятки, а может быть, и сотни девушек выполняли опасные задания — ходили в разведку в тыл противника. А сколько женщин пряталось в подвалах и блиндажах! Но они не сидели сложа руки. Выстирать белье для бойцов, приготовить им пищу, кажется, не такое уж это сложное дело, но в условиях обороны города оно приобретало особый смысл. Наши воины навсегда сохранят память о материнской заботе этих простых русских женщин.

Жизнь гражданского населения в осажденном городе направлялась местными партийными и советскими организациями. В самые тяжелые дни обороны был проведен пленум горкома партии. Мне рассказывали, что в ноябре состоялась также сессия городского Совета депутатов трудящихся. А когда мы перешли в наступление, в штаб дивизии пришла женщина — одна из местных советских руководителей. Она энергично взялась за работу с гражданским населением. Уже после войны сталинградцы напомнили мне ее фамилию. Это была Татьяна Семеновна Мурашкина — председатель исполкома райсовета Дзержинского района, на территории которого вела в январе бои наша дивизия.

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Командир 42-го стрелкового полка полковник Елин уехал на повышение. Жаль было расставаться с этим опытным офицером. Его полк принял майор Долгов, сдав свой только что вернувшемуся из госпиталя подполковнику Самчуку, бывшему командиру 42-го.

Самчук с первых боев под Харьковом зарекомендовал себя храбрым и осторожным командиром. В боях на Дону его тяжело ранило в ногу. И вот он опять в своей дивизии.

— Ты как сюда попал? — спросил я, когда увидел его. Признаться, я не думал еще раз встретиться с ним на фронте.

— Из Москвы. После госпиталя мне дали отпуск на двенадцать суток. Пять из них я вытерпел, а на шестые пошел в управление кадров. Там говорят: отдыхай, как приказано, а кончится отпуск — направим тебя в Среднюю Азию командиром бригады. Решили, говорят, повысить тебя в должности. Я еще три дня выдержал. А больше не мог. Достал на Павелецком вокзале билет до ближайшей станции к Сталинграду, с вокзала перед отходом поезда позвонил в «кадры». Там и возразить не успели, как я уже сел в вагон.

— Смотри, влетит и тебе, и мне,— побранил я его для порядка, хотя в душе был рад новой встрече с ним.

Те, кто служил в армии, знают, что значит отказаться от повышения и снова вернуться в полк, когда тебе предлагают бригаду. Видно, очень дорог этот полк, мила фронтовая семья. Поэтому отъезд Самчука из Москвы не в Ташкент, а в Сталинград был вполне естественным поступком: такие, как Самчук, едут туда, куда зовет их долг, где они нужнее.

К концу декабря кольцо вокруг группировки Паулюса продолжало сжиматься. Юго-западнее города была разгромлена ударная группировка Манштейна, которая по замыслу гитлеровского командования должна была разорвать кольцо окружения.

Войска Паулюса были обречены. Среди вражеского командования, понимавшего безвыходность положения, царило смятение. Паулюс просил Берлин, чтобы ему предоставили свободу действий. Но ему было отказано.

Бессмысленное сопротивление, унесшее десятки тысяч жизней немецких солдат и офицеров, продолжалось. Впрочем, некоторые солдаты начали понимать, что к чему.

Однажды январским морозным днем я несколько часов провел в первой траншее у Панихина. Жгучий западный ветер гнал нам в лицо колючую поземку, мы изрядно продрогли, закончив свои дела, отправились восвояси.

Пробираясь к себе по ходу сообщения, я нагнал по дороге бойца-подростка.

«Откуда это такой? — подумал я.— Вроде ни с одним пополнением мне малышей не присылали».

На шум моих шагов боец обернулся, и я узнал Машеньку из Мышеловки.

Она лихо отдала мне честь, но замерзшие губы еле выговорили слова уставного приветствия.

— Что, дочка, мороз нынче? — Я тоже сведенным от холода ртом кое-как произнес эту фразу.

— Мороз, товарищ генерал...

— А где Мишу оставила?

— Мы с ним бойцов об обморожении предупредили. Для профилактики их обеспечили вазелином. Миша задержался в батальоне, а меня к себе в роту отправил...

— Вот и замечательно, что ты сейчас свободна. Пойдем ко мне, чаем горячим угощу.

— Спасибо, товарищ генерал! Неудобно как-то...

— Это чай-то неудобно?

— Хорошо,— наконец согласилась Машенька.

В штабном блиндаже Бакай допрашивал пленного гитлеровца, одетого в грязную зеленую шинель. Его ноги были завернуты в какие-то рваные тряпки.

— Кто такой? — обратился я к пленному через переводчика.

— Ефрейтор пятьсот семьдесят первого полка триста семьдесят первой пехотной дивизии,— отвечал немец.

— Кто командует дивизией и полком?

— Командир дивизии генерал-майор Монте, полка — капитан Рюйм.

Бакай заглянул в свой блокнот и кивнул головой в знак подтверждения.

Пленный продолжал:

— Полк обороняется в районе больницы, состоит из трех батальонов, в каждом по двести человек.

Потом ефрейтор безнадежно махнул рукой:

— Настроение у солдат плохое. Только сопляки из гитлер-югенда сами лезут в бой. А солдаты постарше воевать не хотят. Многих расстреливают за это. Потери в ротах ежедневно по восемь-десять человек. Пора кончать. Войну мы проиграли. Я это понял и решил сдаться в плен.

— С какого времени на Восточном фронте?

— С августа прошлого года.

— Как кормят?

— Сегодня на семь человек дали восемьсот граммов хлеба и,— он замялся, видимо, подбирая название для блюда, потом, усмехнувшись, по-русски сказал: — поллитра баланда.

6 Зак. 1714

Худой, с заросшей, закопченной физиономией, он совсем не походил на представителя «белокурой бестии», «потомка нибелунгов» или «нашего мушкетера», как любил называть своих вояк Геббельс. Это был уставший и во всем изверившийся солдат.

— Год назад нам иные попадались,— проговорил я и взглянул на Машеньку.

Девушка засмеялась. Кто-кто, а Машенька хорошо помнила, какие немцы были раньше.

Год назад под Киевом одна вражеская часть особенно напористо лезла вперед. Пленные говорили, что за взятие Киева им было обещано по железному кресту, а в случае отступления — расстрел. Тогда эту часть наша воздушнодесантная бригада окружила и уничтожила.

За время боя, который завязался в перелеске, Машенька успела перевязать шесть наших раненых бойцов. Двух тяжелораненых она вытащила за дорогу, в кювет, и передала другим санитарам.

Схватка уже затихала, когда Машенька заметила на поляне двух фашистских солдат, стоявших с поднятыми руками. Они, видимо, решили сдаться в плен. Навстречу им из сосняка выбежали наши бойцы. Но не успели они подойти к немцам, как где-то совсем близко раздались два выстрела. И оба солдата упали.

Машенька заметила, что стреляли из-за старого, окруженного травой высокого пня. Обежав по краю поляны, она подхватила оброненный кем-то автомат и стала приближаться к притаившемуся гитлеровцу. Он был без каски, наверное, потерял ее в суматохе боя.

Услышав осторожные шаги, он быстро обернулся и поднял пистолет, но выстрелить не успел: прямо в грудь ему был направлен ствол автомата.

Кривясь и заикаясь, он растерянно прохрипел:

— Рус... девка?

При допросе пленного, мы узнали, что это ефрейтор, член нацистской партии, сын крупного помещика. Он прошагал половину Европы, воевал в Польше, Франции и Норвегии.

Сидя в блиндаже, фашист удивленно повторял:

— Не понимаю!.. Нет, не понимаю. Девушка с автоматом... Может, мне это почудилось? Ну, скажите правду, неужели меня, Иоахима Занге, девчонка взяла в плен?

— ...Да, не тот немец пошел,— смеясь, проговорила

Машенька, оглядев пленного с ног до головы: — Тощий, грязный... Нет, это не Иоахим Занге. Тот ефрейтор гладкий был... Вот до чего их Гитлер довел!

Мы с Бакаем тоже рассмеялись. Ефрейтор смотрел на нас непонимающе, моргая глазами.

Шутки шутками, а Машенька была права: немец пошел не тот.

А вечером мы узнали, что Паулюс отклонил наши предложения о прекращении сопротивления. Советские парламентеры в течение двух дней пытались вручить пакет с условиями капитуляции, чтобы прекратить ненужное кровопролитие. Фельдмаршал отказался принять пакет.

«Теперь жди приказа наступать»,— подумали мы. И действительно, в следующую же ночь мы «играли свадьбу», что на языке фронтовиков означало смену частей на переднем крае.

По приказу из штаба армии наша дивизия должна была передислоцироваться в район южнее завода «Красный Октябрь».

Почти четыре месяца мы обороняли центр города, и нам не хотелось уходить отсюда, от этих обугленных каменных стен, битого кирпича и разворошенного асфальта, обжитых блиндажей и дотов. И все же мы уходили с радостью — мы знали, что теперь дело идет к развязке.

Рано утром мы сосредоточились у железнодорожной петли, примерно в одном километре южнее завода «Красный Октябрь».

Сюда, на этот рубеж, от берегов Дона, из района хутора Вертячий, было нацелено острие наступления 65-й армии, которой командовал мой товарищ по Испании генерал-лейтенант П. И. Батов, и 21-й армии генерала И. М. Чистякова. Этим армиям предстояло рассечь окруженную группировку врага надвое, чтобы уничтожить ее по частям. Нашей дивизии было приказано наступать навстречу нашим армиям. Мы снова действовали на направлении главного удара.

Заняв исходное положение для наступления, дивизия после артиллерийской подготовки, когда орудийные расчеты перенесли огонь в глубину обороны противника, хмурым зимним утром ринулась на врага.

Северо-восточнее Мамаева кургана наступал полк Панихина, слева от него атаковал противника полк Дол-

гова, уступом за ними вводил в бой свои батальоны Самчук.

Действуя небольшими штурмовыми группами, атакующие части начали медленно, но упорно «вгрызаться» в оборону неприятеля. Вновь начались кровопролитные бои за каждый блиндаж, дот, дом, улицу.

Вся страна знает о героизме наших воинов в дни обороны. Гораздо меньше известно о многодневных изнурительных боях в городе во время ликвидации вражеской группировки.

Фашисты, чувствуя неминуемую гибель, шли на различные подлости и преступления, чтобы отсрочить час своей смерти. В районе одного сквера, в окопах, очищенных от гитлеровцев, были найдены пять трупов бойцов.

Командиру отделения сержанту Хорольскому фашисты выкололи глаза, отрезали язык, а затем добили ударом штыка в живот. Рядовому Валькову нанесли пятнадцать ножевых ран в живот, пах, лицо. Трех остальных бойцов, чьи имена не удалось установить, облили бензином и сожгли.

Возле трупов своих товарищей мы поклялись отомстить фашистским извергам.

Вечером, после жаркого наступательного боя, мы с Долговым проходили по подразделениям его полка, занявшим вражеские траншеи. То тут, то там слышался лязг ложек о котелки: бойцы обедали.

— Потери сегодня небольшие,— продолжал наш разговор Долгов, назвав число убитых и раненых.— Но вот не знаем о судьбе десяти бойцов. Считать без вести пропавшими — рановато: вдруг найдутся!..

— Кто у них за командира? — спросил я.

— Старший сержант Пуйло,— ответил Долгов.— Вон там, в одном из домиков,— и он махнул рукой куда-то в темноту,— до самого вечера стрельба слышалась. Не они ли это?

— Что думаешь предпринять?

— После обеда пошлю разведчиков.

В это время впереди послышался окрик:

— Стой, кто идет?

— Свои, не стреляй! — ответили из темноты.— От Пуйло.

Долгов отправился к месту встречи и тут же вернулся с двумя бойцами, молоденькими, совсем парнишками, сразу было видно, что из нового пополнения.

— Они...— обрадованно произнес Долгов.

— Где же это вы запропали? — обратился я к ребятам.

Они наперебой начали рассказывать о впечатлениях своего первого боевого крещения. Потом слово взял старший по возрасту:

— Попали мы, видно, в стык. Стреляли по нас то справа, то слева, из одного отдельного домика. А мы перебежками все вперед да вперед. Не лежать же на снегу, когда впереди никого нет. Вот и оторвались от своих. А потом старший сержант Пуйло повернул нас на этот домик, когда с ним поравнялся. Мы на «ура» его и захватили. Там немецкие автоматчики были. И расчет пулеметный... Домик мы под оборону приспособили. Потом семь атак отбили. Когда у нас кончились патроны, мы стали стрелять из трофейных автоматов. Пулемет их тоже пригодился... Пуйло нас за боеприпасами послал.

— А когда у нас боеприпасы кончились,— продолжал другой паренек,— один из нас стал советовать старшему сержанту отходить.

— И что же? — спросил Долгов.

— Старший сержант говорит ему: салага ты! У гвардейцев один закон — равнение на передних. Скоро тут весь батальон наш будет. Запомни: если мы пошли вперед, назад только в Берлине оглянемся. Слышал про «дом Павлова»? Там только четверо было, и то трое суток держались. А ты сразу домой собрался.

...Нагрузившись патронами и сухим пайком, бойцы закурили перед тем, как тронуться в обратный путь, а Долгов стал отдавать последние распоряжения командиру роты, которая уходила на помощь группе старшего сержанта Пуйло.

«Университетом городских боев» называли мы четырехмесячную битву за центр города. И это потому, что мы не только держали там оборону или атаковали позиции противника, но и учились.

Кровавая была эта наука. Но вина в том не наша — такую науку нам навязал враг. И нам пришлось ее постигать. При этом мы навеки теряли многих своих това-

рищей. Простившись с ними троекратным залпом, мы снова сразу же ввязывались в бой, заставляя врага расплачиваться за наши потери в двойном, в тройном и еще большем размере, как повелось в дивизии.

Вот одна обычная для тех дней сводка: «За два дня наступления захвачена часть квартала в районе улицы Промышленной, два дома западнее улицы Народной, здания и дзоты у оврага Банный».

У читателя невольно может возникнуть вопрос, какая же тут польза от такой учебы, «науки побеждать», если дивизия за два дня наступления захватила не село, не город, а всего-навсего полквартала, да еще два дома в придачу?

Все это так. Но дело в том, что гитлеровцы не собирались уходить из Сталинграда и укрепили каждый метр городской территории.

В те дни противник располагал еще крупными силами для сопротивления. К началу второй декады января у него насчитывалось четверть миллиона солдат и офицеров. И если неприятельские дивизии не были полными, то они не были и уполовиненными, как, например, наши. Гитлеровцы занимали хорошо укрепленные и выгодные в тактическом отношении рубежи: им было из чего выбирать. Засев в глубоких окопах, дотах и дзотах, установив перед ними минные поля и организовав исключительно плотную систему огня, окруженные войска Паулюса яростно цеплялись за каждый метр сталинградской земли.

Для того чтобы захватить указанные в сводке полквартала и два дома, атакующим подразделениям нашей дивизии пришлось преодолеть минные поля, проволочные заграждения, ворваться на передний край, представлявший из себя сильно разветвленную по фронту и в глубину систему траншей, стрелковых окопов, огневых позиций, средств усиления, блиндажей, дотов и дзотов.

В сводке об этом так и говорилось: «...Огнем артиллерии разрушено девять дзотов и блиндажей, уничтожено три пулемета и один миномет, подавлен огонь двух шестиствольных минометов, двух семидесятипятимиллиметровых орудий и трех пулеметов».

Боеприпасов у противника было вдоволь, он их не жалел. Нам наступать приходилось под шквальным огнем изо всех видов оружия.

Результат нашего наступления на новом направлении за первые два дня выразился не только в территориальных приобретениях.

«...Уничтожено свыше ста солдат и офицеров противника,— говорится в конце сводки.— Наши потери — 14 убитых и 37 раненых».

Вот что главное!

Сколько было раненых у врага, мы не знали, но статистика этой войны говорит, что число раненых у фашистов в три раза превышало число убитых. И если около ста гитлеровцев за два дня боев в полосе наступления нашей дивизии обрели вечный покой в сталинградской земле, то около трехсот были ранены, вышли из строя. Четыреста вражеских солдат и офицеров за шестьдесят наших, семь за одного — таков конечный результат нашей «учебы в университете городских боев».

Резервы у противника иссякли давно, ему нечем было залатать брешь, пробитую нами в его обороне, и на следующий день наши полки с еще меньшими потерями вышибли фашистов из окраины города и поселка Красный Октябрь, из прогретых и обжитых подвалов, землянок и блиндажей в морозное заснеженное поле.

Январской студеной ночью приятно было слушать не мелодии голосистых губных гармошек или выкрики: «Рус, сдавайся, не то буль-буль Вольга», а лязг и звон кирок и лопаток о мерзлую землю вновь окапывавшихся в чистом поле гитлеровцев или приглушенное предложение: «Рус, дай булька, хлеб, возьми автомат!».

Успешное продвижение нашей дивизии вперед на направлении главного удара было, конечно, результатом не только высокого боевого мастерства, но и беспримерного личного мужества гвардейцев, глубокого осознания ими своего патриотического и интернационального долга.

В эти суровые дни Сталинградской битвы солдатская дружба крепла и закалялась, и не было таких сил, которые могли бы разрушить ее. Только смерть, одинаково безжалостная и к друзьям, и к недругам, разлучала товарищей. Но дружба, рожденная на фронте, боролась и со смертью.

...Гвардии красноармеец комсомолец Петя Ворончук был первым номером пулеметного расчета. Ему девят-

надцать лет. Гвардии красноармеец Федор Морозов — второй номер этого же расчета, ему было сорок четыре года. Первый белорус, второй — русский.

Федор Захарович Морозов — бывалый солдат. Он воевал еще в первую мировую войну и хорошо знал, что такое исправная солдатская служба. Любил Федор Захарович чистоту и порядок, любил все делать так, как положено: с толком, добротно, надежно.

Петя Ворончук еще молод, и в его голове порой погуливал ветерок, за что Федор Захарович часто журил его:

— Ты, сынок, хороший пулеметчик, грамотный, за меткую стрельбу несколько благодарностей от командира роты получил. Все это верно. Но вот ты сегодня пообедал, а котелка не помыл. Куда же это годится? Это, браток, не по-солдатски.

Не по душе было Пете замечание старшего. И могло показаться, что Ворончук и Морозов всегда в ссоре, всегда друг другом недовольны. Но так только казалось.

Ночью противник начал обстреливать наши позиции.

— Наверное, в контратаку пойдет,— сказал Федор Захарович.

Пулеметчики изготовились, напряженно всматриваясь в темноту, разрываемую вспышками. Внезапно вблизи грохнул тяжелый снаряд. Глыба земли обрушилась на Морозова, сбила с ног, засыпала. И в ту же минуту совсем рядом послышалась немецкая речь, в темноте показались силуэты вражеских солдат.

Оставшись у пулемета один, оглушенный взрывом, красноармеец Ворончук открыл огонь. Он видел, как под его пулями падали враги. Меняя диски, Петя тревожно звал: «Батя, батя!» Но Морозов молчал. Стиснув зубы, Петя продолжал стрелять.

Гитлеровцы не прошли. Оставив перед нашими позициями десятки трупов, они отступили. Стрельба стихла, Ворончук бросился к Морозову, откопал его, на руках бережно перенес в землянку и уложил на солому. Морозов не подавал никаких признаков жизни. Ворончук приложил ухо к его груди: сердце билось! Не помня себя от радости, Ворончук побежал за фельдшером.

Все обошлось благополучно. К утру Федор Захарович пришел в себя. Первое, что он увидел, была склоненная над ним голова Пети.

Фельдшер сообщил Морозову, что если бы не Ворончук, то через несколько минут он задохнулся бы под землей.

Морозов был сильно контужен, но в медсанбат уйти наотрез отказался. А пока он поправлялся от контузии, Ворончук все делал за двоих, не давая ему даже пальцем шевельнуть.

...Наша пехота с ходу вступила в бой, выбила гитлеровцев из первой траншеи и, пройдя вперед, залегла перед второй. Санинструктор узбек Батырбеков, ползая по жесткому снегу, перевязывал раненых. Трудно было ему, южанину, переносить суровую стужу, но он держался стойко, забывая об усталости, не думая об опасности.

Санитарный пункт, однако, так и не был организован, в начале боя из строя вышли военфельдшер, три санитара и ездовой.

Батырбеков наткнулся на пустовавший блиндаж, забитый снегом. Он выскреб из него снег доской, поправил сломанную печку, растопил ее и пошел за ранеными.

Под огнем он перетаскивал их по одному в блиндаж. Когда он тащил последнего, тот проговорил:

— Ручной пулемет остался... Пусти за пулеметом, санитар.

Устроив раненого на полу блиндажа и поправив повязку, Батырбеков сам отправился за пулеметом. На обратном пути его накрыла мина.

Очнулся санинструктор в блиндаже.

— Жив, браток? — услышал он, как только открыл глаза и застонал от острой боли в кистях рук.

Ему поочередно оттирал их шерстяным подшлемником раненый в ногу боец.

— А ну, пошевели пальцами.

Батырбеков несколько раз сжал кулаки: пальцы покалывало будто иголками.

— Что случилось со мной? — спросил санинструктор.

— Оглушило тебя,— ответил боец.— Ты только вышел, слышим,— бабахнуло. Ну, говорим меж собой, нам жизни спас, а сам, может, погиб. Вот меня-то и командировали за тобой. Они-то все тяжелые,— кивнул он в сторону своих товарищей по несчастью.— Я взял карабин вместо костыля и доковылял до тебя...

— А обратно как? — спросил, благодарно улыбаясь, Батырбеков.— Ползком? Вместе со мной?

— Конечно, ползком. По-пластунски. Снайпер стал постреливать...

Это обычный эпизод из жизни обычного фронтового труженика с очень скромной специальностью военного санитара, но как много он говорит о стойкости, мужестве и дружбе советских солдат.

В период нашего общего наступления, когда бушевали метели, трещали лютые морозы и еще более злые фашистские пулеметы, многие бойцы и командиры, охваченные мощным порывом движения вперед, проявили себя настоящими героями. Их имена достойны вечной славы.

В один из этих дней несколько небольших штурмовых групп панихинского полка под общим руководством лейтенанта Николая Васильева — старшего адъютанта третьего батальона, ворвались в траншеи противника юго-западнее Мамаева кургана. Завязался ожесточенный бой, в результате которого бойцы закрепились в траншеях. Но связь с батальоном была потеряна. Гвардейцы во главе с отважным лейтенантом оказались в окружении.

Командование батальона и полка несколько раз в течение дня предпринимало попытки установить с ними связь, но каждый раз безуспешно. Как выяснилось впоследствии, в это время силы противника на участке, где сражалась группа Васильева, значительно пополнились за счет гитлеровцев, отступавших от Городища и Александровки к городу под нажимом войск 21-й армии.

Только ночью гвардейцы прорвались к своим окруженным товарищам. К тому времени лейтенант Васильев и значительная часть бойцов уже погибли. Командование принял на себя заместитель командира третьего батальона лейтенант Солоджа. Под его руководством оставшиеся в живых гвардейцы, а также гвардейцы, пришедшие на выручку, отбили все атаки врага. На следующий день была установлена прочная связь с батальоном. Ни Васильев, ни Солоджа, никто из павших и оставшихся в живых бойцов и командиров не предполагали, что это ничем не примечательное место навсегда войдет в историю битвы на Волге.

НА ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЕ

Стрелковые батальоны гвардии старших лейтенантов Усенко и Стотланда из дивизии полковника Козина 21-й армии Донского фронта с боями шли на восток. Шли по тому пути, по которому так недавно к Волге рвались фашисты, рвались в зверином исступлении, устилая степь трупами, разбитыми и сожженными танками. Трупы успели сгнить, а кости засыпал снег.

В степи разгулялась пурга. Северный ветер поднимал тучи сухого, мелкого снега и гнал его на юг. Степь курилась, колыхалась, плыла.

Бойцы шли белые, запорошенные. Снежная пыль, словно мука, приставала к их шинелям, шапкам, подшлемникам. Ослепительная белизна снега резко оттеняла черноту солдатских лиц, опаленных морозом, закопченных дымом походных костров. А слева и справа от них, поднимая снежные вихри, проносились танки. И нет-нет, а какой-нибудь солдат, сбивая рукавом сосульку, что повисла на усах, не удерживался от восторга:

— Эх, хороши машинки!..

Иногда, похожие на снежные сугробы, у дороги попадались парашюты, на которых, быть может, еще вчера гитлеровские летчики сбрасывали своим воякам провиант. Их использовали для маскировки боевой техники.

Сержант Болдырев, натягивая парашют на свою тяжелую гаубицу, посмеиваясь, приговаривал:

— В шелк одеваю красавицу. Заслужила милая,— и гладил рукой холодный, отливавший матовым блеском ствол.

Ежедневно, в течение долгих месяцев, в сводках Совинформбюро сообщалось о ходе боев в заводских районах города, где ни днем, ни ночью не смолкал гул артиллерийской канонады. Здесь, севернее Сталинграда, начались первые схватки с врагом в боях за город, здесь прозвучал и последний залп великой битвы. От Замечетинской степи на северной и до Купоросной балки на южной окраине города не было клочка земли, на который не упала бы пуля, осколок или капля крови.

Никогда еще приволжская степь не слыхала такого страшного грохота. На огромных просторах, где некогда носились дикие орды Чингис-хана, вспыхивали бои короткие, но жестокие. И снег, вытаивая, обнажал землю,— се-

рую, страшную. Враг упорно сопротивлялся, цепляясь за хутора и степные высотки. В одной балке для прикрытия своей отходившей колонны гитлеровцы поставили батарею шестиствольных минометов.

Услышав рявканье «дурилы» — так бойцы окрестили немецкий шестиствольный миномет,— лейтенант Сергей Боченок коротко сказал:

— Придется угомонить.

С группой бойцов он напал на вражескую батарею с тыла. Боевой расчет батареи был перебит.

— Ну, вот и порядок,— удовлетворенно проговорил лейтенант.

Все вражеские блиндажи и землянки имели амбразуры и были приспособлены для длительной обороны. Гитлеровцы сидели в своих норах, а нашим подразделениям приходилось наступать по открытой местности в условиях жестокого мороза и пурги. Но бойцы шли к Сталинграду, не зная устали, презирая смерть. Дух непобедимого Суворова витал над войсками.

После тяжелого дневного боя батальон старшего лейтенанта Стотланда вышел к балке, поросшей чахлым кустарником. На противоположном ее склоне каким-то чудом сохранился тригонометрический пункт. Когда пурга на минуту стихла, в свете ракет на его верхушке отчетливо показался тригонометрический знак. В балке, в блиндажах засели гитлеровцы. Стотланд не стал ждать утра. Он вывел батальон на фланг вражеской группировки, ударил по ней и в коротком бою выбил фашистов из блиндажей.

В одном из них остался мундир капитана с рыцарским крестом и недопитый чай. «Рыцарь» едва успел унести ноги, настолько был дерзким и неожиданным удар.

Бои, начинавшиеся днем, не прекращались и ночью. Вспышки разрывов на мгновенье выхватывали из темноты армады застывших неприятельских машин, исковерканных танков, врезавшихся в землю самолетов. Орудийные выстрелы сливались в мощную гамму и не было чудесней музыки, чем музыка наступления.

...На подступах к Сталинграду с севера на юг тянется земляной вал, насыпанный еще во времена царствования Анны Иоановны. «Царицын вал» был последним рубежом

противника перед городом. По обеим сторонам вала гитлеровцы соорудили дзоты, блиндажи, отрыли траншеи и хода сообщения. Видимо, они намеревались удержать вал любой ценой.

— Мы перешагнем через этот вал сегодня, а завтра будем в Сталинграде,— уверенно сказал перед боем гвардии старший лейтенант Стотланд.

Вечером 25 января 1943 года части Донского фронта начали штурм «Царицына вала».

После залпа «катюш» на рубеже вражеской обороны послышались частые разрывы, словно в гигантскую бочку посыпались чугунные ядра. Это был сигнал для атаки.

Бойцы шли на приступ. Одни падали, другие перешагивали их и шли вперед. Только вперед! Трудно им было, но они знали, что там, в Сталинграде, еще тяжелей. Выстрелы, разрывы мин, трескотня пулеметов, рев моторов, крики «ура», стоны раненых — все сливалось воедино и гремело над степью дьявольским разноголосьем.

Комбат Стотланд был там, где бились его гвардейцы. Там плотно ложились мины. Прошивали темноту ночи очереди трассирующих пуль. По звуку выстрелов комбат понял, что первая рота ведет бой в глубине обороны гитлеровцев. «Молодец ротный!» — с радостью подумал Стотланд. А вскоре и от командира третьей роты, связь с которой была прервана в первые минуты атаки, прибыл связной и передал запятнанное кровью донесение. Комроты сообщал, что его бойцы заняли траншею и отбивают контратаки противника.

— Ты ранен? — глядя на связного, спросил комбат.

— Нет. Командир роты. В руку. На словах приказал передать, что с поля боя не уйдет.

Справа и слева огонь врага начал слабеть и только в центре, там, где по балке наступала вторая рота, продолжали, захлебываясь, строчить вражеские автоматы и пулеметы.

Через полчаса командир батальона Стотланд уже находился в траншее, захваченной у неприятеля. Бой утихал.

На рассвете батальон подошел к городу.

Рано утром 26 января меня срочно вызвали к полевому телефону. Накануне я до глубокой ночи пробыл в ча-

стях и намеревался поспать, однако это мне не удалось. На войне нельзя заранее рассчитывать на отдых.

Взяв трубку, услышал голос командира полка Панихина, с которым мы расстались лишь несколько часов назад. Его сообщение сразу же прогнало сон.

— С запада слышна артиллерийская стрельба,— доложил Дмитрий Иванович,— снаряды рвутся в тылу противника.

— Это наши наступают. Немедленно выступайте им навстречу! Скоро буду у вас.

Доложив в штаб армии о полученном от Панихина сообщении, я собрался в дорогу. День предстоял напряженный, поэтому я решил наскоро перекусить, а затем уже отправиться в полк.

...Серенький январский рассвет еще не разогнал мглу. Слегка морозило. Поземка то и дело поднимала снежные вихри, жгла лицо сотнями ледяных иголок. Командир разведроты старший лейтенант Войцеховский, только что вернувшийся от Панихина, решил провести нас к Мамаеву кургану не обычным, а несколько сокращенным путем. Скоро пришлось переходить крутой и глубокий овраг. Едва мы начали спускаться вниз, как откуда-то раздалась пулеметная очередь. У наших ног пробежали снежные фонтанчики.

— Скорей!

Я был тогда помоложе и без затруднения несколько раз перекувырнулся, пока докатился до дна оврага. Рядом в снегу барахтался поэт Евгений Долматовский.

Отряхнувшись, обмениваясь шутками, мы отправились дальше.

А между тем события развертывались с каждым часом. Получив приказ наступать навстречу своим войскам, идущим с запада, Панихин бросил батальоны в атаку. Наступательный порыв гвардейцев был настолько велик, что за короткое время гвардейцы захватили четырнадцать дзотов. Они вихрем врывались в блиндажи и развалины, уничтожали огневые точки, захватывали пулеметы, боеприпасы, снаряжение врага.

Примерно около девяти часов утра подразделения Панихина, дравшиеся северо-западнее Мамаева кургана,

увидели в утренней мгле знакомые силуэты «тридцатьчетверок», шедших с запада. За ними шла пехота.

— Наши идут!

Эта весть мгновенно облетела всех.

Гвардейцы усилили огонь. Фашисты заметались. Бойцы, даже те, которые не получили приказа наступать, выскакивали из блиндажей, окопов, траншей и устремлялись вперед, уничтожая штыками и гранатами тех гитлеровцев, которые еще пытались оказывать сопротивление.

— Наши идут! Вперед! Ур-р-ра! — гремело над заводской окраиной.

Впереди гвардейцев бежали комбаты 34-го гвардейского стрелкового полка П. Д. Мудряк и Е. В. Гущин, заместитель начальника политотдела Коринь и другие командиры и политработники. Гущин вместе со своим заместителем по политчасти капитаном Соболем накануне сделал из красного полотнища знамя. Теперь оно развевалось над гвардейцами.

С каждой минутой все ближе и ближе родные и до боли знакомые фигуры в армейских полушубках и белых маскировочных халатах.

— Кто вы? — послышалось одновременно с обеих сторон.

— Мы — гвардейцы Родимцева!

— А мы — гвардейцы дивизии Козина!

Когда последние метры навстречу друг другу были пройдены, началось что-то невообразимое. Незнакомые люди обнимались, целовались, как родные братья. Под многоголосое «ура!» в небо взлетали сотни шапок. У многих бойцов на глазах навернулись слезы радости. В этой радостной толчее взволнованный майор Коринь, распластав прямо на снегу красное знамя, химическим карандашом написал на нем: «От 13-й гвардейской ордена Ленина дивизии в знак встречи 26.1.1943 г. В 7.20 мною было вручено знамя командирам батальонов гвардии старшим лейтенантам тт. Стотланду и Усенко».

Звонкое многоголосое «ура!» пронеслось по холмам, отозвалось в городе и надо льдами Волги.

Какой-то расторопный боец уже успел сбегать к реке, и, размахивая флягой, весело покрикивал:

— Кто волгарь — подходи, хлебни волжской водицы.

И ярославцы, саратовцы, куйбышевцы, горьковчане, казанцы, сталинградцы спешили к веселому бойцу, брали

из его рук флягу и жадно прикладывались к ней обветренными губами.

Стихийно возник короткий митинг. Люди, еще разгоряченные боем, тесно сомкнулись у импровизированной трибуны. Рядом стояли пришедшие с запада танки «Т-34». На башне одного из них, под номером восемнадцать, стояла надпись: «Челябинский колхозник». Это была одна из машин, переданных колхозниками Челябинской области в дар Красной Армии. Молодцы, челябинцы, ваш подарок очень пригодился! Он и сейчас стоит там, на месте исторической встречи наших войск.

Речи на митинге были кратки — все и без слов понимали друг друга.

— Это самый радостный день в нашей жизни,— сказал я, обращаясь к воинам Донского фронта.— Мы вас долго ждали, крепко держали город. И вот дождались...

Да, это был действительно радостный день. Части 62-й армии, отстоявшие город на Волге в битве, длившейся многие месяцы, встретились, наконец, с войсками Донского фронта, пришедшими с запада. Окруженная вражеская группировка была рассечена на две части: северную, занимавшую оборону в районе сталинградских заводов, и южную, находившуюся в центре города, где отсиживался со своим штабом фельдмаршал фон Паулюс. Окончательная ликвидация противника была делом нескольких дней.

Изнуряющее наступление, в котором мы отбивали у врага каждый метр земли, не прошло даром. Стоявший рядом Панихин тронул меня за рукав:

— Вот траншеи, которые захватил со своими бойцами старший лейтенант Васильев. Там же несколько дней дрались ребята лейтенанта Солоджи. Жаль, что Васильеву никогда не узнать, что бросок его штурмовых групп вывел наш полк почти к самому месту сегодняшней встречи.

Не успели замолкнуть приветственные возгласы у подножия Мамаева кургана, как произошла встреча пришедшей с запада гвардейской дивизии генерала Таварткеладзе с полком Долгова, который сражался левее панихинских батальонов. В одиннадцать часов утра здесь был составлен акт о встрече, и соединившиеся части ринулись добивать неприятеля.

А в городе уже налаживалась мирная жизнь. Состоялся очередной пленум Сталинградского обкома партии.

Окруженная и разрезанная надвое вражеская группировка не думала сдаваться. Гитлеровские генералы надеялись, что им удастся вырваться из «котла», тем более что на помощь им стремительно двигалась армия фельдмаршала Манштейна.

Теперь перед воинами, которые так долго и упорно сражались за Сталинград, была поставлена задача — добить окруженную группировку противника в северной части города.

Бои разгорелись с новой силой и велись буквально за каждый клочок сталинградской земли, и снова радость наших побед омрачалась потерями.

Еще раньше, в конце декабря, наши соседи — войска 39-й гвардейской дивизии — выбили гитлеровцев из цехов завода «Красный Октябрь». В одном из этих разрушенных цехов был создан полевой лазарет, куда санитары доставляли раненых. Фашисты часто открывали огонь по цехам, но этот район наши бойцы уже считали тылом: здесь можно было ходить в полный рост.

В поселке Красный Октябрь за два дня до уничтожения окруженной группировки я встретил Мишу и Машеньку. Я давно их не видел. Мишу — с ноябрьских праздников, а Машеньку — со дня допроса «языка», захваченного Бакаем.

Был вечер, над городом по-прежнему перекатывался орудийный гром, а над Мамаевым курганом, изрытым снарядами и пропитанным кровью, висело тяжелое облако дыма. Там, на западном склоне, снова шел ожесточенный бой, но каждый наш воин понимал, что это было последнее сопротивление вражеской армии.

Да, она сопротивлялась. Бессмысленно гибли тысячи солдат. Горели танки, падали, зарываясь в землю, самолеты, взлетали от огня прямой наводкой дзоты и отлично построенные блиндажи. Ее дивизии таяли с каждым часом. А в воздухе, насыщенном запахом железа, порохового дыма и крови, уже угадывалась наша долгожданная победа.

В этом многострадальном городе, где воины месяцами жили среди развалин, спали в подвалах, на щебне, в снегу, многим из них, конечно, было не до бритвы, не до иголки и утюга. А я всегда ценил в солдате подтянутость, чистоплотность и аккуратность — проверенный признак внутренней дисциплины.

Машенька Боровиченко и Миша Кравченко, казалось, были одеты в новые шинели и ушанки, на ногах добротные да еще начищенные сапоги. Минутой позже, разговаривая с ними и присмотревшись, я заметил, что шинели их заштопаны так искусно, а сукно разглажено так старательно, что с первого взгляда ни дать, ни взять — новая шинель.

Конечно, это Машенька в свободный ночной час где-то в уцелевшем подвале занималась их фронтовой одеждой. Оба они выглядели свежими, будто и не были долгие месяцы в боях.

Они тоже радовались встрече, и, когда я спросил, куда они спешат, Кравченко ответил:

— Направляемся в цех завода «Красный Октябрь», чтобы отобрать для эвакуации за Волгу первую группу раненых.

— Вид у вас молодецкий,— заметил я.— Дня через два-три, когда добьем фрицев, поставлю вас перед строем и скажу: «Вот пример ...»

Лицо Машеньки радостно просветлело.

— Мы в санитарной роте уже совещались об этом,— заговорила она.— Решили, сразу же, как уничтожим врага, все шинели, гимнастерски, шаровары, белье — передать в дезинфекцию и ремонт... Тогда нашу гвардию хоть на парад!

— Правильно, Машенька! А парад обязательно устроим: такую победу надо хорошо отпраздновать.

— Для нас с Мишей это будет второй праздник! — горячо проговорила девушка.

— Почему второй?

Они переглянулись, и я понял, а Кравченко подтвердил мою догадку:

— Когда эта битва закончится, мы поженимся...

— Ну что ж, дорогие,— я пожал им руки.— Успехов вам и долгой жизни!

Мог ли я в эту минуту знать, что вижу Кравченко в последний раз?

Через два часа мне сообщили, что военфельдшер Михаил Кравченко убит вражеским снайпером в цехе завода «Красный Октябрь».

Позже я узнал, как это случилось. Фашистский снайпер притаился в развалинах на территории завода. Долгое время он ничем не выдавал себя, по-видимому, имея

задание убить кого-нибудь из высших офицеров. Но кроме санитаров, в цех никто не входил. Потом появился Кравченко. Здесь, среди медицинских сестер и санитаров, он был старшим, и снайпер, наверное, решил, что дождался высокого чина...

Когда Миша, просматривая список раненых, остановился посреди цеха и вдруг уронил бумагу, медленно опускаясь на бетонированный пол, Машенька бросилась не к нему, а к провалу, откуда прогремел выстрел.

Она пробежала вдоль стены и скользнула в другой пролом у самого фундамента. А через минуту прогремели два гранатных взрыва. Вражеский снайпер был уничтожен.

Девушка вернулась в цех и молча опустилась перед Мишей на колени. Он был мертв... Кто-то из санитаров с трудом оторвал руки Машеньки от его рук...

30 января гитлеровцы «отпраздновали» свой мрачный юбилей — 10-летие фашистского режима в Германии, а 31 января южная группировка противника, действовавшая в центре города, прекратила сопротивление. Фельдмаршал фон Паулюс и его штаб сдались в плен.

Северная группировка, насчитывавшая около тридцати тысяч солдат и офицеров, еще агонизировала. На наше предложение капитулировать ее командование ответило отказом. Впрочем, этот отказ имел чисто формальный характер. После мощного удара нашей артиллерии и авиации гитлеровские генералы запросили пощады. 2 февраля началась массовая сдача в плен вояк северной группировки.

За Волгу потянулись нескончаемые колонны пленных. Жалкий вид имели «завоеватели», прошедшие с огнем и мечом через всю Европу.

И глядя на них, мне невольно вспомнился один любопытный и характерный для того момента приказ командира 134-й германской пехотной дивизии:

«1. Склады у нас захватили русские; их, следовательно, нет.

2. Имеется много превосходно обмундированных обозников. Необходимо снять с них штаны и обменять на плохие в боевых частях.

3. Наряду с абсолютно оборванными пехотинцами, отрадное зрелище представляют солдаты в залатанных штанах.

Можно, например, отрезать низ штанов, подшить их русской материей, а полученным куском латать заднюю часть.

4. Я не возражаю против ношения русских штанов».

Не от хорошей, видимо, жизни на русской земле гитлеровский генерал издал этот приказ. Не до стратегии было этому вояке, если даже заплаты на задней части казались ему отрадными.

А пришли завоеватели к нам спесивые, гордые, нарядные. Вырядились как на праздник. Нас называли «руссиш швайн». Но прошло полтора года, и стала «великая» германская армия армией голоштанников. Здесь, в Сталинграде, она получила убедительный урок.

Оборванные, голодные, обовшивевшие, уныло брели под конвоем советских гвардейцев оккупанты Франции, Норвегии, Бельгии и Дании, палачи Чехословакии и Польши — отборные солдаты той самой, еще недавно могущественной армии, что коваными сапогами прошла по всей Европе. Это уже брели полулюди — полутрупы, и путь их лежал на тот самый восточный берег Волги, куда они так стремились и попали в конце концов по иронии судьбы, а правильнее сказать — по воле советских людей.

Гитлеровский генерал снисходительно заявил, что против русских штанов он «не возражает». Еще бы. Да одна беда: мы возразили.

Разгром гитлеровцев в приволжской степи положил начало коренному повороту в ходе Великой Отечественной войны. Здесь, на берегах великой русской реки, нашли гибель не только отборные немецко-фашистские армии, но и погибла долгая традиция, на которой воспитывалось целое поколение немцев. Здесь окончательно рухнул миф о непобедимости гитлеровского вермахта, о его превосходстве над всеми армиями мира.

Советский народ выдержал суровое испытание — с оружием в руках отстоял свое право на жизнь, на независимость, на будущее!

Герой Советского Союза генерал-майор А. И. Родимцев. (Снимок сделан вскоре после Сталинградской битвы).

...Неожиданно мы оказались в глубоком тылу. Еще вчера здесь кипел бой, а сегодня мы в тыловом городе — линия фронта за два с половиной месяца наступления ушла далеко на запад.

Сталинград — тыловой город? Нет, это никак не вязалось с ним.

Перед уходом дивизии отсюда мне удалось вырвать немного времени для того, чтобы пройти по городу. Что ни шаг — развалины. Груды щебня слегка припорошены снегом, из-под снега торчали концы балок, обрывки арматуры. Мертвыми глазницами смотрели разрушенные дома. На трамвайных линиях застыли, занесенные снегом, изрешеченные пулями, осколками снарядов вагоны...

Тогда-то впервые я по-настоящему понял, что такое руины. Пока шли бои, все это воспринималось иначе, ассоциировалось как опорные пункты, узлы обороны — одним словом, что угодно, но только не руины. Теперь же я увидел разрушенный город. Разрушенный, но не покоренный, живой.

Сталинград прошел сквозь страшные испытания войны, был истерзан бесчисленными бомбардировками, иссечен снарядами, но жил и торжествовал победу.

Над Волгой стояла победная тишина. Огромные массы народа заполнили улицы и площади Сталинграда.

В толпе выделялись преимущественно армейские шинели и полушубки. Но немало людей было и в гражданской одежде. Некоторые с интересом рассматривали подбитый вражеский бомбардировщик, который лежал посредине площади. Многие, разговаривая, показывали в сторону полуразрушенного здания универмага. Из его подвала несколько дней назад советские автоматчики вывели сдавшегося в плен Паулюса.

Строем прошли наши воины. Так непривычно было видеть на фронте людей в строю!

У всех было радостное, приподнятое настроение. За отсутствием оркестра строй проходил маршем под звуки трофейного аккордеона.

Кто-то выкрикнул из строя, обращаясь к регулировщику:

— А где тут, браток, дорога на Берлин?

Регулировщик, улыбнувшись, ответил:

— Прямо!

Снег сверкал солнечными блестками. В морозном воздухе гулко раздавался твердый шаг воинов-победителей.

После многомесячных боев гвардейцы уходили на запад такой же уверенной поступью, какой они пришли сюда, на берега Волги, на защиту Сталинграда...

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

Отгремела Сталинградская битва. Кончилась война. Но мы, ветераны, ежегодно 2 февраля съезжаемся сюда, в Волгоград, чтобы воскресить в памяти обжигающее дыхание той горячей поры. И какая бы ни была погода — трескучий ли мороз или метелица — едва только забрезжит рассвет, мы всегда собираемся здесь, у мельничной стены.

Вот и сейчас мы съехались сюда, собрались у мельницы. Она такая же, какую мы оставили, покидая Сталинград четверть века тому назад. Это, пожалуй, единственное здание, сохранившее на своих кирпичных стенах рубцы, шрамы и раны войны. И хорошо, что она осталась в прежнем виде; пусть напоминает о том, что несла с собою война. Здесь уже заложен фундамент здания — музея обороны города-героя.

Как всегда, первым мы встретили на этом месте нашего седоусого друга Василия Сергеевича Глущенко, ветерана трех войн. После Сталинграда он участвовал во многих боях и под Кенигсбергом потерял ногу. Вернувшись на родную Ставропольщину, Василий Сергеевич долго работал в колхозе, потом вышел на пенсию.

— А для меня война закончилась здесь, в «молочном доме»,— говорит Илья Васильевич Воронов.— Многовато железа вколотили в меня гитлеровцы. Спасибо врачам — спасли, хотя и сами не верили, что выживу...

Как и у Глущенко, у Воронова протез. Он ныне работает в колхозе, в селе Глинки Орловской области, является секретарем партийной организации и депутатом сельского Совета.

Якова Федотовича Павлова мы называем по-сталинградски «гвардии сержантом». После штурма «молочного дома» его след затерялся по госпиталям и фронтам. Простой советский человек, валдайский слесарь, он не придавал какого-то особого значения своему подвигу и скромно продолжал выполнять свой солдатский долг. Только в конце войны удалось разыскать героя Сталинграда, и в апреле 1945 года ему присвоили звание Героя Советского Союза. Демобилизовавшись, Яков Федотович Павлов закончил Высшую партийную школу, долгое время работал в своем родном городе Валдае, а сейчас приехал из Новгорода, где он ныне живет.

Постепенно наша группа увеличивается. Подходит Файзрахман Зельбузарович Ромазанов, прибывший сюда из Астрахани, из совхоза «Волжский», где он работает кузнецом. В солидной даме Марии Сергеевне Ладыченко мы узнаем худенькую санитарку Марусю Ульянову, чьи ловкие сноровистые руки в свое время перевязали раны чуть ли не каждому из присутствующих здесь.

Особый восторг вызывает появление Зины Селезневой, той самой Зины, что родилась в «доме Павлова» в те далекие грозные дни. Сейчас это «представительница спасенного поколения», как мы в шутку называем Зину, бывшую студентку Волгоградского политехнического института. Она подходит к нам под руку с Иваном Филипповичем Афанасьевым, бывшим начальником гарнизона «дома Павлова».

Трагичной была судьба этого человека.

...После тяжелых ранений гвардии капитан Афанасьев

ослеп. Целых двенадцать лет для него кругом была мгла. Заведующий кафедрой глазных болезней Волгоградского медицинского института профессор Александр Михайлович Водовозов заинтересовался судьбой героя Сталинграда и решил сделать ему операцию глаз. Операция проходила без наркоза, сам больной был ассистентом профессора.

Превозмогая боль, от которой, казалось, вот-вот померкнет разум, Афанасьев по ходу операции отвечал на вопросы профессора, когда внутрь глаз вторгались иглы шприца, острие скальпеля и другие хирургические инструменты.

Такое мог вынести только закаленный в суровых испытаниях воин.

В памяти Ивана Филипповича Сталинград остался городом руин. Когда ученый вернул ему зрение, Афанасьев увидел другой город, возрожденный к жизни из праха и пепла, во что был превращен гитлеровцами...

— Пошли,— по праву старейшего среди нас говорит Глущенко.— Остальные, кто подойдет, нагонят.

И мы направляемся к всемирно известному дому солдатской славы — «дому Павлова».

Павлов и Глущенко шагают рядом. Когда-то этот путь они проделали ползком, под свист вражеских пуль, пробив дорогу остальным. За ними идет Афанасьев, превративший благодаря своей энергии и мужеству этот дом в несокрушимую крепость, о которую разбила головы не одна сотня гитлеровцев. Благодаря стойкости вот таких сталинградских «гарнизонов» навсегда развеялся миф о непобедимости немецко-фашистской армии, начался ее закат.

Блещущий белизной стен, подсвеченных заснеженной площадью, дом предстает перед нами торжественным и монументальным. А мы помним его продырявленным снарядами, с проломанными простенками, разрушенной сверху до основания четвертой секцией.

Когда на берегу Волги отгремели последние залпы, группа местных женщин во главе с работницей Александрой Максимовной Черкасовой по своей инициативе взялась за восстановление «дома Павлова».

Один подвиг порождает другие. Это вполне закономерно для нашего общества. Народ поднял Павлова и его товарищей на подвиг. Подвиг Павлова вдохновил мно-

гих советских людей на героические дела. Именно в этом доме солдатской славы родилось замечательное движение, сыгравшее большую роль в восстановлении разрушенного войной города.

Но ту торцовую стену, что обращена к Волге, так и оставили непобеленной. По-прежнему, «по-военному» краснеет кирпич, а на бетонной части стены художественной резьбой начертаны бессмертные имена гвардейцев героического гарнизона и тех, кто стоит сейчас здесь, рядом со мной, и тех, кто не вернулся из своего последнего боя. А не вернулись многие: Александров, Черноголов, Собгайда, Довженко, Бондаренко, Хаит, Свирин, Чернышенко, Ефремов и другие. Не так давно старые раны оборвали жизнь гвардии рядового автоматчика Мосиашвили, а также одного из лучших снайперов Сталинградского фронта — Анатолия Чехова, часто «охотившегося» вот из этих окон.

Мы долго стоим в скорбном молчании, обнажив головы в память тех, кто никогда не станет с нами в строй.

— Пойдем по нашей улице? — спрашивает Глущенко.

— Разумеется,— говорим мы.

Мы, конечно, горды, что эта улица носит название нашей 13-й гвардейской дивизии. Высокие современной архитектуры дома, спешат на работу прохожие, бегут с портфелями и сумками школьники. Оказывается, ребята всех нас безошибочно узнают: «А этот дедушка с седыми усами Василий Сергеевич Глущенко!», «Вот тот — Яков Федотович Павлов»,— раздаются детские голоса.

Каждому из нас кажется, что он у себя на родине.

Сзади под торопливыми шагами поскрипывает снег и слышен знакомый голос:

— Наконец-то, догнал!

Высокий, рослый, с обаятельной улыбкой на совсем неизменившемся лице командир передового отряда гвардии старший лейтенант Захар Петрович Червяков, как и всегда, весел и жизнерадостен.

Энергичные объятия, крепкие пожатия рук, веселые возгласы...

Наша сталинградская семья почти двадцать лет ничего не слыхала о нем. И вдруг его письмо. Читаю:

«...После ранения на привокзальной площади я был на излечении в городе Прокопьевске, Кемеровской области. Выздоровев, вновь командовал стрелковым ба-

тальоном, опять первым, в 26-й стрелковой бригаде. В октябре 1953 года демобилизовался. Сейчас живу и работаю в Харькове...»

Скупые строки, скромные слова. А ведь этот человек под сплошным огнем врага первым переправился через Волгу и первым вступил в бой, который со временем вылился в наступление дивизии, армии, фронта, в то, о чем всегда думал, к чему стремился и во что верил Захар Червяков — в победу.

Захар Петрович был первой жертвой этого боя, но воспитанный и обученный им батальон, помня приказ своего командира,— «Стоять насмерть!» — на две недели сковал столько сил наступавшего противника, уничтожил столько его живой силы и техники, что сорвал планы Паулюса захватить центральную часть города и пробиться к Волге и дал возможность дивизии организовать несокрушимую оборону.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что батальон Червякова послужил для всех частей и подразделений дивизии, для каждого гвардейца образцом строгого исполнения приказа и долга и определил тем самым стиль наших дальнейших боевых действий.

...Мы проходим по центру города, по его просторному проспекту Ленина, со сверкающими витринами магазинов, с многоэтажными зданиями учреждений, школ, институтов и театров. Я не знаю, есть ли город с проспектом в семьдесят километров длины, но такого красавца-города, выросшего за несколько лет на месте руин, нигде на земле нет.

На площади Павших борцов, у вечного огня славы, в почетном карауле замер комсомольско-пионерский пост. Названа площадь так потому, что здесь похоронены героические защитники Царицына, зверски замученные белогвардейскими палачами в 1919 году.

В сентябре 1942 года эта площадь стала ареной жестоких кровопролитных боев, которые вела наша дивизия. На этом месте после Сталинградской битвы были погребены павшие воины — солдаты и офицеры 62-й и 64-й армий. Так прах первых жертв революции обагрен кровью героев, спасших завоевания революции от фашистов.

Есть здесь отдельная могила, которая во мне вызывает особую боль. После той памятной встречи в ночной

волжской степи с Рубеном Ибаррури мы больше не виделись. В последние дни осени 1942 года у хутора Власовка в самый критический момент боя командир пулеметной роты Ибаррури поднял бойцов в контратаку и ликвидировал опасное положение на переднем крае, но при этом сам был тяжело ранен и в начале сентября скончался.

Гвардии капитану Рубену Руису Ибаррури посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда на Мамаевом кургане мы, пораженные величием архитектурно-скульптурного памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы, остановились перед монументом «Скорбь», то он в моем представлении вызвал прежде всего образ той женщины, которую мы в Испании называли неистовой Пассионарией.

Я понимаю, что талантливый советский скульптор Е. В. Вучетич создал обобщенный образ матери, скорбящей над телом павшего сына, что в наш грозный век слишком много матерей с такой горькой участью, но я преклоняюсь перед Долорес Ибаррури, не только посвятившей всю свою жизнь революционной борьбе, поднявшей народ Испании на первую битву с фашизмом, но и воспитавшей в Рубене страстного бойца с врагами человечества.

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»,— говорила нам в Испании Долорес, и эти ее гордые слова стали девизом в короткой, но пламенной жизни Рубена.

У поэта Ярослава Смелякова есть проникновенные строки, обращенные к Долорес:

...Не Ваш ли сын под Сталинградом,
кончаясь от немецких ран,
шептал с уже померкшим взглядом:
«Но пасаран! Но пасаран!»
Как Вы когда-то заклинали
В тяжелом гуле фронтовом,
Мы устояли, устояли,
Стоим, как прежде, на своем,
И не на шаг не отступая,
Перед лицом враждебных стран
Мы всенародно утверждаем:
«Но пасаран! Но пасаран!»

В торжественном молчании мы стояли у Мамаева кургана, когда-то штурмом взятого полком майора Долгова. Его вершина увенчана главным монументом, изобра-

жающим Родину-мать, в справедливом гневе поднявшую меч и призывавшую в бой своих сыновей.

Наше молчание, вызванное созерцанием этой скульптуры, было прервано возгласом:

— Пусть попробуют!..

Мы все невольно рассмеялись.

— А ведь ты прав, батя,— и Илья Воронов хлопнул по плечу Василия Сергеевича Глущенко.— Я ведь тоже так подумал. И Мамай, говорят, на кургане шатер свой ставил, и фрицы на аккордеонах играли, а мы все-таки стоим здесь как хозяева. На своей земле. А если какая нечисть и полезет, то, как ты там, в своем доме, сержант, говаривал...

— За одного нашего трех ихних, а то и поболее,— улыбаясь, заканчивает Павлов мысль Воронова.

— Во! Верно! — соглашается Илья и обращается к Глущенко: — Ну, а теперь куда нас поведешь, батя?

— Известно куда,— поглаживая свой седой ус, улыбается Василий Сергеевич.— Ведь сегодня наш день...

СОДЕРЖАНИЕ